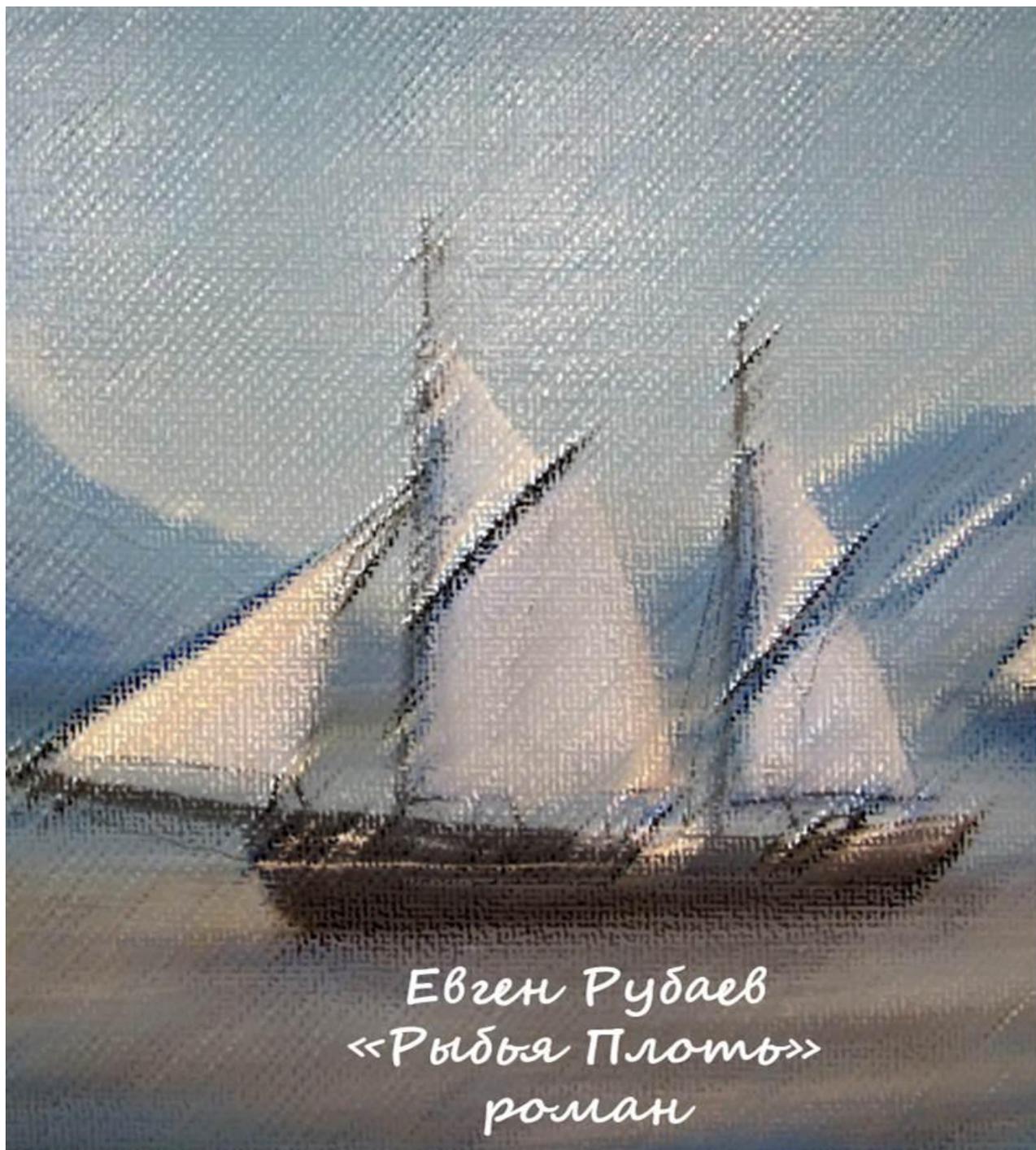

Рубаев Евгений

РЫБЬЯ ПЛОТЬ

Описываемые события происходят в предперестроечные годы в России, Северо-Западном регионе. Действие развивается стремительно, знакомит читателя со всей тяжестью ведения процесса открытия нефтяного месторождения. Определение места поисков нефти происходит с участием мистических событий, непосредственные участники переживают личные трагедии, связанные с необъяснимыми явлениями. Рассказывается о работе и быте буровиков, которые в прошлом были осуждены и отбыли не по одному сроку в лагерях. Это откладывает печать на их поведение, обуславливает их самобытность.

Главный герой участвует в разнообразных любовных приключениях, что не мешает сохранять ему романтичность и целостность своей натуры. Будучи малоопытным профессионально, он попадает в сложные ситуации, связанные с его трудовой деятельностью. Несмотря на непростое положение вещей, он находит относительно благополучный выход из всех запутанных историй, оставаясь благородным и бесстрашным человеком.

Природа описываемых мест сурова и однообразна. Её тусклые пейзажи расцвечивает колорит жизнерадостных, неутомимых на выдумки героев. Персонажи книги по своему характеру весьма не похожи друг на друга, их сплачивает любовь к Родине и своей профессии. У них всех жизнь сложилась по-разному, но всех их объединяет одна лишь движущая сила – судьба!

Оглавление

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	47
Глава 5	63
Глава 6	79
Глава 7	93
Глава 8	107
Глава 9	119
Глава 10	132
Глава 11	147
Глава 12	162
Глава 13	174
Глава 14	190
Глава 15	209
Глава 16	226
Глава 17	240
Глава 18	257
Глава 19	273

Глава 1

История эта началась давно. В конце прошлого века. Весь прошлый век был весьма интересен. В нашей стране произошёл восхитительный эксперимент. Опыт, которого не проделывал над собой ни один народ мира. От этого всё течение века, если отрубить его концы, очень любопытное. Весь эксперимент закончился смертью Генсека, обладателя самого большого количества в мире наград на одну персону. Примерно на этот период пришлось окончание высшей школы геологом Рудольфом. Или как его называли однокашники: "РАФ", что являлось сокращением его фамилии, имени и отчества: Рудольф Александрович Фомин. Ещё в раннем периоде его жизни иногда его звали Фома, но эта кличка не приживалась, так как с виду её обладатель был вида далеко не лоховатого, а являлся худощавым брюнетом с чёрными, яркими, острыми глазами.

В его дипломном проекте ничего блистательного не было, это был типовой диплом, как много тысяч таких же дипломов об окончании института. Назывался дипломный проект длинно и нудно: "Геологические методы поиска и разведки..." - и так далее. На защите высокая комиссия поставила ему "четыре" не столь за сам проект и защиту, всё это в комплексе тянуло на "тройку", а за то, что сам соискатель был виден собой. Председатель комиссии, "оракул", генеральный директор всего Территориального Геологического Управления, ведущего поиск полезных ископаемых на всей геологической территории, на которой и располагался институт, до защиты Рафа дремал с открытыми глазами. В преддверии защиты комиссия всем составом плотно закусила в ведомственном общепите, разбавив холестерин дагестанским коньяком. У председателя комиссии кровь отлила от головы, мобилизовав все силы на переваривание ведомственной пищи, он задремал и очнулся только от громкого, хорошо поставленного голоса Рафа, соискателя звания "горный инженер". Председатель несвойственным со сна пожилого человека взглядом осмотрел ладную фигуру докладчика и навёл справку у секретаря комиссии:

– Кто этот юноша?

– Фомин Рудольф Александрович. Среднячок по результатам экзаменов.

Насчёт середнячка секретарша, конечно, "замазала"! Раф из сессии в сессию имел хвосты, в его зачётной ведомости доминировали тройки. Он проходил обучение в те счастливые времена, когда ещё оставались возможности, в исключительном случае, иметь допуск к сессии с задолженностью за прошлые экзамены. Эти исключительные случаи у него перманентно перетекали из сессии в сессию, вплоть до последней, десятой, на пятом курсе. Хвостов к этой сессии у него, на его собственное удивление, не было, и он, уже сам, назвал этот случай "исключительным". В честь этого он поставил очередной рекорд: пришёл на все пять экзаменов изрядно подшофе. Этот номер у него тоже пролез, и вот он стоял перед стендами с начертанной его шаловливой рукой графикой. На ней была красочно изображена суть описываемого проекта: геологические разрезы, карты и прочая атрибутика. После его чёткого, громкого доклада, председатель порекомендовал поставить ему "отлично" и велел:

– Обратить внимание на этого специалиста!

Ведущий протокол комиссии серый кардинал шёпотом порекомендовал снизить оценку, сказав, что объяснения по этой рекомендации предоставит потом, и остановились на компромиссе: "хорошо". Дипломанты, выходявшие из аудитории, где шла защита, попадали сразу в соседнюю комнату, в объятия друзей, и там Рафу налили полный стакан ординарной водки, в качестве обряда. Основной банкет происходил в местном узловом ресторане. Половину суммы на банкет субсидировало геологическое управление, куда, в основном, распределялись выпускники. По этому поводу каждому виновнику торжества можно было привести по одному спутнику или спутнице. Спутниц у Рудольфа было великое множество. Вначале он всем однокашникам заявил, что придёт с певичкой из местного дворца культуры, но в последний момент певичка спасовала, инстинктивно опасаясь вокалистки из ресторана, где должен был состояться банкет. Раф быстро сменил тактику. Он собрал некое акционерное общество из выпускников, которые ещё не успели обзавестись спутницами для проведения бала, и пообещал им:

– По шикарнейшей шмаре – каждому!

Кандидаты в кавалеры, по условию договора, должны были ждать своих пассий на крыльце для торжественного прохода мимо контролирующих членов комитета по организации банкета. Для соблюдения условия: "Один дипломант – один гость". Почти в назначенный час к фасаду ресторана подкатил фургончик на базе ГАЗ-66 "Аварийная – водоканал", на переднем сиденье которого за лобовым стеклом восседал Раф. Фургончик затормозил у крыльца ресторана, Раф вышел и, пройдя к задней двери фургона, стал выгружать девиц. Порог фургона был достаточно высок, и девицы, пребывавшие в туфлях на шпильках, повизгивая, прыгали вниз, где их ловил за бока галантный Рудольф. Всех четырёх он поймал весьма успешно, настал черёд пятой. Когда та прыгнула в объятия Рафа, он, вместо подхвата девицы за талию, вдруг резко убрал свои руки за спину и отошёл вбок. Девица шлёпнулась на подкосившиеся ноги и растянулась на асфальте. Когда её подняли подскочившие доброхоты – вид был плачевный. Колготки порвались на коленях, и через дыры проступала сукровица. Ладони тоже были в грязи и ссадинах. Товарищи обрушились на Рафа с обвинением в жестоком обращении с женщиной:

– Почему ты так поступил с девушкой?

– Она плохо себя вела: не хотела ехать и других баламутила. Вы...бывалась, шмындра! – не оправдываясь, вынес вердикт тот.

Оставшихся в исправности девиц попарно повели в банкетный зал. Но банкет, в общем, не задался. По крайней мере, для Рафа. Объекта для охоты у него не было. Не станет же он в эндшпиле вечеринки объясняться бывшей сокурснице, что он на протяжении пяти лет тайно любил её и в преддверии расставания решил открыться ей в любви!.. Это выглядело бы весьма сюрреалистично, ни одна бывшая студентка ни на йоту не поверила бы его признаниям. Все они единодушно считали Рафа развратником. А он был не виноват в большом количестве поклонниц его обаяния! Ни сердцедаем он не был, ни бабьим угодником. Более того – процессу охмурения очередной партнёрши он времени уделял просто ничтожно мало по сравнению с числом своих побед. Всё у него получалось как-то само собой. Самым обиходными выражениями в конце прелюдий у него были: "Дай засадить!" или "А давай я тебя отдеру!"

Девяносто девять процентов подруг соглашались. Исключением были только сподвижницы с шаткими медицинскими показаниями. Так что Раф был узником сексапильности. Как это и бывает, его же в любвеобилии и обвиняли. В основном, это были особы, не прошедшие конкурс на роль любовницы или покинутые. А покинутые были все, кто прошёл конкурс претенденток. Нормальное положение Рафа было "свободен от любовных уз". За все эти коллизии большинство дам и некоторые мужчины-завистники его ненавидели. Среди таких были и бывшие преподаватели, от чего процесс обучения был мучителен. Человеку, мужчине и женщине с привлекательной внешностью, легко приходится только при первом преодолении барьера при контакте, если человеку что-то надо от контактёра. Допустим, выбить какую-нибудь подпись на никчемной бумажке. Если этот процесс затягивается, и исполнитель разумом понимает, что добиться близкого расположения симпатичного человека не удастся, тогда чиновник (или чиновница) начинает мстить за поруганные надежды. Рафу при оценке с этой позиции некоторые моменты в жизни давались легко, в один проход. Но если отношения затягивались, то чтобы преодолеть сопротивление, ему приходилось включать агрессию. А с этим фактором у Рафа тоже всё было в порядке.

Во главе банкета возвышался геологоразведочного факультета. Он с рюмкой в руке уже толкнул пару тронных речей и теперь почивал на лаврах. Весь стол развалился на мелкие группки. Не то чтобы пошёл полный сепаратизм, но консолидации явно не было. Наибольшее оживление витало вокруг приводных девиц. Сами они уже размежевались с Рафом, не за то, что он так лихо обошёл с их пятой подружкой, а двигал ими инстинктивный страх – предположение, что в одночасье их тоже постигнет такая участь. Сокурсницы напротив, пронаблюдав за падением наперсницы, видя её крушение, торжествовали. За все последние годы они никогда так не уважали и не любили героя диверсии с девицей, Рафа. Причём любовь была коллективной. Невзирая на то, что многие однокурсницы имели виды на своих друзей-студентов, а те теперь вились роями вокруг приводных девиц, демонстрируя им удаль и наперебой приглашая танцевать. Девушки со стороны были не из первой десятки красавиц и такого внимания в пригороде, в котором проживали, они доселе не

испытывали. Теперь, руководствуясь переданным генетически опытом предков, они держали понт и взирали на поклонников высокомерно и холодно, даже с долей презрения. Ни одна из них не поняла восьмым чувством, что это – их звёздный час, шанс обзавестись женихом с налётом интеллигентности и потом "выйти в свет". Большинство из них через год-другой выйдет замуж за местечковых хулиганов, обзаведётся сопливыми детьми-хулиганами, большими невыводимыми животами и многочисленными прослойками телесного жира от картофеля, хлеба и сахара-песка. А пока они все были на понтах и в кофточках, приобретённых в сельпо, куда ездили с родителями к родственникам для заготовки картофеля на зиму.

Уже в фойе случилась маленькая драка. Было ещё слишком рано, подобающая обстановка для подобного действия ещё не возникла, и дерущихся из-за неподелённой невесты быстро развели. Один из них, Коданёв, плакал теперь пьяными слезами, приговаривая на обращенные к нему утешения:

– Обидно мне. Плохой я! Некрасивый!

Рыдания приносили ему наслаждение. Выходил, таким образом, стресс, накопленный за дипломное время и время ожидания распределения. Невзирая на первый инцидент, у всей компании гуляющих на банкете настроение было весьма приподнятое. Всем без исключения казалось, что достигли они точки высшего совершенства. Теперь им сам чёрт не брат и весь мир лежит у ног: "Стоит только захотеть!" Многие были абсолютно уверены, что они полны сил и закончат ещё один, смежный или не очень, факультет. Поступят ещё раз учиться, на второе высшее образование. Это желание было у них вовсе не потому, что они неправильно выбрали профессию и разочаровались в финале. А освоить ещё один факультет жаждали просто в эйфории, как им легко удалось разделаться с первым! В действительности абсолютное большинство больше не будет учиться, даже тренинги-коучинги по повышению квалификации будет избегать. Лишь единицы из выпускников станут более-менее значительными специалистами или руководителями. Остальные будут влачить долю специалиста-среднячка, обременённого комплексами и бытовым алкоголизмом. Многие девушки станут домохозяйками,

лишь изредка в порыве получить какую-нибудь пенсию, в конце трудового пути будут выходить на какую-нибудь работу между декретами и шебуршать бумагой, творя никчемные отчёты. Сами они в отчётах ни чёрта лысого понимать не будут, и никто особо эти отчёты и читать не будет.

А пока все участники банкета, переполненные гордостью звания: "горный инженер геолог" дружно плясали финский танец летка-енька. В этом танце держат друг друга руками за части тела, и этот факт всех чуть ли не роднил. Клялись страшными клятвами о коллективных встречах каждый год. Об эпистолярной связи и безусловной взаимовыручке. Раф в это время весь разрываемый тягой что-либо нашкодить – раз объекта для грядущего секса здесь не существовало, оказался у буфета на кухне, где выдавали спиртное официантам для дальнейшей отправки клиентам. Амбразура буфета была: святая-святых!.. Через этот прилавок заключались все устные индивидуальные договоры между каждой официанткой и буфетчицей Вандой. Откуда у неё было такое имя – было тайной для всех. Для всех лишь было яснее ясного, что дочка у Ванды – красавица. Раф как-то даже планировал сплести тенета и "сдобрить" дочку, но при близком их знакомстве это оказалась тупая девица романского типа, со сросшимися бровями. Впрочем, из-за этих бровей все и считали её красавицей. Кроме этого дефекта, дочка обладала ещё рыхлой задницей, висящей под могучим местом, где должна была быть талия. Раф быстро отработал "винтами назад" и лишь при случае выкрикивал тривиальный лозунг:

– Ванда, а дочка у тебя – просто красавица!

Ванда рассматривала Рафа как претендента на приданое, но заученно повторяла давно созревшее решение:

– Непутёвый ты. Дочка должна иметь опору в жизни, а у тебя одни девки на уме!

Ванда имела крутой нрав, Раф был одним из немногих, с кем она говорила гражданским языком. А на официанток она обыкновенно орала:

– П...здорванка ...бучая! Шалава, бикса, шмындра паровозная!

Как-то директор ресторана, косивший под интеллигента, чуть ли не принца крови, поправил её:

– Ванда Владимировна, что же вы так ругаете официанток. Они же девушки!

– Что-о-о? Это – девушки? Это же бл...ди!

Принц крови ретировался и больше не обсуждал моветон Ванды, чтобы самому не попасть под раздачу. Хозяйка амбразуры обладала редкой способностью "переводить стрелки" ровно "до наоборот"! Однажды один клиент, проникший в ресторан к самому закрытию, с горячим желанием купить бутылку водки на вынос для неожиданно приехавшего к нему в гости недопившего начальника, обратился напрямую к буфетчице. К Ванде. На вид покупатель был непьющий, и это смутило королеву амбразуры:

– А вдруг это проверяющий? – состорожничала она.

Поэтому она вывалила на него полный набор своих эпитетов, а на его вопрос: "Что же вы так лаетесь?" – она "открыла лейку":

– Ах, я лаюсь?!.. Значит, я собака?! Граждане!!! Он меня сукой семитаборной назвал!..

В случае с Рафом Ванда, имея где-то на задворках сознания, что он может всё-таки стать её зятем, обратилась к нему с предложением:

– Рафик, ты же хороший мальчик! Купи у меня ананасик?!

В те годы ананас был большой редкостью. Его можно было достать только в обкомовском буфете. Неделей раньше гуляли какой-то юбилей приближённые к обкому. Стол их украшал ананас. Они все перепились, и ананас перешёл к Ванде, обменный на две бутылки водки. Теперь он сох на видном месте на витрине. В силу своей жмотистости, просто так сожрать его Ванда не могла. Он олицетворялся у неё в виде двух бутылок водки, а водка – это валюта. Это всё равно, если валютчик, что на углу менял деньги на доллары, купит за доллары колбасу и съест её. Это не допускалось даже в мыслях!

Раф был скор на комбинации. Он быстро спросил:

– А сколько стоит?

Ванда быстро умножила ресторанный цену бутылки на четыре и прибавила ещё цену одной, на случай уторговывания:

- Тридцать рублей!
- Подожди, сейчас принесу!

Раф прошел в зал, подошёл к декану и на правах равного уже спросил:

- Иваныч, там ананас продают. Купишь?

Разомлевший от чествования и комплиментов, слегка окосевший декан ответил:

- Ну, конечно!
- Давай шестьдесят рублей, только быстро. А то разберут!

Декан отвалил шесть червонцев и через две минуты у него под носом на столе красовался ананас, у которого от усыхания уже показался пенёк под завядшей ботвой. Что любопытно, декан после окончания банкета ананас тоже оставил на столе. Его опять приватизировала Ванда и на другой день продала нефтяникам-бурильщикам. У неё была надежда, что те тоже оставят ананас – она слышала историю про собаку, которую продавали на рынке, а та потом возвращалась к хозяину. Но бурильщики в ту же секунду ананас распластали и съели его как арбуз, держа корку в натруженных руках...

Банкет в честь защиты дипломов закончился. В те времена рестораны закрывались в одиннадцать часов. Раф пошёл ночевать к себе, в студенческое общежитие. Были у него несколько дежурных подруг, которые готовы были его приютить на ночь, но он не хотел искажать картинку прощального вечера и лёг спать на своей студенческой койке.

Разбудили его утренние вопли в коридоре:

- Гандон зло...бучий! Козёл вонючий!

К нему в комнату влетел Тюльпан – студент по фамилии Тюльпанов. Преследующий Тюльпана следом вламываться не стал, зная, что Раф сначала бьёт в челюсть, а потом наводит справки.

Тюльпан регулярно, как студент первого курса, бегал к Рафу за водкой, поэтому на протекцию мог рассчитывать смело. Истошные

же вопли исходили от студента-заочника Аврала, который месяцами загадочно жил в общежитии на какой-то установочной сессии. Поселили его в паре с Тюльпаном, которому он докучал непрерывными пьянками и одной традицией, по причине которой вскипел сегодняшний инцидент. Традиция была такой: Аврал никогда не покупал и не имел предметов туалета: всяких бритв, мыла и прочего, всем этим он пользовался из тумбочки Тюльпана, по причине, что тот "молодой". И вот, придя с очередной пьянки ночью, Аврал лёг спать. Проснувшись, не открывая глаз, он нащупал в тумбочке Тюльпана тюбик с пастой и вслепую выдавил её в рот. Щётки у него не было отродясь. Он всегда выдавливая полтюбика чужой пасты и, сбегав в умывальник, прополаскивал рот. Было мнение, что, заглотив порцию пасты, он так предопохмеляется. Кстати, друг Аврала Тюленев был совсем феномен. Тот по вечерам выискивал по общежитию одеколон или выпрашивал у девушек даже духи советского разлива и выпивал парфюмерную субстанцию, а закусывал, по обыкновению, стеариновой свечой. Говорил, что это ему очень нравится. Так что с этой позиции Аврал с пастой был просто красавец, любитель изящных напитков! Так как расход пасты у Тюльпана был просто лавинный, ему надоело через день покупать новый тюбик. Вот он вечером и раскрыл задний торец пустого тюбика, и выдавил в полость мыльный крем для бритья! Аврал заглотил полный рот мыльного крема и помчался в умывальник. Беда редко приходит одна – на этот раз в кране не оказалось воды. Он помчался назад в комнату, схватил со стола холодный чайник... Чай заваривали прямо в большом чайнике, "котловым" способом. Человек, которого с похмелья мучил сушняк, хватанул поверх мыла ещё и чайной гущи! Тут его организм не выдержал и стал отдавать наружу чайно-мыльный раствор. Ни прополоскать, ни запить было нечем! Вот он и вопил истошно:

– Студент!!! Порешу!!!

Тюльпан уже укрылся у Рафа. Тот, выслушав обстоятельства зехера, одобрил действия фасовщика парфюмерии и выдал самое близкое ему рациональное решение:

– Тюльпан, пока я одеваюсь, сходи, купи водки и апельсинового сока!

И приступил к бритью. Вода у запасливого Рафа была. За время обучения он большой дружбы ни с одним из студентов не завёл, более того, проповедовал, что мужская дружба отдаёт "голубизной" и сильно ни с кем не сближался, приговаривая:

– Спаси нас от друзей, а с врагами я разберусь!

Он вообще любил цитировать великих, особенно когда у него пытались взять в долг. При попытке он сообщал потенциальному кредитору, что он взамен ссуды сохранит с ним дружбу, чтобы не потерять ни друга, ни денег.

С деньгами у Рафа было совсем никак! Поэтому он решил не отгуливать положенный после защиты диплома месяц, так как выданную на отпуск стипендию он уже употребил, а ехать в нефтегазоразведочную экспедицию на север Коми АССР. Попал он туда строго по расчёту. Распределения были в разные экспедиции, но была вероятность, что заставят, как молодого специалиста, отрабатывать полные три года. Баллов, чтобы иметь приоритет, у Рафа было не густо, и он взял рискованное распределение, так называемый "свободный диплом". Тут же сошёлся с вербовщиком, который гарантировал льготы молодого специалиста. Зачем нужны эти льготы, Раф слабо понимал, но раз дают – берём! Сильно душевно прощаться ему в этом городе было не с кем, вернее, подруг было столь много, что если с каждой прощаться – жизни не хватит. Отвальную устраивать было тоже вроде не с кем, среди студентов жил он особняком, суп на общей кухне с ними не варил – предпочитал барражировать по разным женщинам и подъедаться от их щедрот. Страна, кроме приближения к коммунизму, вплотную подошла к эмансипации, и тётки порой зарабатывали поболее мужчин. Если учесть, что они были менее склонны к мотовству, то по экономическому состоянию у них всё было в порядке.

Раф выпил водку и апельсиновый сок в компании с Тюльпаном и подался за билетом в город Печору, из которого ему предстоял перелёт на биплане типа "русфанера" в приполярный город. В этом городе стояла база его экспедиции и уже оттуда возили на место работы – ещё часа два на вертолёт – в Заполярье, на так называемую "точку". Покупая билет, он неожиданно встретил старого друга Шуру. То есть не то чтобы друга, а так, собутыльника, вроде любого

завсегдатая местного ресторана. Тот тоже летел в Печору, в командировку. Покупку билетов, конечно, решили обмыть. Вначале пошли в местную пивнушку "кильдым", где, вырвав пиво без очереди, долго его пили. Их стали угощать вяленой рыбой местного названия чабак. Потом обнаружилось старые знакомые, стали подноситься новые кружки пива. Во время всего этого процесса разговоры велись самые тупые. Большею частью кто-то начинал жаловаться, что что-либо не может "достать". Обязательно находился доброхот, который клялся родной матерью в гробу, что завтра же этот предмет предоставит. Никто у него этих обещаний клещами не тащил, эти заверения у обещавшего лились против его воли, причём он имел весьма плохое представление об испрашиваемой вещи. При этом уважение он имел полное! В те времена была даже такая категория лиц: "доставалы". Это были люди, которые имели гамму знакомых, у которых можно было что-либо купить "из-под полы". Многие бездельники хотели на этих "доставал" быть похожими.

Позже Раф был свидетелем, парадоксального инцидента. За одним столом сидели случайно встретившиеся люди. Один из присутствующих, Семен, имел бельмо и носил тёмные очки. Молодой грузчик Володя поинтересовался:

– А чё ты сидишь в солнечных очках?

– Тебя е...ёт? Чего ты дорвался? – парировал Семён.

– Да просто у меня в комнате лежат такие же красивые очки, – ляпнул Володя, что первое пришло в пьяную голову.

– Так подари, а я тебе за это проставлюсь.

– Всё, всё, всё!.. Сейчас принесу! Они никому не нужны и я не знал, куда их пристроить!

Стали пить водку дальше. Среди пивших был авторитет местного масштаба Гарик. После второго тоста он неожиданно вспомнил и сказал Володе:

– Так! Неси очки. За базары надо отвечать!

Володя понял, что шутить с ним не будут. Проямлив:

– Щас достану!

Он вышел из-за стола и подался по общежитию наугад. По воле случая забрёл в комнату деда, местной знаменитости по части возраста среди котельных машинистов. Тот спал после вахты, не сняв очки, а на подоконнике лежали запасные. Володька, не задумываясь, сгрёб их и помчался в комнату, где пьют. Он радостно вручил человеку с бельмом очки плюс шесть:

– На вот, носи на здоровье!

Тот воспринял это как издевательство над его дефектом и стал взывать к Гарику:

– Над твоим другом стебаются!

Гарик без единого слова вскочил и нанёс Володьке два ножевых удара. Тот потом в больнице выжил, но печень у него была серьёзно нарушена. Он из грузчиков перешёл в сторожа. Гарику дали семь лет.

Даже после ряда таких случаев, "доставалы", за кружкой пива, не переставали обещать друг другу золотые горы.

Раф с Шурой, наслушавшись посулов, покинули кильдым. Хорошо отлив пиво за углом, они перенеслись в ресторан. Решено было потратить часть предназначенных на поездки денег на кабак. Место для них отыскалось только за столиком, где пировали какие-то командировочные парни. Официантка их уже рассчитала. На сдачу принесла три пачки сигарет "Рига", теперь покоившихся на столе. Парни о чём-то спорили, особенно выделялся бровастый, среднего телосложения парень, черты лица которые с большим допуском можно было назвать восточными. Наконец, гомоня как гуси, парни удалились, не забыв прихватить и сигареты со стола. Раф с Шурой навели заказ-минимум. В стандартный заказ входила бутылка водки, два салата и два вторых блюда. Иногда официанту удавалось впаять клиентам фирменный напиток. Напиток состоял из водопроводной воды, раствора жжёного сахара и лимонной кислоты химического происхождения. От этого снадобья даже в молодых организмах развивалась сильная изжога. Реализовать напиток для официанта было почти святым делом: норма прибыли на этом продукте была почти тысяча процентов, и хитрый повар щедро делился дивидендами с реализаторами.

Раф и Шура стали употреблять принесённый заказ. Обычно водку пили бойко, а основное блюдо, допустим, бифштекс – ели экономно. Официант мог быстро унести пустую тарелку, а сидеть за пустым столом считалось плохим тоном, тем более что официант начинал досаждать:

– Не принести ли ещё чего-нибудь?

Съесть по два вторых за один вечер было неслыханным расточительством. Бифштекс, созданный из мясной обрезки и какого-то загустителя-эмульгатора, был очень упругим и норовил выскочить из-под разламывающей его вилки, как вишнёвая косточка из сжатых пальцев. Пока сотрапезники осторожничали с кругленькими бифштексами, вдруг, как чёрт из табакерки, появился широкобровый бывший клиент, которого они сменили за столом вместе с компанией. Он, тыкая указательным пальцем в их стол, менторским тоном стал задавать вопрос, как опер гастарбайтерам:

– Здесь были пачки сигарет! Отдайте мне их!

– Ты вначале манеры подрихтуй, а потом подходи к приличным людям! – сказал ему Раф.

– Нет, куда делись, здесь которые были, сигареты!

– Отойди от стола! – посоветовал ему Шура.

– Если ты щас... – начал широкобровый, но не смог закончить. Раф снизу с подсеста врезал ему своим огромным кулаком точно в подбородок. Таким манером валил на ринге король Тайсон – крюком снизу. Широкобровый рухнул как сноп в непогоду. Оркестр заиграл шибче. На досаду всем продолжения шоу не последовало. Широкобровый вначале поднялся в позу "сидя на полу", а затем шатко удалился, даже ничего не пообещав. Впрочем, в данной ситуации это ничего не значило. Пока друзья продолжали пир, с вытанцовыванием совершенно диких танцев, приглашая чужих невест в партнёрши, стараясь их переклеить, широкобровый сбегал за подмогой. Кроме собутыльников, которые являли функцию, в основном, свидетелей, он привлёк двух самопальных каратистов. В то странное время каратэ было запрещено, более того, тот, кто им настойчиво занимался, мог быть подвергнут лишению свободы. Широкобровый послал одного из

свидетелей – сам он уже побаивался, – и тот пригласил Рафа спуститься вниз:

– Тебя там зовут!

Раф был парень дерзкий и не боялся непонятных ситуаций, поэтому он смело устремился за незнакомцем. Шура последовал за ним без приглашения. Внизу два каратиста встали в известные стойки прямо возле гардеробной. Завязался бой. Причём его прелюдия началась с абсолютно непонятных протяжных выкриков нападающих. Тянули они одни гласные, передвигая на смену друг другу руки с выставленными пальцами, как большинство пьющих людей держат стакан, прижав мизинец и безымянный пальцы. Раф недоумённо глядел на нелепо двигавшихся бойцов каратэ. Голова его после большой дозы пива низкого пошиба, заполированного водкой, плохо соображала. Вернее: не выдавала никаких решений. Поэтому для прояснения обстановки он зарядил правый свинг, запрещенный ныне в боксе, причём, как сказал бы рефери: "открытой перчаткой". Оглушённый нападающий отлетел вначале на пол, а затем, встав на подкашивающиеся ноги, стал дико озираться. Второй каратист всё пытался нанести удар ногой Шура в голову и очень часто пинал его выше груди. Шура двумя руками гасил удары, как принимают сильную подачу в волейбол. Раф проявляя благородство, выраженное в ненападении двоих на одного, наблюдал со сжатыми кулаками. Выкрики пинающего каратиста становились всё реже, пинки – тоже, видимо, он стал выдыхаться. В момент, когда нога долго зависла в верхней точке, Шура ударил носком своего ботинка нападающему ниже колена с внутренней стороны ноги. Выкрики бойца перешли в сплошной вой, и он присел, охватив пострадавшую ногу. Надо учесть, что Шура серьёзно занимался футболом, пенальти было его коронкой. На этом схватка была закончена со счётом два-ноль. Раф подошёл к широкобровому и непривычно спокойным для участвующего в бою голосом спросил:

– Так чё хотели-то?

Широкобровый был смертельно испуган не столь этими двумя ударами, сколько спокойным тоном вопрошавшего:

– Мы – ничего. Нет проблем! Парни, нет проблем!

Нападавшие всей ватагой потянулись на выход, в спешке заклинивая друг друга в дверях. Разочарованные зеваки стали расходиться, комментируя преимущество родного русского кулачного боя против заграничного каратэ. Мент, всё это время стоявший спиной к драке, повернулся лицом к полю боя.

В зале ресторана к Рафу с Шурой стали подходить незнакомые участники гулянья в ресторане и наперебой угощали их шампанским и коньяком. К закрытию ресторана победители так набрались, что домой спать не попали, а переночевали у друзей Шуры, причём Раф спал на полу – места на диване ему почему-то не досталось. От этого утром он проснулся с болевшими от лежания на жёстком боками. Попили чаю, предложенного хозяином, и разошлись каждый за своими вещами, договорившись встретиться у вагона.

Глава 2

Ехали в поезде долго. По Коми-республике железная дорога идёт однопутная, на разъездах пропускаются встречные товарняки.

Дорогу строили во время войны, в основном и без исключения, зэки. В Воркуте есть уголь, нужный для производства стали – коксующийся. Для войны нужна была сталь, и "Сталин дал приказ!" Дорогу строили, главным образом, лопатами и тачками. Один исследователь навёл статистику: "На всей дороге от Ленинграда до Воркуты зэков закопано больше, чем шпал!" По тундре вести железную дорогу легче, чем по тайге или лесотундре, лес – его ещё надо свалить, пеньки выкорчевать, а трасса шириной семьдесят метров. Оттого зэкам приходилось на руках, предварительно раскряжевав, выносить брёвна по обе стороны трассы на расстояние тридцать пять метров по колено в болоте. Воистину каторжный труд! Причём почвы в лесной зоне испытывают летнюю оттайку и проседают. А в тундре же грунт сыплется прямо на мерзлоту, и от её присутствия провалы полотна редки – насыпь держится за счёт мерзлоты. Жили строители здесь же вдоль дороги, в лагпунктах. Бараки строили из сырого леса способом "взабирку". Это когда ставят столбы-стойки с пазами, в пазы, как в направляющие, набирают брёвна. Греет зимой такое жилище не то чтобы качественно, но от ветра заслоняет. Морозы в лесистой местности достигают минус пятидесяти пяти. Поэтому людям, живущим в построенных взабирку бараках, не до высокого искусства, о котором говорят, рассказывая о страданиях певцов и артистов, которые "мучились" в нетопленном театре на репетициях во время войны. Строителям железной дороги и другим работягам до настоящего времени, впрочем, приходится в мороз выходить на работу и давать норму. Но всё описанное не так изнуряюще тяжело, как комары летом! Особенно когда летняя температура поднимается выше двадцати, а влажность из-за болот очень высокая. Раздеться нельзя – комары убьют, а в одежде ужасно душно. От этого у некоторых сердце просто физически останавливается. Кроме комаров, ещё есть мошка, она имеет способность и привычку залазить ползком куда угодно. Если комар слёту просто жалит, то мошка, путешествуя, грызёт кожу. От этого насекомого у многих каемочка границы волос на голове проедена

дорожкой такими узкими болячками. В туалет сходить по-большому просто нереально! Ни летом, ни зимой. Когда комары, а когда мороз. Вдоль железнодорожной насыпи много кладбищ. Кресты на них покосившиеся, как пьяные. В инженерной геологии есть такой термин: "пьяный лес". Вдоль железной дороги Ленинград-Воркута – "пьяные кладбища". Почву выдавливает мерзлотой, причём векторы сил могут меняться через метр. Посёлки на Крайнем Севере с неровными коньками крыш и стенами, если фундамент этих бараков на низких поленях – стульях.

У этой железной дороги на станции Сейда есть единственное ответвление. Ветка называется Сейда – Лабытнанги. Идёт эта ветка через перевал Полярного Урала. Перепады высот там гигантские и полсостава тянут двумя тепловозами. Лабытнанги – столица лагерей Западной Сибири. На траверсе, на другой стороне реки Оби, стоит Салехард. Самый странный с экономической стороны город. Его делит на две половины Полярный круг. Люди, работающие в разных частях города, получают разные северные надбавки. Но это другая история... А, в общем, если погода хорошая, то из окон поезда видны круглый год горы Полярного Урала цвета сахара. Зрелище незабываемое. До тех мест, откуда виден Полярный Урал, далеко.

В молодости с похмелья кушать хочется! Рафа с Шурой подкармливали попутчики по купе. Шура тоже сказался студентом и их обильно кормили салом и огурцами. Конечно же, крутыми яйцами и варёной курицей. Без этих двух съестных припасов русской железной дороги не бывает! Налили им и по полстакана самогона, который везли аж с самой Украины. Эти полстакана завели товарищей, и они подались в вагон-ресторан промышлять пивка. Денег у них оставалось "на резерве" – Раф отложил сумму, равную стоимости билета на теплоход, ходивший по реке от Печоры до городка, где стояла база его экспедиции. Остальные деньги передал Шуре, чтобы он объединил со своими на пропой. Заведующий вагоном-рестораном, который был, кстати, закрыт на перерыв, с вида жулик был типичный. Раф сразу въехал в тему и понёс ему всякие загадочные посулы про валюту, фарцовку и прочую чернуху. Заведующий был тёртый жучара, или стремился к тому. Поэтому, оглядев одежду просителей и оценив наглость напора, пропустил их в

салон ресторана. Пива, конечно, не было. Заведующий кинул им спасательный круг:

– Пивко-то оно есть, но целевое. Поэтому могу продать только с бутылкой. А пейте прямо здесь, сколько влезет!

Это означало, что этот деляга хочет наценку, суммой равной стоимости тары. На что Раф великодушно повелевал:

– Давай! Цена – дело второе! Разберёмся!

Заведующий жестом фокусника отпёр рундук, закрытый на висячий замочек, с вопросом:

– Парни, сколько?

– Давай пятнадцать, – прикинув по деньгам, молвил Шура.

Хозяин выметнул из рундука на столик пятнадцать "Жигулёй".

Попутчики за этот столик прямо и сели, причём Раф на рундук, где лежали внавал заветные бутылки.

– Что подать закусить? – испросил заведующий.

– Рыбы! – отрубил Раф.

Шура стал делать перфоманс, напоминавший конвульсии кооператора, умершего от пыток рэкетиров полиэтиленовым пакетом. Этим он символизировал лимит средств оплаты. Но на предложение мороженой севрюги Раф повелевал:

– Отруби клок!

Стали пить тёплое пиво, макая мороженую севрюгу в соль с перцем.

Тем временем ресторан открылся с перерыва. Какой-то воркутинский шахтёр, увидев пиво, которого не было в преysкуранте, осторожно спросил:

– Это у вас с собой?

– С собой, с собой!

– Вы не уступите бутылочку, с похмелья трубы горят!

– Присаживайся, угощайся, братан! – радушно предложил Раф, и наполнил гранчак шахтёру. Тот жадно выхалкал, кадык его гулял, как

всасывающий шланг насоса с неработающим клапаном. Раф наполнил ему ещё.

В тот момент подскочил заведующий и предупредил:

– Попрут, – выдам! – под самое сиденье, полный рундук.

Хозяин опять заботливо запер:

– Ребята, если будете брать ещё, то давайте! А то сейчас клиенты чтобы мне не засветиться!

– Давай ещё пять! – сказал Раф.

– А десять можно? – среагировал шахтёр.

– Можно, только я нырять в рундук больше не буду, один раз

– Потянет! – среагировал Раф.

Заведующий опять залез в рундук. Раф заметил, что пива там было висячий замочек. Компания села употреблять пенный напиток. Пошли дорожные разговоры. Шахтёр поведал, что был в отпуске, хотел заодно приодеться. Весь отпуск ушёл на встречи с однокашниками и вот теперь едет сдаваться жене, без всяких покупок:

– Даже носки не купил!

– Значит, деньги целые остались?! – испытывающе спросил Раф, прикидывая перспективу развития пьянки.

– Да где там! На такси было – живу-то я не в городе, на шахте Комсомольская. Теперь заплачу за пиво и поеду на автобусе!

– Ясно! – сказал Раф.

Держась за край сиденья, он встал, применяя становую тягу. Замочек с лёгким щелчком слетел вместе с петелькой. Шура, понятливый с полпинка, нырнул в рундук и выудил шесть бутылок пива. Шесть пустых бутылок выкинули в окно, кидая вниз, чтобы не сыграло по стёклам. Замочек поправили, он встал на место как родной! Шахтёр воодушевился, ему стало весело с такими разбитными парнями. Беседа набирала интенсивность. Подскакивал раза три заведующий:

– Севрюжки не подрезать?

– Пока всего вдоволь, мастер!

Раф еще раз пять поднимал сиденье. Пиво, казалось, сейчас польётся из ушей, от тяжелого пивного хмеля головы потянуло в сон. Наконец, рассчитались с уже начавшим что-то подозревать заведующим и разбрелись по купе спать. Раф, превозмогая тяжесть во всём теле, взобравшись на вторую полку, предусмотрительно положил документы под голову, под матрац. Улёгся прямо в одежде, сэкономив на белье, и заснул сном праведника. В пять утра его, как вертухай в карцере, разбудил проводник. Раф подумал, что это заведующий пришел штурмовать за ограбление рундука, и пошёл буром:

– Куда рога мочишь? Видишь, приличные люди спят! Другие тебе давно бы шубу повыхлопывали!

– Чё базлаешь, – вопил привыкший к блатному люду проводник, – Твой выход, Печора!

– Ну, так бы и сказал! Буди Шуру.

– А я чё говорю! Сам буди свою Шуру!

– Базар фильтруй! Фуфел паровозный!

Проводник, продолжая бурчать: "На простыне сэкономил, а пальцы гнёт, как деловой!" – удалился. Раф не смог вспомнить, что лопатник у него под матрацем. С полупроснувшимся Шурой, который даже после визита в гальюн плохо соображал, вышли в тамбур. Поезд уже тормозил, всё ещё бурчащий проводник даже не протёр поручни. Вышли на перрон и прошли сквозь вокзал. Шура повсюду озирался, осматривал окрестности. Ему хотелось пить и отлить одновременно. Попутчики принялись делать ревизию наличности. Было только пять рублей у Рафа на билет, ровно на теплоход.

Город Печора состоит как бы из двух городов: железнодорожная часть, затем, минуя остановку автобуса, так называемую: "Макаронку", существует другая часть города – "Экспедиция". Вот в этой части стоит речной вокзал, там можно сесть на теплоход, и, минуя Усть-Лыжу, Усть-Усу, попасть в городок, где стояла у Рафа база экспедиции. Именно в этой гиблой экспедиции, которая занималась исключительно только поиском нефти и газа, и предстояло Рафу отрабатывать обязательную последипломного срока –

оправдать бесплатное обучение и выплаченную за годы учёбы стипендию.

Денег на билеты у Рафа с Шурой не было. На автобус не сесть. Если разбить пятёрку, то на теплоход не хватит. При этих подсчётах Раф вдруг понял, что его бумажник с документами уехал на Воркуту, забытый под матрасом в купе. Побежали к дежурному по вокзалу. Тот уже такие варианты знал, за все годы работы сталкивался сотни раз. Он сообщил по дистанции, что бумажник надлежит извлечь и вернуть на станцию Печора. В финале сказали, что документы привезут встречным поездом. Но это будет только завтра. Дорога-то однопутная. Обстоятельства были выше Рафа, и ему оставалось только ждать.

Решили, что поедут в экспедицию, куда командировали Шуру. Тормознули УАЗик. Водила спешил за начальником, но понадеялся, что ему за подвоз трояк дадут, и взялся подвезти. Рафа с похмелья и после пережитого словесно понесло. Таким способом из него выходил стресс, если в момент рядом с ним не было подходящей подружки. Если таковая была – то стресс выводился другим способом, более энергозатратным.

Он складно поведал водителю, что они с коллегой, то бишь, с Шурой, приехали руководить возведением монумента: "Память за оборону Печоры". Дескать, они архитекторы. Это он клал почин дальнего намёка, что водитель должен быть сознательным гражданином и прокатить их за просто так. К середине пути, у "Макаронки", водила стал соображать, что денег за подвоз, по причине его высокого гражданского долга, ему не видать, возразил:

– Так немцев же в Печоре не было! Какая оборона?

Раф не спешил доставать джокера из рукава и разводил водителя на эмоции:

– Э-э-э! Плохо вы, батенька, учили историю в школе! Какая оценка у вас была по истории СССР?

Водила начал горячиться:

– Причём оценка, причём история? Я сам здесь живу от рождения! И все предки здесь жили. Никогда от стариков не слышал, что немцы дошли до Печоры!

В этом месте у Рафа был "рояль в кустах":

– А десант немцев для взрыва моста через реку Печора?

Водитель, конечно же, знал, что был такой случай в истории. В разгар войны немцы высадили десант с подводной лодки в Печорском море на берег. Этот десант погиб где-то в лесах-болотах. Исследователи достоверно не знают, то ли они погибли от воздействия природы – не советские же зэки они, что бы терпеть такие условия, или из винтовок побили их местные охотники, забрав экипировку на трофеи. Всё это скрыто в архивах НКВД, как военная тайна. Энкавэдэшники намекают, что, мол-де, они их уничтожили по приказу Ставки, но подробности не говорят. Примерно так же америкосы повествуют про экспедицию на Луну. Или как зачастую бывает: паренёк лоховатый проведёт ночь с девкой. Наутро друзья спрашивают: "Ну, ты её дрюкнул?" Он загадочно кидает реплику: "Порядочные мужчины об этом не говорят!"

Такими же были сведения об уничтожении немецкого десанта. Есть только факт, что до моста они далеко не дошли. Водитель понял, как он оплошал, и затаил:

– А-а-а! Так я знаю! Диверсанты!

– Мало знать! Надо помнить и чтить! – наставничал Раф менторским тоном.

Водитель обиделся вовсе и высадил их далеко от экспедиции, сказав, что ему срочно необходимо сворачивать. Поэтому Шура, всю дорогу, что шли пешком до конторы экспедиции, бубнил:

– Надо было тебе его драть! Вот идём теперь пешком, а то бы доехали как белые люди. В конторе бы увидели – нам уважение!

– Мы пострадали за правду! – пафосно ерепенился Раф. – Зато ты теперь всё знаешь про десант, и походя заодно отлил!

Так за суетой они дошли до конторы экспедиции, куда был прикомандирован Шура рисовать какие-то изопсихические треугольники. О смысле которых Раф смутно лишь догадывался, но Шуру за это умение уважал – изопсихические всё же! В экспедиции Шуру уже ждали, поставили штамп о прибытии и дали направление в общежитие, которое параллельно несло нагрузку гостиницы для приезжих, и было в центре посёлка в сборно-щитовом бараке. В

комнате такого барака Шуре дали одну из кроватей. Там стояла ещё масса кроватей, и на одной из них расположился Раф. Комендантше, с виду распутной молодой тётке, он, не сильно напрягаясь, объяснил, что его начальник "в поле", прибудет завтра и тогда выпишет направление. Комендантша-тётка знала, что в "поле" – значит, уехал на тягаче или вертолётёте в тундру. Если уезжали в Среднюю полосу в командировку или отпуск, это называлось "на Большую землю". Тётка с завистью и мечтой оглядела ловкую фигуру поселяющегося, и вдаваться в подробности законности проживания особо не стала. При этом даже простыни ему дала, которые густо пахли прачечной и носили её следы в виде окраса трупного цвета. На критическое замечание по этому поводу комендантша парировала:

– Принц какой! Другие спят и ничё! У нас даже Герой Социалистического Труда живёт и не жалуется!

– Не может быть?! – заинтересованно откликнулся Раф.

Звание "Герой Соцтруда" его магически интересовало с детства. Он в младенчестве сильно увлекался книжками про войну, про лётчиков- истребителей. Теперь он отождествлял звание "Герой" со званием "Герой Соцтруда". Звёздочки почти были похожи и носились на груди рядом. Даже девальвация последними Генсеками этого звания не поколебала в нём уважения к Героям. Раф по наивности, связанной с молодостью, полагал, что награды выдают за истинные заслуги, что возвеличивание героев никак не связано с политикой, которую проводит руководство страной. Его магический ступор прервала комендантша репликой:

– А вон он, пришёл. Дверь в свою комнату открывает!

Недалеко от входа мужичок возился с дверным замком прямо возле уличной двери. В общежитии, которое было чем-то вроде "Дома колхозника" с геологическим уклоном, рейтинг комнат падал по мере удалённости по коридору. Рядом с комендантской шумели и пили поменьше, старались упрятаться вглубь. Временами случались рейды вытрезвительных экипажей ментов и из общежития могли запросто загрести в "медак", так назывался для краткости медицинский вытрезвитель. Проживающим инстинктивно казалось, что из глубины коридора их не выкорчуют. Раф автоматически поздоровался с мужчиной, который уже справился с замком и отворил

дверь. При следующем дефиле по коридору, пол которого мыла два раза в неделю уборщица, но разводы по некрашеному полу выдавали, что воду для помывки она меняла один раз в неделю, Раф опять столкнулся с этим мужиком. Тот спросил спички, держа сигарету в руке. Спичек не было, но разговор завязался и мужчина представился:

– Павел Иванович!

При знакомстве они пожали друг другу руки. После этого Пал Иваныч (так он произносил сам своё имя), без перехода спросил:

– Опохмелиться чего-нибудь у тебя нет?

Он сразу стал разговаривать с Рафом на "ты", очевидно учитывая более чем двойную разницу в возрасте.

– Нету. Так давайте купим!

– То-то и оно-то, что теперь дают только с двух часов дня, а ранее никак!

– Ну, а если в аптеке купить спирта, скажем, для инъекций? – стал раздавать бесплатные советы Раф, видя физические похмельные муки Пала Иваныча, которые отражались на лице гримасами и мешками под глазами.

– Ты ещё не искушённый в таких тонкостях, я вижу. Купил я уже в местной галантерее самое легкодоступное в это тяжёлое время зелье! – С этими словами болезный извлёк с видом фокусника два флакончика одеколona "Капитан".

– Не желаете ли? – любезно предложил он, - Это из дорогих напитков, многие предпочитают дешёвые, типа "Цитрусый".

– Нет, нет! Я пока не привык! – среагировал Раф.

– А я подлечусь! – сказал Пал Иванович.

И с деловым видом стал обтирать глубокую мыльницу. Этот напиток на Севере предпочитают не пить из стаканов – после такого употребления стакан долго ещё пахнет парфюмерией, почти навсегда. Бывало немало эксцессов, когда какой-нибудь работяга, пребывающий в завязке, наливал чай в стакан после парфюмерии, и происходил скандал. Бывали нередко и мордобои после разборок, когда выясняли, кто употреблял одеколona. А в общем питьё одеколona

не считалось делом позорным, рассказывали об этом даже как о геройском поступке. Во многих районах, особенно севернее Сургута, был введён сухой закон местного масштаба. Об этом не объявляли, а просто алкоголь не завозили, да и всё. Поэтому здоровые, наркологически нормальные мужики, справляя день рождения или снимая стресс, пили одеколон. Закусывали в любом случае сахаром – непонятная реакция одеколону с сахаром снимала резкий удар вкуса одеколону. Вот и сейчас Пал Иванович, налив в мыльницу одеколон, зачерпнул игральной картой, как совочком, сахара-песка и изготовился пить.

– Ну, с богом! – изрёк почётный член партии и, глотнув из мыльницы, высыпал совочек сахара в рот. Слеза прошибла его отёкшие глаза, Пал Иваныч потряс головой, прислушался к своему организму и изрёк:

– Надо закрепить успех! – Налил ещё одну мыльницу и отправил туда же.

Потёк обычный, после удачного опохмеления, разговор. Рафу, кроме того, что интересно было послушать Героя Соцтруда, идти и общаться, собственно, было не с кем. Шура спал, добирая недоспанное в вагоне. И Раф обратился всем вниманием к Пал Иванычу. Тот первым делом поинтересовался:

– А ты, Рафаил, из каких будешь? Инженер? Студент на практике?

Раф из чувства негативизма воспротивился реплике и начал вить канву оппозиционно предположению собеседника, используя знания, полученные во время обучения в ВУЗе на практиках, на буровых:

– Да я помощник бурильщика. Первый помощник!

Он постеснялся назваться просто бурильщиком. Такую должность зарабатывали обычно годам к сорока, будучи степенными, заматеревшими работягами. Ответственность должности очень велика. Во-первых, буровая установка и скважина стоят несколько миллионов долларов каждая. Также существует и опасность нанесения травм, даже смертельных, персоналу буровой при неумелых, неквалифицированных действиях бурильщика.

– Ну-у-у, так у тебя ещё всё впереди! – вскричал Пал Иванович, окрылённый удачей встречи молодого коллеги и устаканившейся дозой одеколона, поднявшей старые пары. Эйфория заколбасила его и вдруг прорезался аппетит, причём аппетит просто волчий.

– А ты уже был в местной столовой? – справился он.

– Да не был, мы только с поезда.

– Так пойдём, сходим, вкусим пошлой пищи, после ещё более пошлого напитка.

– Да вы знаете, есть некоторые обстоятельства. В общем, я не могу пойти!

– Отчего же так? Дело-то молодое, аппетит должен быть великолепный!

– Понимаете, Пал Иванович, я в вагоне вместе с документами оставил деньги. Теперь жду от железной дороги чуда возвращения, – приврал Раф, усугубив факт утраты.

– Буровик буровика завсегда выручит! Пойдём, я угощаю!

– Я бы не прочь, но у меня за стенкой в соседней комнате товарищ спит. Тоже голодный.

– Так спит же! Счастливый, не мучается от голода. Пусть спит!

– Нет, я без него не могу!

– Ну, буди его, тоже возьмём с собой! - решительно скомандовал Пал Иванович. Вскоре они втроем входили в сборно-щитовой барак столовой.

Впрочем, в посёлке геологов все бараки были сборно-щитовые, даже контора и красный уголок-клуб. Столовая была без изысков интерьера. Тот же дощатый пол, замытый грязной тряпкой до бурого цвета, да ещё и заполированный жиром из кухни. Алюминиевые столики с пластиковыми столешницами. И такие же алюминиевые стульчики, но уже с фанерными сидениями и спинками. По металлическим направляющим посетители двигали алюминиевые подносы, нагруженные посудой и приборами с такого же металла. В те времена алюминий столь жестоко не экспортировали, хотя на авиацию и архитектуру тратили изрядно. Тем не менее, на интерьер столовых хватало. Котлы и все остальные прикамбасы в кухне тоже

были из алюминия. Теперь уже исследователи установили, а, может, партийцы сразу это знали, что именно алюминий снижает умственную способность, причём значительно, переходя из посуды в пищу. Да, впрочем, зачем народу умственная способность, лишь бы "пахали" хорошо! Умственные способности надлежало развивать у детей партийцев. Те ели из сервизов типа "мадонна" и ложками из нейзильбера. Стаканы в столовой были модели "гранчак". Говорят, изобрёл гранчак Менделеев в прикуп к водке. Но в народе его звали "малиновский", из-за того, что начали его выпускать лавиной в годы правления Малиновского. До изобретения этого стакана пили из металлических кружек. До революции водка была сорок один градус. Большевики после сухого закона, при возрождении выпуска водки, понизили её на один градус. На эту тему есть анекдот, моралью которого является реплика: "Стоило ли из-за одного градуса бучу затевать?"

В столовой начался уже ранний обед, народа ещё было немного, а меню освещено было полностью. Был винегрет цвета красного портвейна, рассольник, загущенный крупой, которую в армии зовут "кирза". Венчал всё компот из сухофруктов цвета мочи нездорового человека. Про второе сказать надо отдельно. Коронным блюдом были котлеты. В разные дни, для соблюдения закона ассортимента это блюдо называлось: биточки, шницель, тефтели, кнели и так далее. Фарш для всего этого многообразия готовился одинаково и был корпоративной тайной комсостава столовой, как рецепт напитка у фирмы "Кока-кола". Соблюдали эту тайну воистину, как описывали в детских книжках про подпольщиков в немецком тылу. Очевидно, это была генетическая память со сталинских времён, когда за отравление рабсилы энкаведэшники могли шлёпнуть, причём в лёгкую! Кидали в фарш всё не съеденное посетителями, что вычищалось с тарелок, лишь бы оно было густое. Если густоты не доставало – загущали крахмалом. Современные рецепты колбасы из сои – это детская игра в куличики. Рецепт котлет – это была несущая конструкция благосостояния завстоловой и его потенциал подмазки наверх. Замес котлет был залогом финансирования всех банкетов для проверяющих, "подогревов" нужных людей. Сейчас всё просто: надо дочку в институт устроить – несёшь в нужное место тридцать тысяч гринов и дело в шляпе! При большевиках было сложнее. Завстоловой мясо-

вырезку годами носил в нужное место. Так же для всего: для места под дачу, для покупки сапог, вставки зубов и всего, что нужно, чтобы подвысунуться над соседями. Очень трудоёмкий был процесс. Назывался он "серый бизнес".

А пока Раф с Шурой набрали всего по одному наименованию, Пал Иванович заплатил за три подноса. Уселись в уголок за столик с серой пластмассовой крышкой, в центре которого были фаянсовые солонка и перечница, но вытрясти из них что-либо было невозможно. А впрочем, всё и так было насолено с избытком. Пересаливание – патентованное изобретение всех поваров мира: чтобы пища не казалась безвкусной – её обильно солят, и появляется какой-то вкус. Раф сверх стандартного набора своих спутников взял ещё себе сливки. Сливки – это уже эксклюзивное изобретение повара. С материка доставляют сметану в стандартных молочных флягах. За время путешествия сметана обычно прокисает. Повар расколачивал её крючком проволоки-катанки, вставленной в электродрель, при этом обильно сыпал в субстанцию питьевую соду. Первоначально вещество было вязкое, его сильно вспенивало, а объём увеличивался в два и более раза. Это покрывало стыренные снятые "вершки" и давало ещё значительную прибыль сверх стыренного. Таких фокусов общепит знал великую массу. В позднем застое нескольких руководителей торговли и общепита расстреляли. Посадили на большие сроки торгашей ещё на порядок больше, оттого они считали себя людьми рискованными и фартовыми, с некоторым презрением смотрели на "не торговый" люд. Так лётчики истребители, привыкшие рисковать жизнью, смотрят на других людей, не лётчиков. В отличие от лётчиков, торговые люди как знаки отличия носили не ордена и медали, а бриллианты и золотые коронки. Позже стали носить шубы натурального меха, это как лётчики носят кожаный реглан.

Раф выпил сливки а-ля местный повар и запил компотом, тем самым и подытожили званый Пал Ивановичем обед. Тот по-отечески, посоветовал им наслаждаться пищей, так как в посёлке на буровой качество питания было гораздо хуже. Время катилось к открытию винно-водочного магазина. Пал Иванович отсчитывал это время просто биологическими часами. Когда все ватагой подались к выходу, он изрёк:

– Ну, что, юные друзья. Не усугубить ли нам местной водочки? Хотя она не столь уж и местная, – начал рассказывать он. – Она воркутинского ликёроводочного завода. Гадость редкостная. Такую микстуру я ни в каком уголке Союза не пил. Чистый яд!

– Вы же знаете наше финансовое состояние!

– Знаю, поэтому и предлагаю вам сходить в магазин, а я уж профинансирую мероприятие. Там очередь из страждущих, а моё здоровье не позволяет переносить подобные стрессы.

Пал Иванович объяснил, как найти местное достопримечательное место и выдал товарищам на три поллитры, как он сказал, яда и закусь. Сам он подался в общежитие ожидать возвращения этой экспедиции, а товарищи направились в магазин. Вскоре они вернулись, отоварившись без очереди. Все мужички стояли в очереди пропитые, совсем не бойцы. Раф их быстро оттеснил, объясняя роптавшим:

– Я здесь стоял. Ходил за деньгами, забыл дома, возвращался!

Пить сели в комнате Пал Иваныча, принесся для сервировки воды в графине. Закусывали плавлеными сырками. Завёрнуты сырки были в фольгу, а по шву стыковки обёртки была зелёная каёмочка зелёной плесени, которая всегда была темой для разговора:

– Во Франции за сыр с плесенью большие деньги платят, а мы здесь деликатесы на халяву вкушаем!

После "второй" Пал Иванович поведал, как он обрисовался, образовался в местной экспедиции, да ещё с проживанием.

Глава 3

Павел Иванович ранее работал в Западной Сибири. Или как обобщают современники эту огромную часть страны размерами с несколько европейских стран до названия одного города – в Тюмени. Ранее, до войны, область была ещё больше. Вся эта территория входила в состав Омской области. Коль скоро Омск был столицей региона, при

Сталине нефть искали недалеко от областного города. Поиски были безуспешные и несколько геологов расстреляли за вредительство. Потом, после смерти тирана, две эти области разделили и стали искать нефть севернее нового областного города, Тюмени. В начале шестидесятых годов нефть уже основательно нашли. Нашли и, как водится при тоталитарном режиме, навалились всем миром. При этом поиски в Поволжье и других перспективных регионах похерили. Всех молодых специалистов направляли только на освоение Тюменской области. В эту волну попал выпускник техникума Пал Иванович. Начал работу с самых низов. Работал помощником бурильщика, бурильщиком. Наконец, дорос до бурового мастера. Сейчас должность бурового мастера утратила свое первоначальное значение, это звание девальвировали и буровой мастер является кем-то вроде прораба. До недавних времён эта должность совмещала в себе технолога, геолога, спеца по буровым растворам, хозяйственника и "отца родного" для сотни работяг, живущих в посёлке автономно в тундре. Освобожденного парторга не было. На раннем этапе у бурмастера был даже служебный револьвер, который он мог применить в некоторых случаях. В одной бригаде, случалось, работало до девяноста процентов бывших зэков, все с испорченной нервной системой. Но ни один из бурмастеров револьвер не применял, если только по пустым бутылкам по пьянке пострелять. Если случалась авария на буровой – виноват был мастер. Если план перевыполняли – на доске почёта был мастер. Все – от помощника бурильщика, до старшего инженера из конторы – мечтали стать буровым мастером. До начала шестидесятых годов в Сибири применялся в основном труд заключенных. НКВД тогда уже назывался МГБ, нефтяные скважины бурили созданные при них конторы с таинственным названием "Комбинат". Вовсю применялся

ручной труд, даже лошади были редкостью. После второй сучьей войны зэки во всех лагерях стали поднимать восстание. Восстания шли волнами, одно за другим, и охранять зэков стало экономически невыгодно. При Хрущёве заключенных стали отпускать, лагеря стали пустеть, а бывшие зэки стали приходить во вновь созданные "конторы бурения".

Всё это было до начала освоения Тюмени. В Тюменской области начали бурить уже конторы бурения, без МГБ. Пал Иванович пришел в Сургутскую "контору бурения No 1" в шестьдесят пятом году, сразу после её создания. Вначале бурили ни шатко, ни валко, но потом освоили кустовое бурение. Это когда с одного места, с одной отсыпанной в болоте площадки в один гектар, бурят восемь скважин в разные стороны под углом к горизонту. После разбуривания месторождения нефтяной пласт на глубине порядка двух или трёх километров охватывается равномерной сеткой скважин, с расстояниями между забоями порядка с полкилометра. Устья каждой скважины собраны в одном месте под названием "куст", что позволяет удобно эксплуатировать месторождение, равномерно отбирая нефть сразу по всей площади пласта. Из одной или нескольких скважин отбирать нефть нельзя – нарушится гидравлический баланс месторождения, и оно погибнет для добычи нефти. Случается, что на одном месторождении бурят несколько сотен скважин, то есть десятки кустов. Все они находятся в ведении предприятия, которое может владеть несколькими тысячами скважин. От этого профессия буровика-проходчика высоко ценилась, правительство всячески поощряло этот труд. В результате труда геологов, геофизиков, буровиков, промысловиков и других служб сейчас страна имеет фонд скважин, эксплуатация которых держит страну в числе лидеров по добыче и продаже нефти.

Пал Иванович, повинувшись призыву партии (был он человек партийный, хотя и пил одеколон), быстро стал буровым мастером. Мировоззрение населявшего страну тогда народа было таким, что материальные накопления считались делом позорным. В почёте были только передовики производства, которые в соревнованиях выходили на первое место по суммарному метражу проходки в год. Факт нахождения или не нахождения нефти никак не отмечался. Главное было - погонные метры. Вымысел, что когда находят нефть и она

фонтанирует из скважины, а нефтяники набирают её себе в ладони и умываются, не имеет никакого реального подтверждения! Буровику выгоднее, когда нефти нет, когда скважина "сухая". К концу шестидесятых уже окончательно сформировалась каста "семидесятитысячников". Этим термином назывались буровые мастера, которые бурили семьдесят тысяч метров скважин в год. Большинство из них получили звания героев социалистического труда", не говоря о том, что им предоставляли право купить автомобиль "Волга". Свою "Волгу" к началу семидесятых Пал Иванович успел разбить и продать. Деньги разошлись как-то. Остатки исчезли при разводе с женой – она их просто присовокупила. Жене, как и любой женщине, хотелось всё большей интенсификации успехов, а Пал Иванович к тому времени от подвигов устал. На смену старичкам, которые все интенсивнее стали попивать горькую и выражать свои амбиции, что не нравилось начальникам, пришли молодые охотники до "Волг" и квартир. Жизнь – она полосатая, а в бурении случаются иногда аварии со скважинами. Если попадаешь в полосу с такими авариями, то "семьдесят тысяч" проходки дать проблематично. Начальство выматывает нервы. И жена орёт: "Я тебе отдала всю свою красоту и молодость!" Для снятия стресса, чтобы не развилась депрессия, приходится пригублять водочки. Жена орёт, начальство требует. Организм стремится пригубить. Система замыкается.

А здесь ещё с Пал Иванычем случилась оказия. Как-то вышло на скважине осложнение. Пал Иванович встал за рычаги вместо бурильщика. Дело было перед грозой. Инструкция гласит, что во время грозы всему персоналу надлежит укрыться. Буровая установка металлическая, и бригада находится как бы в "клетке Фарадея", люди недостижимы для молнии теоретически – все металлические детали хорошо заземлены на два контура, углубленных в сырую почву. Пал Иванович привык доводить дело до конца. Он не уходил с поста и решил допустить буровую колонну до забоя. Гроза бушевала уже во всю силу. Пал Иванович на вышке был один. Он всё время думал про клетку Фарадея, в которой электричество не страшно. Буровая вышка имеет внутри себя рабочую площадку десять на десять метров, на этой площадке он-то и стоял, на стальном полке. Вся бригада по его команде спряталась в укрытии. И в этот момент сильная молния

ударила прямо в вышку. Свет померк в его глазах, и только огромный огненный шар ясно увидел Пал Иванович прямо перед собой. Он как бы охватывал его вкруговую. Управление буровой установкой он успел поставить на стопор. Зрение его восстановилось только через несколько минут, да и то частично. По прошествии времени зрение вернулось как бы полностью, только конечности, особенно ноги, Пал Иванович чувствовал плоховато. Врачи по этому поводу ничего не говорили. Инвалидности в те времена выдавали не охотно. Инвалидность – плохой показатель и для врачей, и для руководства. Врачи говорили: "Это у вас от нервов. Надо нервы подлечить!"

Посылали его несколько раз в Пицунду, в Сочи, на воды в Мацесту. Там и остались его последние сбережения. Тяга к пьянству, напротив, усугубилась. Но, что самое главное, потом, при бурении скважин – он продолжал потихонечку бурить – он явственно ощущал, в какой скважине нефть будет, а какая останется "сухой". Это чувство его ни разу не подвело. Причём он ясно ощущал потенциальную продуктивность скважины. Просто понимал физически. И без колебаний, чётко связывал эту способность с видением того огненного шара при ударе молнии. Он пытался, особенно во время застолий, делиться этим открытием с товарищами-геологами. Геологи успокаивали его увещательным тоном, что это у него от нервов, мол, пройдёт! А в его отсутствие говаривали: "Допился Иваныч! До "луриков". А ещё орденоносец, герой соцтруда!"

Эта способность очевидно, физически на местности, чувствовать есть в недрах нефть, или её нет под ногами, просто съедала Пал Ивановича. Он настойчиво просил руководство конторы бурения дать ему отношение на перевод в экспедицию глубокого бурения, которая занималась чисто поиском нефти на ранее не изведанном месте. Руководство начинало давить на его партийную совесть:

– Тебя партия воспитала! Сделала тебя передовиком – "семидесятитысячником"! Ты должен оправдать доверие партии! А ты вместо трудовых подвигов прячешь голову в песок. Хочешь уйти в поисковую экспедицию, чтобы водку там без надзора пить! Рассказываешь коллегам про всякие свои оккультные способности! Ведь ты же – член партии! Ты же с рождения знаешь, что бога нет!

Зачем позоришь звание члена партии? Чтобы больше не слышали от тебя про всякие чудеса, ведь донесётся до обкома, может быть резонанс. Уже и нас по головке не погладят!

Жена, тогда ещё не ушедшая с концами, тоже давила на мозоль:

– И так премии теряешь месяц от месяца! Перейдёшь в эту поисковую геологию, будешь там шиш с маслом иметь! А дети должны доучиться!

Его дети-погодки были довольно самостоятельными негодьями. Окончили разные вузы, но трудиться за сто рублей не желали. Одна поступила в аспирантуру, а второй в ординатуру, и дурковали там, изображая учёных, выкачивая из "предков" субсидии на всякие поездки – то в Крым, то ещё куда-нибудь. Посмотрел Пал Иванович на всё это бл...дство" и стал косить на бюллетене "на нервной почве". Потом подал на увольнение вчистую. Ушёл с работы с потерей северной выслуги. Начальство думало "Отрезвеет, поймёт, что мы его простим и восстановим на работе, записав прогулы как отпуск. Побойтся он потерять все надбавки!" А он не побоялся. Чтобы порвать с прошлым и не подвергаться расспросам знакомых о том, что там, да как там, перевалил он через Урал и устроился в Коми АССР, в Печорскую экспедицию по поиску нефти. Решил испытать свою способность – обнаруживать нефть на глубине. Принять-то его приняли на должность бурового мастера, но для проверки послали запрос, что за человек перебежал:

– От добра добра не ищут! – говаривал начальник экспедиции.

А пока Пал Иванович собутыльничал с Рафом и Шурой. После второй бутылки он стал рассказывать про свою необыкновенную способность. Шура попытался перевести всё на шутку:

– А говорят у вас там, в Тобольской области ханты прячут от властей Золотую Бабу. Её ещё с турецкой войны привезли волонтёры, а вообще она принадлежала Александру Македонскому!

Раф оборвал его:

– Человек дело говорит, а ты ему истории Тома Сойера рассказываешь!

Но Пал Иванович не стал возражать:

– Да, говаривают люди. Но эту Золотую Бабу не видел никто.

Очевидцев нет. И снежный человек, говорят, там бродит. Но его даже не сфотографировали. Говорят, что если кто дорогу этому – зовут его "хозяин тайги" – перейдёт, тот с тайги не вернётся! Но это всё легенды. Устное творчество. А в случае со мной – это факт. Для меня, по крайней мере.

Пал Иванович был человек с апломбом, орденоседец всё-таки! Поэтому он прибавил обороты:

– Я вам-то ничего доказывать не собираюсь. И никому не собираюсь. Мне этого не нужно. У меня до случая с молнией всё было хорошо и красиво. Мне – почёт, дети устроены!

– Так, а чего вам не жилось дальше? Время бы подошло, получили бы пенсию персональную, как у министра. Жили бы себе на даче, гнали бы самогон и нянчили внуков!

– А вот распирает меня эта способность. Ничего поделаться с собой не могу! Против моей воли толкает обнаруживать залежи нефти в недрах! Я и пить стал из-за этого больше обычного. Думал, заглушит. Отпустит.

С этими словами он разлил остатки водки. Выпили, запив водой. Сырков уже на последнюю стопку не осталось, чтобы занюхать хотя бы. Пал Иванович предложил поспать до ужина. Ребята удалились в свою комнату. Шуре на работу надо было с завтрашнего утра, а сегодня ему объявили оргдень. Они с Рафом улеглись на койки поверх одеял и начали разводить догадки про феноменальные способности нового знакомого. Наиболее осведомленный Раф начал первый:

– Я читал, что после поражения молнией, если человек выживет, у него развиваются феноменальные возможности. Он может предсказывать будущее, или находить закопанные трупы, если попросит милиция.

Более осведомленный Шура сказал, что он на серьёзном уровне изучал явление молнии и читал в научной литературе, что молния бьёт и от Земли, пробивает и в Космос.

– Ну, ты задвинул, в Космос!

– Есть так называемый Нижний Космос, где магнитное поле Земли образует сферу, свободную от радиации и мелких метеоритов.

Что, собственно, и позволяет летать спутникам и орбитальным станциям. Вот в границу Нижнего Космоса молния и пробивает. Также бывают на границе Нижнего Космоса и свечения, которые регистрируют приборы из Космоса. Это называется эльфы и другое.

Раф не дал ему продолжить "про эльфы", а спросил напрямую:

– К чему ты всё это ведёшь, говори сразу!

– А говорю то, что неожиданные знания приходят к некоторым людям из информационного поля. Но только сугубо к некоторым. Не мог человек, в принципе, из пальца высосать, как устроить атомную бомбу. Или Архимед в ванной закон придумал! Менделеев – тот вообще ночью во сне придумал Периодическую таблицу элементов. И все другие открытия, начиная от Эйнштейна и до Дизеля. В принципе, ложку, или там, штаны, человек мог сам придумать. Вот что касается грандиозных открытий, типа в квантовой механике или генетике – это идёт посыл из информационного поля!

– Выходит, наш новый знакомый получает посыл из информационного поля. Как Леонардо да Винчи в начале средних веков рисовал вертолёт и водолазный костюм, – откликнулся Раф на такую гипотезу. – Он как медиум, переносит информацию, где может залегать нефтяной пласт. Его рвёт эта информация, вот он и куролесит, всё бросил, с работы уволился, с семьёй порвал. Получается, он стремится пожертвовать собой, ради нашего народа, ради всего человечества, чтобы не наступил энергетический кризис на Земле!

– А как в общем случае, хрестоматийно, нефть ищут геологи? Без гласа из информационного поля?

– Ну, это широкозахватный вопрос. Этому пять лет в университете учат и ничего не знают!

– Так расскажи в общих чертах. Тезисно, так сказать. Ведь я же тоже в геологии разбираюсь. Только лишь в рудной, по поиску твёрдых полезных ископаемых.

– Если только в общих чертах... В самом начале картируют территорию. Потом строят голую гипотезу, что данная территория нефтегазоносная. Допустим, по историческим данным здесь были выходы нефти на дневную поверхность. Затем ставят разведочную

геофизику различными методами. Последний метод – сейсмика – самый дорогостоящий. По совокупности методов рисуют структурную карту по глубинному горизонту, стараясь выбрать максимально приближённый к гипотетически продуктивному. После всех заключений ставят точку на карте, где надлежит пробурить первую поисковую скважину. От результата – подаёт она признак нефтегазоносности или нет – ставят дальнейшее разведочное бурение. Трудоёмкий, дорогостоящий это процесс. Требуется больших затрат времени и материальных ресурсов.

– А какой процент вероятности, что получишь нефть? – спросил Шура.

– Этот процент называется "коэффициент удачи". Он равен порядка десяти. На десять скважин – одна даёт продукт.

– Так это же очень рискованное предприятие!

– В том-то и дело, что "проигравший не получает ничего!" Как, впрочем, и выигравший. В Тюменской области первые точки бурения, как говорится, открыл почти все месторождения один старик, чечмек, геолог.

Он стоял над структурной картой и простым деревянным карандашом наносил точки бурения. Десятки за один раз. Тогда коэффициент удачи покруче был. Половина из нанесённых им на карту дали приток нефти. Ну и что? Кроме долгов, он ничего не имел!

– Выходит, у него была связь с информационным полем, раз он так безошибочно наносил точки бурения, и ему доверяли?

– Выходит, имел. В результате Тюменская область добывала до четверти миллиарда тонн нефти в год! А его ещё гнобили, если какая-нибудь скважина "мазала". Вроде как он стал причиной убытков экспедиции.

– А за счёт каких средств производится вся разведка?

– Все нефтегазодобывающие предприятия при добыче углеводородов перечисляют десять процентов в министерство геологии на разведку новых месторождений. Из этих денег и живёт поиск новых месторождений. Но по сравнению с буровиками эксплуатационного бурения, они пасынки. Все эти предприятия материально бедствуют. Очень бедно живут. Снабжение

оборудованием и материалами у них просто аховое! Всё развитие в загоне, держится на энтузиазме и смекалке нефтеразведчиков. Охраны труда, считай, просто нет! Не говоря уже о социалке. Квартир парням из геологоразведки не дают просто исторически. Считают, что они должны жить типа в палатке. По определению!

– А как же тебе, как молодому специалисту? Должны же дать жилплощадь в течение трёх лет! – забеспокоился Шура за товарища.

– А мне и не надо! – бравировал Раф, – найду невесту, дочку секретаря обкома. Мне всё тесть и отвалит сразу чохом: машину, квартиру и прочие блага. Своим паром только "орден сутулого" заслужишь. Главное, чтобы в тебя влюбилась папина дочка, а папа надо, чтобы был из номенклатуры!

– А что это – номенклатура?

– Ну, это из тех партийцев, которых на должность назначают в Министерстве. С хорошей синекурой, в общем.

Что такое синекура Шура тоже не знал, но до конца дискредитировать себя не стал. Он пытался загасить в себе огонь вопроса, как это человек не хочет брать того, что ему положено по закону, того, что ему дают за просто так, не хочет претендовать на жилплощадь? На эти домогательства Раф ответил, неожиданно проявив не свойственную ему смекалку:

– Что тебе дадут в засратой экспедиции, в дремучем посёлке, где и контора и орган самоуправления располагаются в сараях? Дадут тебе с большим боем комнату в бараке, которую не отремонтировать никогда. Будь даже ты великим реставратором, который ремонтировал Лувр. А зачем мне комната в клоповнике, с придурками соседями-алкоголиками? Чтобы делить с ними место в коридоре: "Кому повесить оцинкованную ванну для стирки белья на гвоздь?" И чтобы в пылу спора сосед с белой горячкой саданул топором тебе по темечку, и ты стал бы таким, как все?

– Как же другие?

– Другие становятся в очередь на жильё в хороших городах и лижут жопу до боли начальству, чтобы эта очередь двигалась быстрее, для него персонально.

– Тебя послушать – все просто вурдалаки, – сумничал Шура.

– Главное – я не "все"! У меня есть великая цель!

– Какая эта цель?

Раф вошёл в полный "раж" и не мог скрыть своих сокровенных мыслей. Он поведал случайно встреченному товарищу, Шуру, что хранилось в глубине его души:

– Хочу открыть большое месторождение нефти и назвать его своим именем!

– Эх, так ты честолюбивый! А с первого раза не скажешь!

– Не честолюбивый. Больше, можно сказать, сребролюбец. А что? Открою месторождение. Дадут мне государственную премию. Буду иметь много денег. Куплю автомашину "Волга". Дадут орден, хорошую квартиру. Не может же орденосец жить в халупе с тараканами и мышами. Буду ездить по съездам и слётам, путешествовать. Путешествие – лучший отдых!

Шура призадумался над словами своего попутчика. Стал даже ему завидовать, живо нарисовав своим воображением, как Раф с орденом Золотой Звезды на лацкане мчится на новом автомобиле. Но голова, не до конца охваченная алкоголем, произведённым Воркутинским ликёрно-водочным заводом, подсказала аргумент. Крыть этот аргумент, по представлению Шуры, было нечем:

– А ты не член Коммунистической партии!

– Ну и что!

– Тебе ничего не дадут! Исключено! Не членам партии – ничего не дадут! Это непобедимый закон нашей страны! Капитан Маринеску в одном походе на подлодке, во время войны, уничтожил три тысячи фашистов. Ему ничего не дали, а потом ещё посадили на десять лет в тюрьму за то, что взял без спроса железную кровать и семь брикетов торфа. Десятку лагерей отсидел! Умер потом под Питером, ему на памятник на могилу ветераны скидывались. А ему королевство Англии своим существованием обязано. Он одним ударом уничтожил экипажи всех самолётов, с которых Гитлер хотел бомбить Англию. А он за семь кирпичиков торфа десять лет лагерную баланду хлебал. Был бы членом партии, стал бы адмиралом!

– Поэтому, когда шли в атаку, писали: "Считайте коммунистом!" На случай, в какой капитан Маринеску попал, – неожиданно для себя

мудро ответил Раф, – Когда месторождение большое открою, в партию примут автоматически. Главное, не сопротивляться, сказать: "Давно мечтаю быть коммунистом!"

– Так ты сейчас вступи, заранее!

– Не говори "гоп". Ты знаешь, они такие огромные взносы платят, за право быть избранным. Потом партторги начнут сношать за аморалку. Им самим девки не дают, а они завидуют, и каждый половой контакт разбирают на собрании. Такое извращение у них. Виртуальная групповуха. У нас в экспедиции, где я был на практике, у одного управленца-общественника жена была страшно бл...довитая. Давала всем помбурам, у кого вставал на неё. А этот партиец имел привычку бегать домой в рабочее время, прямо в пиджачке по морозу. Барак, где они с женой жили, стоял рядом с баракком, где была контора. Забегает он в квартиру в обед, а жену помбур дрючит коленно-локтевым способом с прогибом хребта. Этот партиец быстро закрыл дверь на замок снаружи. Прибегает в контору и прямым ходом к партторгу: "Давай, собирай партсобрание! Будем мою Марию разбирать на собрании!" Его еле уняли. Хорошо аргумент был, что помбур не член партии!

У Рафа была природная способность сводить ненужные ему разговоры на каламбур. Он быстро рассказал историю. Сосед соседке говорит: "Люба, я к тебе вечером приду!". "Приходи", – говорит та. "Так ты шею-то помой!". "А-а-а! Я шею помою, а ты не придёшь. И буду я сидеть, как дура, с помытой шеей!". Дальше Раф высказал свои опасения насчёт партии:

– Вступлю с партию, а месторождение не открою!

В какой-то момент он почувствовал, что слишком разоткровенничался с малознакомым парнем, проще говоря, с собутыльником. Поэтому он скомкал разговор, до конца не раскрывшись, что способность Пал Ивановича очень его взволновала. Раф решил максимально приблизиться к этому человеку, это стало планом- минимумом на ближайшие дни. Способность, чувствовать, где залегает месторождение нефти, была просто находкой для него! Во время этих размышлений в дряблую дверь их комнаты раздался стук с рыком:

– Можно? – в проёме двери появился Пал Иванович. – Мои юные друзья! – тривиально начал он, – А не испить ли нам яду Воркутинского ликёроводочного завода?

– Да на сегодня хватит! – искренне заскромничал Шура.

– Ну, всё равно, ужинать надо. На сухую – просто грех!

Пал Иванович был истинным ленинцем-партийцем, поэтому в бога показно не верил. В душе он побаивался кары божьей. Когда близкие люди спрашивали его: "Как ты думаешь, Паша, есть ли бог на небе? Ты веришь в бога? Он категорически отвечал: "В бога я не верю! Но что-то там есть!"

Эта позиция была характерна для большинства советских людей. В существование бога верили, но молиться ему как-то ленились. Потом, соблюдать каноны не всегда было прикладисто. Допустим, подвернулась оказия сдобрить жену товарища. Вроде хочется, а по закону божьему запрещено. Поэтому советские люди сплошь и рядом применяли двойные стандарты: на людях служение богу громко осуждали, а втайне при возникновении опасности шептали: "Господи, помоги!".

Пал Иванович на людях ругался: "В креста бога-мать!", а втайне молил о спасении. Как всем таким зачлось на том свете – остаётся тайной.

Тем не менее, три новых товарища стали повторять дневной опыт. Правда, уже без одеколona. Дойдя до столовой, все втроем хором удивились: очередь в столовую была сравнима с очередью в мавзолей Ленина. Раф сказал, что в магазине здесь ассортимент по продуктам достоин ассортимента пропитания йогов. Исходя из этого, организовать пикник, закупившись в местном сельпо, представлялось совершенно невозможным. Пал Иванович обратился к скучающему водителю автобуса, стоящего на конечной остановке:

– А что дружок. Нет ли здесь по близости другой столовой?

– Есть! – ответил тот твёрдо, – В городе. Но по вечерам там ресторан "Вечерний". Садись, я туда как раз еду! – Очевидно, водителю совсем без пассажиров ехать было запрещено.

– Ну что, друзья, едем?

– Нет, неудобно, Пал Иванович! Когда мы теперь вам деньги отдадим. Вы и так нас угощаете, а тут ещё ресторан! – заскромничал Шура.

– Что за китайские церемонии! Отдадите, когда будут! Едем! – скомандовал Пал Иванович.

Погрузились. Автобус покатило по тряской дороге, сложенной из бетонных плит. Повозка, именуемая автобусом, давно была лишена штатных амортизаторов. По распи...дьяйскому мнению спецов его эксплуатировавшего, "амортизаторы – лишняя трихамудь." Это умозаключение было из разряда "тормоза выдумали трусы!" Поэтому в каждый стык плит перекаченные колёса ударили, как паровой молот в плохо разогретую болванку. Оптимистичный Пал Иванович свято всех уверял, что это очень полезно:

– В почках не будет камней! Всё вытрясет!

Пессимистично настроенный на этот момент Раф добавил:

– Заодно и позвонки в трусы осыпятся!

Любой путь когда-нибудь кончается. Вскоре их высадили у крайних крупнопанельных домов. В одном из них на первом этаже был ресторан "Вечерний". На крыльце толпились страждущие попасть внутрь за дверь, под стеклом которой была табличка "Мест нет!". Усатый седой швейцар в картузе, околышек которого был охвачен жёлтой лентой, позаимствованной из аксессуаров школьниц младших классов, в ожидании трёх рублей за несанкционированный проход, маячил позади таблички. Это был яркий представитель первых взяточников, которые появились намного позже смерти Сталина. В послесталинские времена долго шло реактивное убеждение, что за взятку шлёпнут без суда! Гораздо позже – сначала сантехники, гонимые похмельем, потом таксисты, сжигаемые алчностью, стали оживать. Особенно развились могильщики. Пал Иванович, на краткий момент остановленный возникшей преградой, пошарил в карманах широченных своих белых штанов и извлёк золотую Звезду Героя. Щёлкнул ею по стеклу. Швейцар навёл фокус и безропотно пропустил всю троицу – героям было "без очереди"! Официант смёл со стола табличку с лозунгом "Занято!".

И застолье полилось уже в другом формате. Официанты шмыгали как в первом классе заведения. Рафу показалось, что водку им принесли не разбавленную, причём охлаждённую. Даже администратор прищеголял и оповестил, что поступила сёмга малосолёная:

– Её в меню нет, но для особых гостей мы можем выделить несколько порций!

– Валяйте! – великодушно скомандовал Пал Иванович.

Через несколько минут они закусывали охлаждённую водку свеженарезанной сёмгой Печорского улова. Это блюдо было приготовлено не из тушки сёмгоподобного вида, выращенного в садке, где-либо организованного у слива воды охлаждения атомной электростанции. Это была дикая рыба, нагулявшая жир из криля на Лабрадоре. Эти два продукта отличаются как коньяк Реми Мартин и денатурат из ржавой двухсотлитровой бочки, предназначенный для промывки водолазных шлангов команды по поиску утопленников.

– Только ради этого стоит стать Героем Соцтруда! – подумал Раф.

Глава 4

В экспедиции, куда был направлен Раф по распределению, его уже ждали. В организациях такого типа работяг не хватает хронически! Текучесть кадров здесь умопомрачительная. Не то чтобы условия труда не удовлетворяют или зарплаты, убивает социалка, или, если прямее сказать, бытовые условия стремятся в иррациональную область. Район работ, в основном, расположен за Полярным кругом. Все материалы и оборудование завозят вначале по реке, на подбазы. Затем по автодороге, названной "зимником", завозят на точки бурения уже зимой, с декабря по март. Что очень интересно в этом процессе: снег на дороге по тундре не расчищают, а наоборот, наминают, накатывают. Постепенно дорога уплотняется, и зимник как бы растёт вверх над горизонтом, поэтому он не боится снежных заносов. По мере бурения скважины подвозят необходимые расходные материалы и продукты вертолётom. Этот вид транспорта чертовски дорог. И всё-таки зачастую на внешней подвеске возят трубы, вагончики и другие крупногабаритные объекты. В этой экспедиции был случай, когда на внешней подвеске необходимо было доставить вагончик, здесь его зовут "балок", с точки на базу. Точкой зовётся собственно буровая вместе с примыкающим посёлком, котельной, складами ГСМ и сыпучих материалов, столовой, пекарней и прочими прачечными, водокачками и банями. Один помбур по кличке "Геббельс" как-то напился среди бела дня, и буровой мастер, который является на буровой главным во всех вопросах, отослал его спать, чтобы он не попал куда-нибудь под шкивы. Других мер наказания в этих местах, типа увольнения, просто не бывает. Кадров не хватает любых, а если ещё нарушитель владеет корочками помбура – то он совсем король! Геббельс после разноса бурмастера покружил по окрестностям, в "жилуху" не пошёл, а привалился спать прямо в спецодежде в пустом вагончике на рундуке. Подошедшие помбуры начали цеплять на подвеску вертолётa, который был уже на подлёте, и заколотили дверь досками накрест. Во избежание отрыва двери на лету приладили срубленную ель. Её зачастую хранят с прошлого подвоза негабарита, в тундре ёлок нет. Она нужна как стабилизатор, чтобы во время полёта вагончик не крутило. Подвеска из вертолётa выходит на одном тросе, на вертлюжке, и груз иногда раскручивает, а

ель стабилизирует направление перемещения груза вокруг своей оси. Ёлку привязали недобросовестно, и во время полёта она отпала. Погода, как часто бывает в тундре, неожиданно ухудшилась, и вагончик стало крутить вокруг оси. Геббельс проснулся. Он подумал, что его настигла белая горячка, он стал метаться по помещению, иногда стараясь вышибить ногой дверь. Его спасло то, что дверь, в отличие от ёлки, укрепили на совесть – он остался жив. После этого случая за Геббельсом укоренилось прозвище "Штурман". И он, преисполненный гордостью, всегда пёр на посадку в вертолёт без очереди. Был, кроме этого случая, знаменит этот человек тем, что ещё в начале его карьеры помбура, он при смене талевого каната на буровой упал почти с самого верха вышки, метров эдак с пятидесяти! Когда набирали новую оснастку талевой системы, он совместно с другими членами буровой вахты расправлял талевый канат, который имеет диаметр тридцать два миллиметра и очень жёсткий. Как-то так получилось, что он попал в так называемый жучок и его понесло на самый верх вышки, под кронблок. Не то, что он парень был неловкий – причина не ясная, как он угодил в этот жучок. Может, из-за того, что это был один из немногих случаев, когда он был трезвый?! Бурильщик от такого пассажира растерялся, вовремя не остановил лебёдку и вместе со всеми наблюдал, как сообразно законам инерции лебёдка тащит несчастного ввысь. Когда дуплина набрала вес, жучок расправился и Геббельс, впоследствии Штурман, вывалился и стал свободно падать, но как-то в сторону, цепляя при падении другие элементы оснастки. В конце пути он упал в поворотную площадку маршевой лестницы. Опять ему помог случай: погода была в этот день лётной, санитарный вертолёт пришёл абсолютно вовремя. Штурман пролежал в больнице больше года с множественными переломами. Инвалидность ему не дали, а выгнали из больницы за систематическую пьянку, и он вернулся в строй. Фигура после того случая у него была вся перекошена, осанкой он был кривоват, но никто никогда не слышал, чтобы он жаловался на какие-либо боли или недомогания. Был ещё в этой буровой бригаде Вася – "Охотник". Охотник он был потому, что врал про охоту, не переставая, и почти не повторялся. Было у него ружьишко двуствольное, и собака, которая смахивала на лайку. Самым знаменитым у него был рассказ о том,

что когда он работал в лесотундре, то ходил на лося. Лось - это был его конёк:

– Вот, – говорил, - иду по лесу, а заряды у меня остались только лишь дробовые. Пуль нет! Все потратил, стреляя, целясь по горлу лося, после семидесятикилометровой погони за этим лосем. Подхожу к посёлку, а он стоит, вот прямо рукой подать. Что делать? – В этом месте Вася начинал врать ещё вдохновеннее. – Я высыпал из патрона дробь, завязал его в тряпку, и, снарядив патрон, ударил по лосю. А лось встал и стоит! Я ещё пять зарядов завязал в тряпку и выстрелил. Полрубахи изорвал. А лось стоит! Я тогда подошёл вплотную и ударил дуплетом из двух стволов прямо в глаз! Вот тогда уже опрокидывающая сила его повалила навзничь. Потом, когда разобрались, то оказалось, что первым зарядом я перебил ему позвоночник, и его парализовало, и он стоял парализованный, но живой. От этого у лося случилось несварение и его раздуло. Я тогда жердью как рычагом скантовал его к реке, свалил в воду. Потом сел на него сверху и прикладом ружья наподобие весла, правил по воде, и приплыл прямо к буровой. Там его уже ребята освеживали и съели.

Врал Вася только про охоту. Работал он бурильщиком, но получалось у него плохо, поэтому тут он не врал, а старался, и относился к обязанностям очень серьёзно. Буровая установка, с которой они бурили весьма многострадальную скважину, была собрана из двух станков. Вышка сама была от относительно новой установки, у которой сгорело дизельное помещение на прошлой скважине. Тогда же притулили к ней дизельную часть от давно списанной установки старого типа, и получился эдакий гибрид, неказистый с виду и не удобный в эксплуатации. Скважина была многострадальной отчасти потому, что буровые мастера на ней менялись как фигуры в калейдоскопе. То это были молодые "выдвиженцы" (Выдвиженец – это когда молодой специалист окончит какой-либо нефтяной ВУЗ, а у него тесть или отец работают большими функционерами в министерстве или главке. Для построения карьеры необходима биография по восходящей, и ставят его буровым мастером. На этом основании можно писать в объективке: "В 1981 году работал буровым мастером". Звучит!). В другом случае на эту скважину ставили бурового мастера с понижением из начальников, для острастки. Все эти спецы о процессе

проводки скважины имели весьма общие представления, а назначение воспринимали, как незаслуженное наказание. Все они знали, что задержатся на этой должности недолго, лишь минёт лихолетье, и их вновь поставят на должность повыше, а то, может, тесть или дядька отмякнет и в Москву заберёт. Поэтому в тонкости искусства проводки скважины они не вникали. Да и как можно научиться, допустим, петь, или картины писать? Всё это от Бога. Ни для кого из специалистов не секрет, что режимно-технологическая карта создана лишь для того, чтобы на буровой существовал комплект документов. Эти карты и Геолого-технические наряды всегда переписывают автоматически с документов сопредельных скважины, не забывая менять название площади бурения.

Эта скважина называлась "41-я Воравейская". Корень "вор" никак не связан с блатной специальностью по тайным хищениям имущества. Или из сленга, как говорят грузинские воры: "Ми – вара!". "Вор" – приставка из какой-то терминологии ненцев. Оттого и город Воркута, месторождение угля Воргашор, нефти Ворандей и много других мест, прославляющих названием древнейшую специальность по кражам. Наверное, сколько существует человечество, (а уже этот срок раздвигают до пяти миллионов лет – найдены отпечатки ног прямоходящих людей на древнем пепле вулкана, возраст которого три с половиной миллиона лет!), столько же существуют воры. Причём уже современных разделили на воров, грабителей и разбойников. А вояки ещё ввели термин "промотание военного имущества". Но в местах, где эта категория населения по частоте встречаемости наибольшая, кражи происходят весьма редко. По крайней мере, деньги, получку и сбережения все всегда хранили в тумбочках, в верхнем ящике без замочка. Никому и в голову не приходило похитить деньги у товарищей. Рассказывают старики историю вновь прибывшим, которые интересуются столь странным способом хранения сбережений, что когда-то в лесотундре один рецидивист, а их там большинство, решил тайно брать по несколько купюр у всех, но часто. Старые урки эту тему просто чутьём звериным просекли. Создали маленький совет из самых надёжных, и краплением, как крапят карты, пометили купюры. Вскоре предложили всем предъявить имеющиеся деньги. Старый фармазон, который крапил купюры, сразу нашёл меченые деньги у одного молодого

бывшего зэка. Его били всю ночь с перекурами и чифиреньем. Отдохнут, покурят – и опять бьют. До хруста суставов и хлюпанья внутренностей. Наутро предплечья его рук положили на порог комнаты и переломали ударами ноги. Когда тот пришёл в сознание, после того, как ему дали понюхать нашатырь, предложили уходить пешком из посёлка. Ближайший населенный пункт был Колвоты, до него было тридцать пять километров. Он ушёл зимой в мороз. Больше его никто никогда не видел. Начальникам и следователю все хором утверждали, что тот ушёл ставить петли на куропаток, на охоту. А все, вроде как, его очень отговаривали. В этих местах очень блюдётся закон о недоносительстве. Это правило перешло с зоны. На зоне рассказывают, если зэк разговаривал с замполитом, на местном языке "кумом", за одно это могут "дать пику". Другими словами, ударят ножом. Только за один разговор на территории, если кум не вызвал в кабинет и официально не провёл "задушевную беседу". Допустим, по недомыслию пришло в голову зэку попросить о чём-либо замполита. И всё! Уже могут "пику дать". Ещё в этих местах, в частности, в посёлках на буровой, играют в карты почти непрерывно. Создаётся впечатление, что все страдают лудоманией! Игра в карты заменяет все культурные и некультурные мероприятия. Играли на буровой в секу. На зоне играют в более сложные игры: в терц, деберц. Есть мнение, что игра в карты, недоносительство и прочие элементы кодекса чести пришли в блатной мир, начиная с семнадцатого года. Тогда все тюрьмы распустили, потом начали наполнять их дворянами и их сынками. У графов, баронов и гусаров играть в карты было дворянской обязателькой. Правда, у тех ещё было обязателькой балльные танцы танцевать, но в камере сильно не потанцуешь. Если только тусоваться по камере. Зэки свято верят, что пока тусуешься – не сидишь, срок вычитается. Играют в карты на буровой только на деньги. В основном используют свободное время, но могут прихватить и рабочее, если буровая на простое или в аварии, в ожидании какого-либо специального инструмента. Результаты игры в карты бывают очень трагическими. Был один слесарь, который приехал заработать на кооператив, на квартиру. Работал вместе с женой, она отработала все эти три года прачкой. По окончании договора и расчёта-увольнения в бухгалтерии, он решил вернуться с базы после расчёта на буровую, забрать свои вещи. Обратный

вертолёт задержался, началась обычная здесь непогода. Этому слесаря втянули в игру, вернее, он сам от нечего делать, в ожидании вертолётки стал играть. В результате он проиграл все трёхгодичные накопления и повесился на чердаке. Бывали в этом занятии специально подвизавшиеся профессионалы. Играли они, в основном, на базе, в посёлке, где стояла контора экспедиции. Ставки на кону там были крупные. Долг допускали только в размере примерно половины стоимости нового "Жигуля". Когда долг превышал это магическое число – должника убивали в назидание другим, чтобы карточные долги отдавали вовремя. Вначале проламывали голову, а затем вешали на подходящем подвесе. В одном случае это была одинокая карликовая берёзка, в другом случае заброшенный вагончик-балок. Лишь неизменно в любом случае милиционеры писали: "самоубийство". Коротко и ясно. И процент преступности не страдает!

На "41-й Воравейской" очередным буровым мастером был нацмен. Роста он был невысокого, и звали его Фархад. Человек он был очень честолюбивый. Это компенсировало, в какой-то мере, его малую профпригодность. Попал он сюда на почве любви к зелёному змию. Работал до этого в хорошей экспедиции, даже был передовиком производства, давно, ещё по молодости лет. Но потом постепенно стал пить горькую. Новых знаний не пополнял, а от этанола наступила деградация, которая выщелачивала остатки старых знаний. Когда он сотворил адюльтер с женой своего подчинённого, тот в запальчивости ткнул ему ножиком в задницу. Чаша терпения руководства экспедиции переполнилась. Его раскассировали, и он, воспользовавшись старыми связями, перешёл в эту экспедицию. У нас все значительные назначения на должность совершаются исключительно по знакомству. В этом есть коренное отличие нашей нации от буржуев. Капиталист никогда не возьмёт на ответственную должность к себе нерадивого сотрудника, пусть он даже будет родным братом тётки, которая уличила его в "походах налево" и имеет неопровержимые доказательства, придерживая жареный факт до поры до времени. Наш же начальник из гаммы претендентов выберет самого распи...дья только потому, что учился с ним тридцать лет назад на одном факультете. Так и Фархад попал на эту многострадальную буровую по знакомству. Своей должностью он

очень гордился, и иногда перебрал в одиночку "шила" – так на Севере зовут спирт, иногда даже нежно "шилце", он выбегал на крыльцо и кричал почти сам себе:

– Кто командир? – и отвечал. – Я командир!

Вообще-то, он был автором многих цитат, которые повторялись из уст в уста. Про своё прелюбодейское злоключение с женой подчинённого он наставничал молодым помбурам и дизелистам:

– Всё простят! Вышку уронишь – простят! Аварию со скважиной сделаешь – тоже простят! Даже пожар простят. Но бл...дство – никогда не простят!

Кличка у него была "Сур". В умеренном поясе этих мест живёт коренное население – народ коми. Внешность у них славянская, язык одной группы с финским. Одно из отличительных черт их национальной кухни – блюдо "ёсики". Летом они по старицам рек ловят сачками мелкую рыбёшку размером со сметка, а потом её как-то особенно квасят, возможно, даже без соли. Консервация происходит выделившимся при разложении белка сероводородом и углекислым газом. Как-то спрашивает женщина коми заезжего хлопца, а народ они очень радушный и гостеприимный:

– Ёсиками будешь закусывать? - Гость изобразил на лице своё отношение к данному блюду. Та тогда говорит, – А-а-а! Русские ёсиков не едят!

Ещё у них есть национальный напиток типа русской бражки. Название у него "сур". Только вместо дрожжей для процесса брожения кидают не пригодный для поедания хлеб. Напиток этот слабоалкогольный, по меркам тех мест. Фархад весьма любил сур употреблять, особенно в попытке отойти от запоя. За чрезмерную любовь к возлияниям этим напитком ему и дали погоняло "Сура". Ещё из самых его знаменитых цитат была сентенция:

– Все большие города начинаются на букву "П", – при этом у него прорывался акцент и он вместо буквы "б" мягко говорил тоже "п", – Париж, Пекин, Пугульма, Пелибей!

Никто не мог догадаться, в шутку он это говорит, или убеждён всерьёз. Человек он был скрытный и дружбу ни с кем не водил. Более того, он временами любил "наводить жуть". Некоторые индивиды из

деликатности вместо Фархад называли его Федя. Поэтому он после творческого прохода про названия больших городов сообщал:

– Вот все говорят мне: "Федя, Федя!", а какой я им Федя? На самом деле я человек ошчень коварный!

Работа по проводке скважины шла у Сура шатко-валко. Если точнее, то никак! То у него была авария, то проработка ствола скважины, то простой в ожидании чего-нибудь. Спасал его от увольнения один высокопоставленный товарищ, с которым он когда-то учился на одном факультете. Фархаду казалось, что в таком режиме он дотянет до пенсии, ведь оставалось ему всего несколько лет до этого события. А, может, он и совсем ничего не думал. Пустил всё на самотёк, как многие люди, бывает, пускают свою жизнь по воле ветра. Команда, буровая бригада, была под стать ему. Не то, что бы алкоголики хронические, хотя много было и таких. Но, люди, в основном, сплошь "из бывших" – из отсидевших, да не по одному сроку. Если человек сидел неоднократно, по тяжёлой статье – убийство, грабёж и тому подобное, тогда он имел статус ООР. Что означало: особо опасный рецидивист. Исключением была статья 117 – изнасилование. Она называлось у сидельцев "за пи...ду!" Таких зэков совсем не уважали. Не потому, что они были ханжи. Сидельцы, которые в авторитете, не уважали слабохарактерных людей, по определению. Раз изнасиловал – значит, не справился с чувством. А такие – эмоциональные – считались людьми ненадёжными. Блатные всегда формируют вокруг себя надёжный костяк. Когда в камеру приходит молодой зэк и заявляет, что он хочет быть "пацаном", другими словами, претендует на первую ступень блатного, то ему назначают прописку: серию ударов, которые наносят любые блатные, которые находятся в камере. Если парень вскрикнул хотя бы один раз, то для звания "пацан" не годится. В редких случаях позволяют повторить прописку. Делается это не из жестокости, а чтобы, когда опера будут бить, блатной не выдал бы товарищей, а терпел боль. Своего рода проверка на прочность. В буровой бригаде Фархада собрались блатные из разных зон великого Советского Союза. Но блатные понятия в быту и работе не практиковали, по фене тоже не говорили. Может потому, что фенька в разных концах Союза разная. К примеру, педераста в разных краях зовут: голубой, фуцман, петух, пидарьмерия, шурик и так далее. Так же и с другими словами. Те же

карты – где стерли, а где библия. По феньке в бригаде не говорят, но и комсомольской организации не было. Был даже один член партии, относились к нему терпимо, как в деревне относятся к блаженному. В общем, не обижали. Блатные все лютой ненавистью ненавидели коммунистов в целом. Борьба с коммунистами это, в общем-то, первоначально блатная идея. Блатные боролись с коммунистами всю историю коммунизма, с семнадцатого года. До наших дней, если во время обеда над зоной гудел самолёт, то все зэки бросали ложки: "Коммунисты выше нас!" Нельзя было трогать рукой предметы красного цвета. Так что утверждение, что с коммунистами начали бороться демократы-ельцинцы – заблуждение. Классовая борьба никогда не утихает. Коммунист всегда получит квартиру в лучшем доме, а работяга – даже и не пропойца вовсе, будет жить в бараке с сортиром на улице. Особенно правящий класс оголтел в начале восьмидесятых. Все товары делили через профсоюз. Профсоюз, как известно, – школа коммунизма.

Кроме Васи-охотника в бригаде были ещё три бурильщика. Работа на буровой идёт круглосуточно. Смена двенадцать часов. Две бригады на отдыхе, а две работают. Самым гениальным изобретения социализма было застыковать концы месяца. Тогда получается, что за полмесяца человек вырабатывает месячную норму часов, а тут как раз наступает новый месяц! Никакие правила охраны труда не нарушаются. Человек пашет ещё две недели и едет на отгулы на целый месяц. Всем было хорошо. Кто сильно не пил, мог доехать вплоть до Сочи. Сильно запойные – те не выезжали с буровой по полгода, а кто и больше.

Три остальных бурильщика, кроме Васи, были люди переменного состава. Был один более-менее постоянный Олег, но у него не было шестого разряда, другими словами, квалификация его была низковата. Его периодически переводили в помбуры, а если не доставало бурильщика, то ставили во главе вахты. По невыясненным причинам, путём естественного отбора, бурильщиками по большей части были индивидуумы с какими-либо тюркскими корнями или хохлы. В фамилии или имени-отчестве присутствовали частичка: хан, султан, шах, магомед и так далее. Далёкими предками бурильщиков, возможно, был сам Тамерлан, это не точно неизвестно, но что бурильщики – люди темперамента необузданного – это точно!

Установки для бурения на нефть относятся к высшему классу по глубине бурения. Грузоподъёмность их достигает полутысячи тонн. Но, тем не менее, тормозная система у них ручного типа. Обычный вес спускаемых в скважину труб общей массой достигает обычно пару сотен тонн. Механизм тормозов устроен из двух тормозных бандажей, укрепленных на подъёмном барабане, на который собственно и наматывается талевый канат. К тормозным бандажам во время торможения прилегают тормозные колодки из особого прочного фрикционного материала, размером с том книги "Капитал", всего их сорок четыре штуки. Когда при спуске барабан под весом спускаемых труб разгоняется до бешеной скорости, бурильщик, воздействуя на тормозную рукоять, прижимает к бандажам колодки. Из-под колодок летит огонь, и шум стоит нетерпимый. Всё функциональное управление установкой воздушное, и разрядники воздуха издают оглушительный свист. Поэтому бурильщики в большинстве своём глуховатые и задиристые при общении.

Рядом с буровой, рядом – по меркам тамошних просторов, километрах в пяти, – протекала речка Вор-Ю. "Ю" на коми-языке значит "река". В ней водилась рыба, даже был хариус. Рыбу никто упорно не ловил. Предпочитали консервы из котлопункта. Килька в томатном соусе была самой ходовой, хотя всех от неё мучила изжога. По весне, в мае-июне по холмам тундры бегали несметные стаи куропаток. Их тоже никто не ловил и не ел. Зато постоянно рассказывали, что, когда стояли в лесотундре, то стреляли глухарей. Особенно старался бурильщик Вася:

– Убил я как-то каменного глухаря. Это порода гигантских глухарей. Вес у него был восемнадцать килограмм. Но старый был, сволочь, жёсткий. Жена пятнадцать часов варила с содой. Всё равно не ужуёшь. Так и отдала собаке. Та всё равно не съела, закопала его в песок.

Когда на дворе была зима, на буровую заезжали ханты-оленеводы, но при условии, если им до этого случалось где-либо разжиться спиртом. После возлияний они приезжали на буровую с надеждой "догнаться". Хотя заранее знали, что искать там водку – дело безнадёжное, всё равно приезжали и начинали кланчить одеколон. К одеколону у них отношение было особенно трепетное.

Очевидно, их привлекал необычный для этих мест запах. Как в первые дни перестройки советских людей привлекал необычностью запах польской жвачки и подкопченной, вымоченной в химической жидкости "жидкий дым", колбасы из сои. Теперь к таким запахам адаптировались и никакой "кока-колой" молодёжь не прельстишь – предпочитают пиво русского типа, а синтетическое, из банок – не пьют. Но коми-оленоводы не испытывали отвращения к одеколону и пили его во все времена с одинаковым удовольствием. Впрочем, буровики – тоже. Ни одному бурильщику не придёт в голову пить одеколон в Сочи. Зачем? В ресторанах, в буфетах полно разведенного спирта в бутылках с надписью "Водка".

В восьмидесятых годах главного начальника всего Курортторга, женщину, большевики расстреляли за этот самый разведенный спирт. Говорят, в ночь перед расстрелом она выла часов пять кряду. Может быть, волчья суть из неё выходила. Но в ресторанах разведенный "технар" так и продолжали продавать, независимо от расстрела! Преемники подхватили знамя. А может, они начальницу Курортторга и подвели под монастырь, может быть, она плохо сармак делила? Кто теперь знает? После этого воды много утекло.

Но в тундре спирт не разводили водой. Как говорили, только лишь из особого шика. Но вернее потому, что при разбавлении спирт при растворении нагревается – реакция идёт при смешении экзотермическая. Тем более что все водяные колонки, откуда берут питьевую воду, подогреваются, чтобы не помёрзли, вода из них идёт аж горячая! Теплый раствор этанола – это дурной вкус. Всё равно, что шампанское "Вдова Клико" селёдкой закусывать!

Есть, конечно, в тундре свои особые вкусовые сочетания. Допустим, собачатина под одеколон. Есть традиция. Когда приезжает новичок, его могут пригласить радушно в гости, и, не оповещая, накормить собачатиной. Потом, ранее радушные хозяева, сидя за столом, рычат друг на друга и гавкают. Это юмор такой. Вновь прибывший – в недоумении. В эндшпиле вносят неободранную голову съеденного Бобика. При этом все искренне хохочут и веселятся. Коми-оленоводы, вопреки легендам, собак никогда не едят. Это для них почти священное животное. Оленятиной они тоже не очень потчуют. Всё норовят выменять одеколон на шкуру какого-

нибудь белого песка, подстреленного в неудобное место, отчего по сортности шкура абсолютно плохая. В большом посёлке такса: одна шкура песка за бутылку спирта идёт. Был в буровой бригаде один полу- армянин по кличке Ара. Он промышлял таким вот бизнесом. Подбирал на местной помойке пустые бутылки из-под спирта, снимал с помощью тёплой воды с них этикетки. Эти этикетки приклеивал на свои бутылки с водкой и при обмене на шкуры песка уверял, что это – огненная вода! При этом он сильным толчком пальца пробивал дырку в брюшной части шкурки выторговываемого песка и кричал: "Пуля!"

– Нет пуля, нет пуля! – уверял продавец. Но упрямый Ара пытался за одну бутылку подложной водки выменять две шкуры, проковыряв незаметно во второй шкурке тоже дырку с воплем:

– Пуля!

Торги продолжались относительно долго, покупатель вымытаривал из продавца три шкуры за две бутылки огненной воды. И без антракта мчался клянчить у заведующей котлопункта тушёнку под запись. Такая торговая энергия была у человека! Котлопунктом столовая именовалась потому, что просадившие все деньги буровики могли в нём питаться под запись. Курево и чай можно было набирать таким же образом. Деньги за всё потом вычитали прямо из зарплаты – такой прообраз кредитной карты. Снабжение тушёнкой было относительно неплохое, поэтому все стремились в эти годы тотального дефицита отвезти домой на "большую землю" несколько банок тушёнки. Затем угощали родных. Из этой тушёнки варили супы.

Единственным развлечением на буровой было ходить в парную. Вытопить баню – не совсем просто. Воду для технических целей – для парового котла, для технологических процессов при бурении, качали из ближайшего болотного озера. Для питья она абсолютно непригодна, была коричнево-бурого цвета с резким запахом. В ней было много всякого гумуса и бактерий. Пили чай и умывались, растапливая снег. Если, бывало, зачерпнут снег не в том месте, то вода бывала с собачьей и оленьей шерстью. А чтобы вытопить баню, кололи лёд и растапливали его в банном котле. Энергозатраты при этом были чудовищные! И мускульной энергии и тепловой. Лёд был температурой, как и воздух на улице, минус сорок. Вначале лёд надо

было догнать до нуля, а лишь затем он начинал плавиться. С дровами было совсем никак! Отпиливали выступающие концы балок у строений, если повезёт и произойдёт перетяжка талевого каната – тогда разберут деревянную катушку-тару. В ней было с полкуба дров, и это была настоящая находка. Тайком, конечно, подливали в топку дизельное топливо, но за это бурмастер мог жестоко покарать – лишиться месячной премии. Дизтопливо завозили вертолётom. В "Ми-6" была установлена ёмкость кубов на восемь. Вертолёт садился у сливного насоса и, не выключая турбины и винтов, топливо перекачивали под рёв и вой двух турбин. Бортмеханики привозили по половине, или даже трети ёмкости, а записывали, как будто слили полную. Проверить их было невозможно. Никаких расходомеров не стояло. Вся эта деятельность была незаконной, просто опасной для людей и техники. Осуществляли такую перевозку топлива на страх и риск ответственных лиц. Кто был ответственный – не ясно никому. Дизеля на буровых были жутко прожорливы. На одной установке работали до семи дизелей, типоразмера что устанавливают в современные танки. Ещё были две электростанции, примерно такие же дизеля, которые крутили электрические генераторы. Столь большое число дизелей на одной установке технологически необходимо. Кроме обеспечения подъёмной лебёдки, которая тянет через полиспаст полтысячи тонн, ещё для вращения двух буровых насосов. Насосы развивают давление в системе прокачки скважины до четверти тысячи атмосфер при значительной производительности. В общем, агрегат солидный и требует определённых качеств у персонала. Всё это, что крутится и качает, необходимо перманентно ремонтировать. Техника всё-таки советская, изготовлена и сконструирована такими же раздолбаями, которые её эксплуатируют.

Русский человек – под это определение подходят все национальности: татары, чувашаи, мордвинаи, хохлы и весь трудовой люд, который трудится на буровой, – всё делает на максимальном режиме! Умеренности нет ни в чём. Если насосы качают – то на максимальном давлении, если талевая система идёт на подъём – то на предельной скорости. Все соревнуются. Каждый старается друг другу нос утереть. Случается, так называемый "открытый фонтан". Это когда произошла авария и управлять потоком жидкости и газа из скважины нет возможности – устье с запорной арматурой разрушено.

В этом случае ставят две буровые установки в километре по разные стороны от аварийной скважины. И двумя стволами под землёй стремятся попасть в ствол аварийной скважины. Две скважины бурят, а не одну, чтобы увеличить вероятность попадания в аварийный ствол. Бурмастерами ставят на этих буровых обычно самых пропитых специалистов. Не было ни одного случая в истории, чтобы один из них промазал. Всегда попадают оба! Чтобы после проводки обоих сразу дисквалифицировали на три месяца за пьянку – было. А чтобы хоть один из них уступил – никогда!

Как шахтёров губит силикоз, так бурильщиков калечит сильная вибрация, ведь стоит он на стальном полу, намертво прикреплённом к лебёдке. Осложняет это ещё сильный холод – работа идёт на открытом воздухе, и вдыхание выхлопных газов от дизелей. Присутствие едких химреагентов в буровом растворе здоровье тоже не улучшает.

Руководил всей этой какофонией Фархад с завидной яростью. Последним инцидентом было замерзание рабочей жидкости в гидравлической системе индикаторов веса. Рабочая жидкость, в одном индикаторе примерно литров около десяти спирта. Кто его разбавил перед заправкой – приехала разбираться целая комиссия из инженеров всех рангов. Главный инженер вопрошал:

– Почему спирт замёрз?

– Крепость у него была не та! – отвечал Фархад, сидя на корточках. – Я его попробовал, а он не той крепости, что надо!

– Ты что, денатурат пробовал? – с возмущением вскричал старший инженер.

– Ну, щуть-щуть! – сбивался на акцент Фархад. – Ради производства рискнул своим здоровьем!

– Я тобой рискну – доотказа! – вскричал главный инженер.

Для проформы сделали записи замечаний по нарушению правил техники безопасности. Записи эти делаются в специальном журнале, который является официальным документом. Замечания были несущественные, например: убрать в таком-то месте замазученность или расчистить снег возле аварийных штурвалов, или восстановить ограждение шкивов и так далее. Пообедав в котлопункте, они отбыли

по зимнику на "УАЗике". Им предстояло ещё посетить одну буровую, которая находилась в ста километрах, если отклониться от прямого курса. Главный инженер, закрывая дверь, продолжал бормотать угрозы в сторону Фархада. Тот, чтобы не забыть "отреагировать" на замечания, как только "УАЗик" скрылся за поворотом, схватил книгу с замечаниями и стал против каждого замечания писать: "Выполнено, выполнено!". Напротив каждого пункта стояла максимальная дата выполнения, но он в то же мгновение написал, что всё выполнено. При этом он рассуждал:

– А что? Снег расчистили, а он опять напал! Замазученность убрали, а оно опять замазучилось!

Логика у него была железная, но он не учёл форс-мажора. "УАЗик" главного инженера сломался через пять километров, и встречный трубовоз притащил его на буксире обратно. Пока чинили что-то в моторе, главный инженер от нечего делать опять открыл журнал на нужной странице и увидел, что напротив его замечаний густо стоит: "Выполнено, выполнено..."

– Постой, постой! – нахмурил брови инженер, – Когда это я тебя посещал?

Он думал, что попал на страницу журнала прошлого своего посещения буровой. Проще говоря, тупил. Фархад, ни сколько не смущаясь, ответил:

– А вот щипас и пощипал! – он опять сбился на акцент от волнения. – Нет никакой разницы, когда я напишу. Я же всё равно потом выполню. Обязан выполнить!

– Ты что?! Издеваешься надо мной? Я тебе напишу! Я тебе напишу! – Большой угрозы, главный, сразу выдумать не мог Он выбежал на улицу и стал орать на водителя и сгрудившихся вокруг капота автомашины дизелистов. Орал что-то бессвязное. Орал на мотив: "Вы все такие, рыба гниёт с головы!" Мотор "УАЗика" взревел, очевидно, испугавшись угроз столь великого начальника. И унес седоков к горизонту тундры.

Просторы тундры необозримы. Летом ещё цвет как-то меняется, секторами обзора. А зимой взгляду не за что зацепиться. От этого у наблюдателя этих пространств развивается сильная тоска, которая

приводит к депрессии и болям в области сердца. Всё вокруг белое, цвета нет. И кажется, что в жизни ярких пятен больше не будет!

Глава 5

В это самое время Пал Иванович, Раф и Шура восседали за столиком ресторана "Вечерний" в городе Печора. Они уже, сохраняя высокий темп, раскатали бутылку всё той же водки воркутинского разлива. Этот сорт водки отличался тем, что если в налитом стакане поиграть мениском, путём покачивания стакана, то на стенках стакана остаются жироподобные подтёки. Некоторые специалисты утверждали, что это глицерин, который не удалось отбить очисткой после ректификации. Когда официант притаранил очередной графин, Раф даже содрогнулся при мысли о том, как Пал Иванович переваривает эту субстанцию в таких количествах. Просто не водка, а оружие массового поражения! Но вслух сказал:

– Давайте выпьем за буровиков!

– За тех, кто в поле! – произнёс Шура банальность.

Наконец, заиграл оркестр. В это идеологически трудное время, время триумфа победившего развитого социализма, недостаток продуктов компенсировался возможностью послушать рок-н-ролл. Пройдут многие годы, и Шура будет рассказывать своим детям, что один виниловый диск патентованной группы можно было купить за месячную зарплату среднего рабочего с фабрики у жучков-фарцовщиков. Уже потом эти мелкие гешефтники, отбыв срок наказания за тунеядство в поселениях "на химии", будут с экранов телевизора выдавать себя за борцов за свободу. А пока они из-под полы продавали винил, провезённый "слугами народа", имеющими выход за "железный занавес". Это были, в основном, дети крупных партийцев, выученные на дипломатов, они-то и были контрабандистами ЦРУшной идеологии. Но это были настоящие диски хард-рока. Лабухи ресторанных квартетов тоже пытались воспроизвести что-либо из Deep Purple. В такие моменты почти весь зал срывался со стульев и начинал яростно топтаться на танцевальном пятачке. Этот танец передавал движения, являющиеся чем-то средним между мессой американских сектантов и дореволюционной борьбой пензенских крестьян с нашествием саранчи. Вместе с победой развитого социализма из-за кордона прорвался разгул американской идеологии. "Саранчу давили" все – коммунисты, комсомольцы и неорганизованные пока путаны. Путаны

существовали во все времена, правда, при социализме они брали мзду за свои натуральные услуги на порядок ниже, чем буржуйские проститутки. Так как в те времена эту индустрию не крышевали, и не делали им рекламу по телевидению, с успокаивающими увещеваниями сомнящихся девственниц, проектирующих ступить на тропу древней профессии, показывая финал ареста проститутток:

– Сейчас девочек из милиции отпустят, только заплатят они штраф, равный двадцатой части дневного заработка, и они вновь вернутся на панель!

Пал Иванович, как истинно русский человек на отдыхе, начал плотный разговор про работу. Монолог был в стиле мемуар:

– У меня средняя коммерческая скорость всегда была выше плановой!

Раф, при полном присутствии личного интереса к заимствованию успеха у Героя Соцтруда и стремлении к преемственности, сразу загрустил. Он поспешил заинтересовать Пал Иваныча сексуальными аспектами:

– Пал Иванович, давайте заклеим вон тех трёх подружек!

Он условно показал на столик для четверых, где стайкой сидели три особы предбальзаковского возраста, а доукомплектовывал столик мужчина бухгалтерского типа возможно, даже доктор, судя по постному выражению всей внешности. Он, судя по его виду, был явно не из их обоймы и держался особняком. Раф произвольно обратился к Пал Иванычу потому, что возраст самочек был сверхпредельный. Одна из седины изобразила блондинку, слегка подмолодив патлы чем-то жёлтым, вторая – наштукатурила пудры, как Пьеро в изображении Вертинского. Вот третья привлекла внимание Рафа, как охотника за дамскими сердцами. Она была лицом являющим красоту через интеллект. При всём она с виду была скромной, и не бросала пьяных взглядов на распоясавшихся, разгорячённых воркутинским зельем мужчин. Она сидела на своём стульчике, сложив карминовые губки как бы даже скорбно. Возможно, ей не удалось вкусить от щедрот местной кухни, перед её взором на тарелке лежало дежурное крыло недоваренной курицы с картофелем, сожженным в суперффри. Её скорбь была непонятна. То ли она гнушалась отведать крыло из-за тонких невыщипанных волосков-

перьев, удалением которых повар пренебрёг: "Так сожрут, не баре!" А может, боялась потратить карминовый колер губ, на который извела последний заветный заряд из тюбика губной помады, привезённой тоже фарцовщиками контрабандой, но уже по родственному каналу, из Польши. Уже можно было тогда, в порядке посещения родственников, смотаться на родину Рокоссовского, если ты был жителем советских Карпат. Скорбь дамочки была генезисом тайны, которая так привлекает мужчин. Была бы тайна, а охотников её раскурковать найдётся с избытком! Табун кавказцев, которых в те времена независимо от национальности, называли грузинами, занимали большой столик в центре зала. Они бросали взгляды цвета горящих угольков на столик со свободными от кавалеров дамочек. Временами самый короткий из кавказцев подбегал к саксофонисту оркестра, что-то шептал ему и что-то передавал тайное из рук в руки. После этого акта следующим танцем обязательно шла лезгинка. И джигиты начинали выделывать па, в некоторых элементах повторяющие танец святого Витта. Весь самодельный танцевальный ансамбль очень хотел понравиться обладательнице карминовых губ. Они яростно размахивали руками, будто аршинами отмеряя алую ткань на паруса яхты. Некоторые дамочки славянской внешности, явно перепив, вспоминали па, которые им преподавали в школьной самодеятельности при разучивании кавказских танцев, и присоединялись к ним. Но их потуги были тщетны. Движения рук были не столь плавные, как требовалось для будущей Ханумы. Кавказцы не обращали на танцовщиц ни малейшего внимания. До какой степени это были грузины – установить было невозможно. В те годы развитого социализма шла реактивная инверсия постсталинского указа, где именно грузинам разрешалось, при наличии справки из колхоза, торговать на рынке сельхозпродукцией. Эти справки покупали все, лишь бы внешность была слегка напоминавшей грузинскую. Говорят, даже некоторые цыгане имели эти справки. Овладев такой справкой, лихие люди скупали огурцы и цветы в подмосковных совхозах и везли их в Сибирь. Везли даже самолётом, настолько билеты на самолёт мало стоили. Вино везли из Молдавии поездом, выписав накладную, что оно грузинское. Все торговые люди были условно грузинами. Возможно, что танцевавшие огненный танец были далеко не грузинами, а какими-нибудь

басмачами. Для поддержки робко танцующих славянок выскочил какой-то паренёк гуцульского типа и начал огненно зажигать танец. Наверное, он был из художественной самодеятельности, но танец у него получился убедительный. Видя его усердие, оркестр заиграл с драйвом. Саксофонист включил свинг, и публика вошла в раж. После финала все стали аплодировать пареньку. Кавказцы, обидевшись на конкурента, а, может, пожалев, что они деньги в оркестр платили, а лавры достались халявщику, пошли в амбицию. В финале устных нападок самый маленький, который ходил в оркестр, ударил успешного танцора кулаком по носу. Удар получился слабым, но на пальце нападавшего был перстень-печатка. И по лицу танцора хлынула кровь. Оркестр заиграл громче, паренёк убежал вниз, в туалет. А на кавказца неожиданно напала, защищая танцора, девица:

– Ты зачем ударил моего брата?

Девица имела облик молотобойца и под парами выпитого воркутинского зелья держалась по-боевому. Для утверждения аргументов она нанесла удар кулаком в темечко маленького танцора сверху вниз, ввиду его низкого роста. Финансист "лезгинки" рухнул, как сноп. О том, что он жив, сообщала лишь его нижняя челюсть, глотавшая воздух. Нокаут таким ударом – явление редкое. Воистину, девица служила молотобойцем, и движение её было профессиональным. Кавказцы бросились всем кагалом спасать маленького танцора с воплями:

– Ми не могу ударить женщина! Он женщина не ударишь! Ему (ей) мстить не могу!

– Тащите своего карапета в сортир, пока я вам не навешала тоже! – посоветовала молотобоец.

Танцоры лезгинки поспешили воспользоваться советом, кулаки девушки были сжаты! Когда плацдарм был расчищен от конкурентов, Раф стал настойчивее предлагать:

– Пал Иванович! Пошли, закадрим тёлочку!

– Да какой из меня кадрила?! Как говорил мой поммастер: "Мы танцем не обучены. Нам бы по...баться!"

– Так проводим их до дома, а то и в гостиницу затащим!

– Нет. Вы уж идите с Шурой, а я посмотрю!

Только Шура тоже начал выдавать альтернативы:

– Что ты запал-то на старух? Вон в углу целый столик подружек, все молодые!

Раф в своём городе, не задумываясь, уводил даже чужих жён из компании мужа. Жена какого-нибудь пьяного гуляки инсценировала ссору и уходила с Рафом. А на другой день ещё мужу (который был с похмелья – хоть голыми руками бери!) выкатывала предьяву:

– Ты нажрался, как скот! От людей было неудобно. Я ушла ночевать к подруге, что бы твою пьяную рожу не видеть! Ещё раз напьёшься – уеду к маме!

Испуганный абстиненцией муж клялся в трезвости. Но всё только до следующего раза!.. Раф побаивался в чужом городе сильно "выступать". Могли и по рогам надавать, на кого как нарвёшься... Но он Шура "погнал гусей" на практические темы:

– Ты совсем не сечёшь тему! Это взрослые самки, наверняка с квартирами, накормят и спать уложат! А с мокрощелками что? Постоишь у подъезда, а потом она скажет: "Мамка зовёт!" – и ущеголяет спать. А ты десять километров пешком идти будешь до утра!

– А откуда ты знаешь, что десять? – тупил Шура.

– Ну, девять. От этого же не легче от комаров отбиваться!

Раф приглашал Пал Ивановича кадрить подружек потому, что ему было неловко, что тот платит за стол, а они бл...дей снимут и оставят его одного. А вдруг у него звезду Героя отберут хулиганы?!

Но Пал Иванович был старый боец в этом деле. У него уже "закусило". Он настойчиво науськивал Рафа:

– Иди, иди! Сними, а то другие к ним подходят приглашать, а она отказывает. На тебя взглядом косит! Давай!

Раф подошёл к девушке с карминовыми губами и сказал:

– Разрешите пригласить вас на танец?

Она молча кратко взглянула на него и поднялась со стула. Раф оттащил слегка её стул назад. Они начали танцевать танго. Вдруг саксофонист, инвестированный очередным пьяным любителем музыки, объявил:

– А сейчас для наших друзей из нефтеразведки звучит быстрый танец!

Оркестр заиграл бодрую мелодию, отдалённо что-то такое напоминавшую. Саксофонист вступал редко. Оттого он, наверное, и банковал, что был свободнее других оркестрантов. Он временами делал протяжные вставки, плохо попадающие и в тональность, и в ноты. Очевидно, саксофонист был главарь, а саксофон ему просто очень нравился. Ему казалось, что он украшает весь праздник. Под звуки бодрой мелодии все вновь стали "топтать саранчу", Раф с партнёршей тоже. За время псевдотанго они представились друг другу. Звали её Таня. Что она Татьяна, а не Таня, она не акцентировала, а Рафу самостоятельно менять было неловко. Вдруг она узреет намёк на возраст. Что же, Таня так Таня.

– Когда дрючатся – фамилию не спрашивают! – считал Раф и был, очевидно, прав.

Остальных престарелых подруг Тани из-за стола раздёргали другие посетители ресторана. Шура сидел, пригвождённый рассказами Пал Ивановича про "коммерческие скорости бурения при скоростной проводке скважины". Когда Раф увлёкся танцами, бурмастера как прорвало. Оркестр объявил последний танец, по окончании которого никакие "парнасы" не могли заставить лабухов выдуть хоть одну ноту. Намедни жильцы вышерасположенных квартир отписали коллективное письмо, которое обычно пишут склочники. Лабухам пригрозили ответственные товарищи, взяв посулы в виде пол-ящика коньяка:

– Чтобы в последний раз!

Раф пошёл провожать Таню, прихватив бутылку водки, которую буфетчица вылила в бутылку от минеральной воды. Был какой-то магический уход от закона: "Если выносишь водку в бутылке от минералки, то буфетчица неподсудна!" Торговля водкой на вынос каралась по всей строгости социалистического времени. Могли и уголовную статью натянуть за такие продажи, не предусмотренные законом. Шура потянулся вслед за Рафом, как телёнок за соской – он видел, как паковалась контрабандная бутылка. Раф, напротив, посылал его конвоировать Пал Иваныча, который нагрузился под ватерлинию и плыл только на автопилоте. Благо таксисты на

раздолбанных "Волгах" вились у фасада ресторана. Вся компания погрузилась в салон ни разу не ведавшей пылесоса колесницы, внутри неё воняло как в душегубке, в которой нацисты умерщвляли узников. Очевидно, из глушителя выхлопные газы пробивало прямо в салон. Но таксисты работали в две смены, и каждый перепихивал обязанности на сменщика. Так годами и ездили с головной болью, но выхлопную трубу не латали, забивали выхлоп сигаретным дымом. Таня жила на полпути до конечного пункта всей компании, на Макаронке. Раф пошёл её провожать. Только колесница отъехала – следом выскочил Шура. Пол-литра просто притягивали его. Такси уехало. Куда Шуру было девать? Раф разозлился не на шутку и сказал:

– Пропадай ты пропадом! Я тебе не нянька!

Он уже забыл, кто приютил его в этом городе. Память – она коротка у всех. Шура плёлся вслед за парочкой автоматически, ни на что уже не надеясь. Неожиданно возле самого дома Таня объявила:

– У меня дома муж пьяный спит. Я пойду, посмотрю. Если он невменяемый, то зайдём чайку попить. "Что это за ё...анный зехер!" – подумал Раф, но молча согласно закивал головой, как лошадь, идущая спорым шагом.

Шура маячил на траверсе, как дурная весть. Раф делал вид, что его не замечает, принципиально! Наконец, Таня выглянула и дала отмашку:

– Заходи!

Раф вошёл. Шура ворвался просто на его плечах. Бутылка с водкой его просто гипнотизировала! Что с ним было делать?! Муж Тани, очень интеллигентного облика молодой мужчина, лежал одетый на супружеской кровати однокомнатной квартиры. На столе стоял полуразобранный катушечный магнитофон. Таня сказала, что пойдёт переодеваться, и чтобы они пока в ванную комнату не ходили. Раф углубился в изучение состояния магнитофона. Шура молчал, находясь за его спиной, и шумно дышал. Что он там делает, Рафу, увлеченного внутренностями магнитофона, было невдомёк. Вдруг в комнате резко запахло ацетоном. Можно было подумать, что хозяйка на ночь глядя творит маникюр. Запах усиливался. Раф оглянулся. Шура, прилегиши рядом с мирно спавшим пьяным хозяином, старательно красил ему

половинку лица лаком для ногтей из маленького флакончика, принадлежавшего явно Тане. При этом он приговаривал название парфюмерной фирмы, обозначенной на этикетке флакончика:

– Чизebroу Пондс! – мурлыкал он.

– Ты что делаешь? Дурак! – завопил Раф, - Ну-ка, давай уё...ывай! Деятельность напарника вконец его разозлила. Мало того, что он мешал соблазнять чужую жену, он ещё провоцировал скандал. Шура, опоенный воркутинской водкой, плохо соображал, и только повторял название фирмы с этикетки пузырька лака. Раф вытолкнул Шуру за наружную дверь. Когда он вернулся в комнату и, присев на край кровати, рассматривал плоды шуриного боди-арта, хозяин проснулся. Его лицо, наполовину покрытое высохшим лаком для ногтей, несимметрично стянуло. Будучи с похмелья и не проспавшимся, он был ошеломлён и оглушен, увидев абсолютно незнакомого мужчину на своей супружеской постели:

– Ты кто?! Ты кто?! – непрерывно кричал он.

– Да вот, Таня вызвала меня магнитофон починить! – ляпнул первое, что пришло в голову Раф.

– Магнитофон работает! – вспомнил свою профессиональную гордость хозяин дома. Он, как оказалось впоследствии, был каким-то специалистом в области электроники и магнитофон держал полуразобранном, чтобы гости убеждались в его профессионализме. Он вскочил с лежбища и сел на стул, но не как все люди, а на спинку стула, ноги поставив на сиденье. С высоты посадки он запустил полурастерзанный аппарат, и тот завизжал какие-то песни бардов. Такие песни поют обычно у костра, переставляя пальцы по грифу гитары с одной и той же последовательностью, но в разном темпе, дрюкая большим пальцем правой руки по струнам в такт песне. Если её так можно назвать. Раф очень боялся вопроса от хозяина и от могущей внезапно войти Тани, что с лицом?

В конце концов, в комнате оставался только Раф и все подозрения за боди-арт могли лечь на него. Он быстро извлёк убранную с глаз Шуры заветную бутылку из-под минеральной воды с ресторанной водкой и налил полстакана. Затем вручил его хозяину, восседавшему на спинке стула:

– За знакомство! – неожиданно для себя изрёк Раф.

– А себе? – с пьяной заботливостью спросил тот. И отрекомендовался: – Боб Акула!

Очевидно, это была его туристская кличка, если сопрячь клетчатую рубашку Боба и непрерывно бубнящие на двух нотах песни про тайгу и горы. Ему не хватало только компаса на руке. Наколок туристы не делали. Может, это десятилетиями выработанный принцип отличия в лесу туристов от беглых зёков. А то, неровен час, местные жители пострелять могут и завалить где-нибудь в урмане валежником, на съедение песцам. Боб опрокинул стакан жидкости в рот, как воду в радиатор, и, завибрировав на своём нашествии, вдруг рухнул на кровать, прямо с высоты посадки. Очевидно, это был отработанный пируэт, так как Боб улёгся ровно по месту. Дополнительных переползаний не потребовалось. В это время вошла Таня, облаченная почему-то в пеньюар. Раф где-то слышал, что советские женщины используют пеньюар дома, как халат, даже жарят в нём картошку на кухне. Поэтому, глядя, как хозяйка придерживает створки стилизованного под халат наряда, не стал выражать бурного восхищения. Он, не балуя всех присутствующих разнообразием поведения, тоже налил Тане полстакана и изрёк:

– За знакомство!

Хозяйка махнула стакан, как запивают таблетку, и спросила:

– А тебе?

– Так второго стакана нет!

– Борька, гад, всю посуду побил со своими собутыльниками!

Она протянула Рафу пустой стакан. Но тот, взяв её за руку, увлёк на постель, рядом с мирно спящим Бобом Акулой.

– Подожди, свет надо потушить.

Раф метнулся и щелкнул выключателем. Завязалась борьба.

Женщины на генетическом уровне ведают главным секретом Камасутры – мужчина возбуждается от сопротивления. Половому акту должно предшествовать лёгкое насилие, это возбуждает. Очевидно, это гендерная память от предков, когда самку надо было одолеть! Раф был борец искушённый. Он оттянул трусики Тани

рукой, затем зацепил за резинку большим пальцем ноги и резко дёрнул ногой вниз. Так заводят мотоцикл посредством кик-стартера. Трусики соскользнули с ног слегка сопротивляющейся партнёрши, немного пролетели по воздуху и повисли, как парашют десантника повисает на берёзе, на фикусе. Трусики белели, как белеет флаг, декларирующий сдачу на милость победителя. Акт пролетел мгновенно. Нападающая сторона всё время опасалась, что муж с деформированным лаком лицом очнётся от фрикционных телодвижений, происходящих с ним рядом. Но всё закончилось, к разочарованию сдавшейся стороны, весьма скоропостижно. Таня умчалась в свою любимую ванную комнату, с обещанием на предложение Рафа сотворить минет. Пока она жужжала водой, за окном слышался незнакомый шум. Что-то сочно хлопало и потрескивало под окном. Раф выглянул в открытое окно и увидел, что Шура расположился на крыше припаркованного под окнами чужого "Москвича", продавив ему крышу весьма основательно. Он сидел в позе лотоса, подогнув ноги, как йог, и курил сигарету. Взгляд его был устремлён на Танино окно, которая в это время тоже подошла к окну. Увидев такой пассаж, она, боявшаяся соседа-ветерана и без этого случая, стала возмущаться и выгонять своего кавалера:

– Давайте вместе со своим полоумным другом проваливайте! А то сейчас милицию вызову!

Раф быстро оделся и покинул негостеприимную квартиру под возмущение Тани:

– Мужа всего краской измазали. Хулиганы!

– Это он сам нанёс боевую раскраску, становясь на тропу войны! Кричал, что он Акула.

Таня ему почти поверила...

...До общежития добрались на какой-то вахтовке, которая перевозила рабочих рано утром, без каких-либо приключений. Пал Иванович уже не спал, "водил луну". Первым вопросом у него было:

– У вас не найдётся что-либо опохмелиться?

– Откуда такая роскошь?! – ответил Шура. – Наш Ромео всё побросал на поле битвы!

– Ты бы лучше помолчал, надоел мне за ночь своими выходками!

Товарищи, после ночных походов улеглись спать. Проснувшись, Раф сгонял на вокзал и получил прибывшие документы. Приехав, соврал Пал Иванычу:

– Вот падлы! Все деньги повытаскивали! Хорошо, что документы не тронули, все целые!

– Я другого результата не ожидал, – поддакнул собеседник. – А ваш товарищ уже на работе. Ничего не позавтракал. Ну, ничего, в конторе его чаем всяко напоят. Я вот прикупил в местном магазине припасов. Правда, закуски – никакой!

Раф, увидев воркутинскую водку, весь содрогнулся и разделить возлияния отказался, сославшись на угрожающее состояние здоровья.

– Ну, скажете тоже! Я в ваши годы ацетон пил, и живой!

– Пал Иванович! Мне ехать надо в свою экспедицию. Одолжите мне денег на билет. Я вам потом вышлю с полочки.

– О чём речь! Конечно, провожу и отправлю. Для бурения такие парни очень нужны!

Они вдвоём пешком дошли до речного вокзала, который располагался прямо на дебаркадере. Кассы были в отдельно стоящей на берегу будочке. Возможно, инструкции предписывали, что дебаркадер может унести, но деньги при этом должны остаться на берегу! Раф на деньги ссуженные Палом Ивановичем взял билет на судно "Заря", этакое корыто, которое вроде как глиссирует по реке. Это судно пригодно лишь для мелководья. До отъезда оставалось ещё вагон времени, три часа. Спутники пошли в ближайший магазинчик. Ассортимент в нём был получше, чем в экспедиционном. На закуску купили плавленые сырки и булку стандартного для этих мест серого хлеба. Он делается из лежалой муки, а чтобы хотя бы немного поднимался, был попышнее, пекари перебивают тесто. Хлеб чертовски кислый, с горьковатым привкусом. От него изжога даже у здоровых желудком людей. Более взять не представлялось выбора. Были какие-то консервы, но выпущены они были ещё до предыдущей пятилетки. Было много стеклянных банок с разнообразным консервированным борщом. Такую пищу даже искусный повар не в

силах превратить в съедобную. Похлёбку из таких банок съедают только очень голодные, наработавшиеся люди, пришедшие с мороза. Пал Иванович с Рафом расположились на берегу, на днище перевёрнутой лодки. В этой позиции милиционеры, вроде как не кантовали "за распитие спиртных напитков"... Стакан нашли под лодкой, его, очевидно, передают по дистанции предыдущие выпивохи. Выпили по первой, и потекла беседа. Пал Иванович из наставнического русла перевёл разговор в русло исповедования своих мыслей:

– Рафаил! Вот я мечтал, что бы мой сын был такой как ты. А он в педики-докторишки пошёл. Всё мать натворила. Пока я по буровым деньги зарабатывал, она обработала его: "Вот я заболею, ты меня вылечишь!" Бред сивой кобылы!

– Вы уж, Пал Иваныч, так строго не судите, у каждого своя судьба! Считайте, я вам как сын. Будем переписываться. Встречаться на выходные. Вы мне опыт свой передавать будете, надо же кому-то наработанные приёмы передать, для блага нашей отчизны! – давил на патриотизм Раф – Ваш опыт бесценный. Его в учебнике не прочитаешь!

– Ты, Рафаил, не об опыте проводки скважины думай. Я тебе толкую о бесценном даре узнавать, где нефть залегает. Дар, который открылся мне после удара молнией. Я сто процентов ведаю, когда иду или еду по тундре, где нефть залегает, а где – сухо! Давай ещё по одной, – он налил ещё полстакана и протянул Рафу. – Ты закусывай, как следует. Дорога дальняя. Хлеб и сырки с собой возьми. Где теперь сегодня покушаешь? В чужие места едешь!

– Везде люди русские. Хоть татары, хоть мордвины, хоть хохлы или ещё кто, всё одно, мы люди русские. Название всех других наций отвечает на вопрос "кто?", а название нашей – на вопрос "какие?". Если говорит и мыслит человек по-русски, значит, русский. Вот в семнадцатом веке, если плохо говорил по-русски, значит "немец", немой значит. Хотя он мог быть голландцем или датчанином, или ещё кем. Селили таких в отдельной слободе. А сейчас в нашей стране другой и мыслит по-нерусски, хитрожопый гад, а селится среди нас. Русские – они простые, радушные, отзывчивые. Вот их и обманывают, прививают разные американские идеи: "Главное –

бизнес. Получил совет – давай деньги!" Русские они ещё при Калите жили общиной, и правление у них было: вече! А нам теперь байки рассказывают про демократию, свободу!

Выпили ещё по одной. Пал Иванович поддержал Рафа:

– Америкосы свободу подразумевают, это когда собрался кагал лихих людей, облапошили остальных, сгребли у них все деньги. Вот тогда большинство "свободно" – от денег. Живут все в кредит. Большинство американцев – тунеядцы. А что Америка выпускает? Ты видел что-нибудь американское? Они только свои доллары зелёные печатают на частных фирмах и распространяют по всему миру. Мы вот продаём нефть, а только за доллары. Вроде как рубль, дескать, неконвертируемый. А были бы наши попринципиальнее, сказали бы: "Хочешь газ купить? Только за рубли! Купи вначале наши рубли, а затем за них мы вам газ продадим!". Или сталь, к примеру.

В таком темпе у них текла беседа. Пал Иванович высказал Рафу всё, что у него наболело на душе, а под конец признался:

– Видел я сегодня сон, просто как наяву, как в кино. Всё про бурение, разведка залежей нефти. Тебя видел, что мы работаем вместе. Когда проснулся, умылся – в ушах звучит такое утверждение: "Когда ты, Паша, умрёшь, твой дар определения места залегания нефти перейдёт твоему новому юному другу!" Это, надо полагать, тебе этот дар перейдёт!

– Да перестаньте, Пал Иванович! Вам ещё жить пятьдесят лет как минимум! Ещё сами десятки месторождений нефти найдёте! – искренне воскликнул Раф. – Сейчас вот определитесь работой, с жильём. Встретите молодую девку, она вам еще пару сыновей родит! Ещё меня переживёте!

– Спасибо тебе, Рафаил, на добром слове! Очень ты душевный человек! Я пока почту на главпочтамт до востребования получаю. Пиши. Я тебе тоже на такой же адрес отпишу в твой посёлок. Заходи на почту, проверяй!

"Заря" уже пришвартовалась. Новые друзья обнялись напоследок, и Раф по деревянному трапу с поперечными планками

прошёл в салон теплохода. Пал Иванович махал ему рукой, пока "Заря" не скрылась за кривуном.

Теплоход шёл ходко. Кресла на теплоходе были как в самолёте, это был намёк на быстроходность судна. Соседом Рафа оказался местный старичок-краевед. Был он коренной житель и про эти места знал всё. Начал он рассказ про речное судоходство. Рассказал, что на море суда расходятся правыми бортами, а на реке "по отмашке":

– Выходит штурман на ходовой мостик и даёт флажками отмашку, каким бортом расходиться. Вот от того родилась та поговорка: если с человеком расходятся в отношениях, то говорят "я ей дал отмашку, вдоль борта". – Дальше он сказал: – Для такого класса судов ночное судоходство вообще запрещено. Можно с хода налететь на топляк. Это после сплава леса отдельные брёвна, отбившиеся от плотов, мигрируют самостоятельно. Комель у них намокает, и лесина идёт под углом. Бывает, катер, напарываясь, пробивает себе днище насквозь. Места здесь мало заселены. Только в устьях более или менее судоходных для катеров и лодок, речек.

Через три часа проходили один такой большой посёлок Усть-Лыжа. Старичок продолжал повествование:

– Усть-Лыжа знаменита тем, что там в сталинские времена был большой лагерь, в котором ещё до первой сучьей войны было восстание зэков. Уголовники объединились с политическими, и когда вертухаи мылись в бане, захватили оружейку и повязали всю охрану прямо в бане. Дав им, конечно, одеться. Но торжествовали они недолго. С Усть-Усы подошло подкрепление, на санях с впряжёнными лошадьми. С пулемётами. Был бой, многих восставших перестреляли, остальные сдались. Сдавшихся поставили на колени вымаливать прощение. Стояли они, пока не замёрзли. Некоторые выдержали до трёх дней. Только в живых никого не оставили, в назидание другим лагерям. Но эта педагогика не сработала. Восстания продолжались вплоть до хрущёвских времён. И после второй сучьей войны зэков стали отпускать. Кого под амнистию, кого под комиссию. В наследство от бериевской системы остался лишь институт воров в законе. Раз уж придумал эту систему Берия, то законников особенно много из грузин. Лагеря в Коми-республике распространены до сих пор. Они получили известность мировую. Такие зоны как Чиниворик,

Иосер знают понаслышке многие. Многие зэки после освобождения живут там же, в посёлках. Лишь бы население в посёлке, где решил поселиться расконвоированный зэк, не превышало десять тысяч человек. Таков закон. Когда говорят про срок – то говорят: "Пять срока, шесть по рогам", это значит, что шесть лет должен жить в поселении без права выезда на "большую землю". Живущие на поселении имеют ещё и "поражение в правах". В общем, знаменитые тут места. Особенно заметна натянутость отношений между приезжими и коренным населением. Издавна, с царских времён, когда здесь уже была каторга, и до постсталинских, местные профессиональные охотники имели промысел по отлову беглых зэков. За уши охотникам платили порохом, дробью, сахаром и прочими колониальными товарами. Особенным трофеем считался авторитетный беглец. В доказательство его уничтожения охотник предоставлял картинку его эксклюзивной наколки, тату. От этого экзотического промысла остался традиционный холодок в отношениях, недоверие, причём взаимное. Это недоверие на генетическом уровне. Наследие прошлого. Сейчас, в настоящее время все люди очень дружат и уважают друг друга.

Старичок, в конец устал от рассказов и задремал.

Вскоре миновали и Усть-Усу, тоже большой посёлок. В нём был даже деревянный храм. Через некоторое время "Заря" пришвартовалась к деревянному причалу. Этот причал уносило ледоходом каждый год. Весной причал упорно сооружали вновь, всё из тех же неошкуренных брёвен, скреплённых скобами. Уже по схеме-трафарету Раф нашёл гостиницу, похожую на печорскую. В ней не было даже вахтёра. Вход был открыт, как калитка в Кремль при Хрущёве. Раф прошёл вдоль коридора и остановился у комнаты, откуда доносился шум. Раф постучал, шум затих, он вошёл и спросил:

– Здорово. Парни, есть где кости кинуть?

– Ну, ты напугал! Ты чего стучишься? Мы думали что "медак" приехал! – разом загомонили обитатели комнаты, – Ты на "десятый магазин" скидываться будешь?

Продажа водки осуществлялась только до семи вечера, и народ скидывался на поход к шинкарям – в "десятый магазин".

– Да у меня денег ни копейки, только приехал на работу.

– Ну ладно, мы тебе так нальём!

Пока шла суета и томление ожидания гонцов, Раф заприметил мужичка, который был не так активен, как все присутствующие. Его звали "дядя Володя". Раф у него спросил:

– Вы, случайно, не знаете здесь место, которое потише?

– Пойдём! – неожиданно сказал тот.

Пришли в дальнюю угловую комнату. В ней было по сравнению с предшествующей чисто прибрано. Дядя Володя сказал:

– Располагайся, здесь я живу один!

– За что же тебе такой люкс предоставили?

– Работал я в экспедиции помбуром. Потом занемог. У меня обнаружили туберкулёз. Я напёр на профсоюз, вот они выделили мне отдельную жилплощадь.

Рафу стало не по себе.

– Да ты не беспокойся, у меня сейчас не открытая форма! – успокоил его дядя Володя.

– Да, я ничего. Я когда прошлый год работал на Вуктыле, -0 вспомнил Раф прошлую практику, – у нас слесарь был с одним лёгким. Он долго болел, и лёгкое ему вырезали. Так он ещё на буровой потом успешно слесарил.

– У меня до этого дело, надеюсь, не дойдёт! Сплюнь!

– Да я не тебя имел в виду... – стал "работать винтами назад" Раф.

– Не буксуй! Ложись, спи. А я к ребятам пойду. У них веселей. Как выпьют – всё про работу рассказывают. А мне по приколу, молодость вспоминаю.

Он ушел. Раф лёг, не раздеваясь. Дверь здесь не закрывали на замок со дня постройки этого странного общежития.

Глава 6

Наутро Рафа разбудил дядя Володя:

– Вставай, казак! Чай готов! Я для тебя отдельно потом заваривать не буду! Будешь нефеля промывать!

К процедуре употребления чая в этих местах относятся весьма трепетно. По значимости принятия чая местные бывшие сидельцы превосходят китайцев и англичан вместе взятых. К чаю относятся очень сакрально. Здесь бытует правило:

– Табачок вместе, а чаёк – врозь!

Но дядя Володя великодушно попотчевал гостя отменным чифирком! Запарил он его в стеклянной банке от импортного компота, крышка у которой закрывалась герметично и ни одна молекула кайфа, по разумению напитков затворившего, не прошмыгнёт! Раф достал остатки вчерашней закуси: хлеб, успевший безнадёжно зачерстветь, и разломанные сырки. Тамошний хлеб, по причине плохой муки, пропадает за полдня. Дядя Володя отказался от угощения, по причине отсутствия аппетита:

– Я только кишки прополощу. А ты подкрепись, сегодня у тебя день тяжёлый, надо спецовку выбить, а то отправят на буровую по-пожарному, а там дадут рваньё чужое, и будешь как Гаврош. Тебя в такой одежде увидят по первому разу, так и будут относиться всю дорогу!

Раф подумал, что хозяин отказывается от угощения из-за убогости меню. Впоследствии, когда дядя Володя умрёт от белой горячки, он зафиксирует парадокс: зарабатывает здесь средний работяга не меньше, чем министр в Москве. Но отношение к еде у трудящихся просто наплевательское! Что дают повара-ворюги, то и едят! Повара и завпроизводством давно раскусили фишку: "Какая бы плохая пища не была, всё равно лучше, чем в лагере!" Контингент, в общем-то, был весьма своеобразный: по посёлку ходили в спецовке, в отпуск ездили единицы, в основном все были разведённые алиментщики. В общем, жили, как попало. Дядя Володя, тот и вовсе удивил даже выдавшего вида зама начальника экспедиции. Тот всю основную трудовую деятельность, был "кум на зоне" или замполит. Форма туберкулёза у дяди Володи была всё-таки открытая. Но он

умудрился умереть, как констатировал патологоанатом, от белой горячки. Он полночи выгонял из-под своей кровати палкой каких-то хоккеистов. Так и затих под кроватью. Когда кто-нибудь мается "белочкой", его товарищи охраняют, чтобы не натворил что-либо. Как-то Рафа, когда он уже работал начальником, позвали в жилой барак. Там один дизелист "белочку гонял". Он обмотался алюминиевой проволокой и утверждал, что он радист и принимает все радиостанции мира. При этом он пытался засунуть провода в электрическую розетку:

– Я принимаю все радиостанции мира, а "они" помехи создают!

Раф примотал конец его проволоки к батарее отопления:

– Всё, я тебя заземлил!

– О, теперь хорошо слышно!

И он затих до утра, умиротворённый заземлением.

Слегка подкрепившись и оставив вещи в гостинице заезжей, Раф потопал к конторе. Управление экспедиции тоже располагалось в типовом сборно-щитовом бараке. Эти щитовые бараки в разобранном на щиты виде мастерили на зонах. Качество было соответствующее усердию строителей. Дуло в комнатах барака во все щели, иногда через пространство между половицами был виден снег, наметённый под пол. Но контора экспедиции была облагорожена дополнительным тюнингом: у парадного входа красовалась "Доска показателей". Ровно напротив неё – "Доска почёта", где висели портреты передовиков. В общем, всё было чин-чинарём, как на обыкновенном советском предприятии. Внутри был длинный коридор и Раф, не навоя справки, быстро попал в кабинет начальника отдела кадров. Начальник был как раз тот обманутый, причём много раз, муж, который призывал собирать партком и профком для разбора факта измены его жены. Измены текущей, происходящей сей момент. Раф отрекомендовался и протянул трудовую книжку. В ней последнюю запись он соорудил совместно с инспекторшей отдела кадров предыдущей экспедиции, где он проходил практику. Последняя запись гласила, что он бурильщик шестого разряда. При той сетке это была высшая рабочая квалификация. Начальник отдела кадров профессионально оглядел привлекательную наружность вновь прибывшего на работу. Он сразу занёс его в потенциальные

любовники своей распутной жены. Жена изменяла ему в монотонном темпе с тех времён, когда он взял её в жёны, беременную неизвестно от кого. Он её любил неугасающей любовью и очень гордился, что жена у него красивая. В первую брачную ночь он сказал после акта:

– За что же мне столько счастья?!

На что новоиспеченная жена посоветовала:

– Если тебе много – поделись с товарищами!

Начальник кадров стал сразу ненавидеть Рафа. Ненависть застила ему глаза и он даже не заострил внимания на то, как это молодой парень сразу получил квалификацию первого бурильщика?

Он потупил взор и стал вынашивать каверзу, чтобы сразу "засадить" потенциального соперника. Единственное, что он придумал - направил его бурильщиком на "Воравейскую", где бурмастером был Фархад. Пусть там вакансии не было, но начальник думал, что там архаровцы те ещё, быстро кто-нибудь на взыскание раскрутится!

На том назначении и решили, вписали в приказ. Медкомиссию в этих местах не проходили, так сложилось исторически. Возможно, где-то вели какие-нибудь учётные карточки, но про них знали меньше, чем про архив КГБ. Иногда рассказывали, что при приёме на должность верхового рабочего, где-то кого-то крутили на стуле, а затем направляли дойти в угол. Но это был только лишь устный эпос. В больницу тоже никто не ходил. Её попросту в посёлке не было. Был почему-то из всех медицинских учреждений лишь роддом. Но в нём делали только аборт, и был этот стационар по размерам значительный – два всё тех же сборно- щитовых, барака, сцепленных углами.

После получения направления на работу, Раф хотел попросить аванс, чтобы можно было сходить хотя бы в столовую. Но, чувствуя всеми фибрами антагонизм начальника кадров, решил судьбу не испытывать: "Всё равно не поможет!" – подумал он.

Из кадров напрямик направился он на склад получать спецодежду. Там его ожидал очередной облом. По направлению РОВД на работу в экспедицию в качестве социальной "обязаловки" был плотником принят цыган. Тот с тарарамом вытребовал себе

шубу. Вытребовал среди лета, вопреки инструкции, что рабочим первого года шубы не давать. Но раз распоряжение есть, то завскладом предоставил право выбрать шубу цыгану. В результате этих примерок склад пришлось закрыть. Цыган перемерил все шубы, которые находились на складе. При малейшей попытке завсклада возразить, он разражался страшными воплями, что его "зажимают". Только преддверие обеда придало завскладу силы, и он выдворил цыгана с охапкой валенок, сапог и прочих брезентовых костюмов. Что любопытно, на работу цыган вообще не вышел, ни на один день. Исчез вместе со спецодеждой.

Весь обед Раф пробродил по окрестностям. Знакомился с новым населённым пунктом, куда он будет приписан в предстоящие годы. В голове его настойчиво бродила одна и та же мысль: "Перейдёт или не перейдёт к нему способность Пал Ивановича чувствовать, где находится нефть под землёй?"

То условие, которое упомянул Пал Иванович, что прежде он умереть должен, Раф не воспринимал. Смерти этого заслуженного трудяги ему совсем не хотелось. Он думал, что должен же быть какой-то компромисс, ну, например, удар молнии.

Овладеть возможностью обнаружения залежей нефти Раф желал гораздо больше, чем обладать Золотой Звездой Героя Соцтруда. Эти мысли забивали у него даже чувство голода. Лишь злобные укусы комаров иногда выводили его из транса, и он возвращался к суровой действительности. Он понимал, что завтра его увезут на вертолёте в тундру. Будет он там нефть искать. Возможно, что его путь окончится так же бессмысленно, как у Пал Ивановича. Возможно, даже без Золотой Звезды, и не будут его пропускать везде без очереди. Не выдадут ему квартиру в первую очередь. Но другого пути в жизни он не видел, как не видит глубоководная рыба неба, тем более Космоса. А подсказать Рафу было некому, что существует другая жизнь, без алкоголиков, ворюг-поваров и профсоюзных деятелей, которые "поддувают" администрации и радостно делят товары повышенного спроса и путёвки в санатории между собой, отдавая львиную долю лакомых кусков начальникам. Возможность стать геологом и переключивать бумажки по восемь часов в день в сборно-щитовой конторе его не привлекала. Одно название, что геолог. А на самом

деле: отчёты и ещё раз отчёты. Хозяйство-то плановое. Все отчитываются, марают бумагу – безработицы в стране нет! Основа социализма не электрификация, как говорил Ленин, а учёт и отчетность. Народных денег прос...ать можно, сколько душе угодно! Лишь бы за них ловко отчитаться. Вот и шебуршала бумагой вся страна. Раф инстинктивно понимал, что попасть в эту плеяду – смерть любой мечте, поэтому решил трудовую деятельность начать с работы, а там осмотреться, может, воспользоваться чьим-либо советом и принять решение, чтобы жить было не противно на Земле. За этими мыслями обеденное время утекло, чувство голода рассеялось. Раф попил воды из колонки, хватая струю прямо ртом. Колонка устроена была так, что вода разбивалась о землю и забрызгивала брюки катышками смеси воды и пыли. Погода стояла сухая, но влажность воздуха из-за близости болот, была высокой. Дышалось тяжело. Одежда, подобранная по дорожному тёмной, чтобы холод не захватил врасплох, прилипла к клейкому телу. Сдабривали эту картину не прекращающиеся комары, от них руки визуально приобрели общую опухлость. Шея и уши просто зудели, укусы разъедало потом. От всех этих обстоятельств место нового проживания не радовало. Сознание подсказывало, что это ещё обжитые края, здесь хотя бы склады есть, продуктовые и другие. Есть, как минимум, аэропорт, могут вывезти, случись что. Раф представил, как первые геологи после Гражданской войны, уходили на целый сезон с рюкзаками в тайгу и в тундру. Репеллентов от комаров тогда не существовало, сухих супов тоже. Была одна крупа и мука. Даже макарон не было. А ведь ничего, выжили ребята, да ещё такие территории закартировали! Что любопытно, Раф никогда не слышал от старых сидельцев, которые помнили сталинские времена, чтобы сидели на зоне, допустим, геологи. В основном из центра сгоняли в Сибирь поэтов, драматургов, певцов и прочих претендентов называться "бомонд". Их всех, таким образом, приобщали к общественно- полезному труду. Профессиональные эки, которые урки, те сидят при любом строе. Даже если абстрагироваться и представить, что коммунизм свершился, воры всё равно будут воровать. Это процент от населения такой, статистика. Этот процент есть в самой прекрасной стране: в Швеции, Норвегии, Японии и любом другом государстве. Этот процент на

душу населения эквивалентен для любой страны. Даже в Китае, где за эту провинность – смертная казнь, а раньше руку отрубали, тоже воры есть! Говорят, если вора сажают в одиночку, он всё равно бросает, как бы невзначай, шапку, а потом к ней подкрадывается и ворует! Маленькая тяга к кражам существует у каждого человека, если он психически устойчив. Стырит добропорядочный гражданин в супермаркете конфетку и радуется, страсть удовлетворена на год, а то и на два! На этот случай в супермаркете заложен процент на хищение, и согласован с налоговиками. Всё равно платит покупатель.

Раф за такими мыслями вошёл в склад, завскладом уже душой отошла, отмякла от визита цыгана и оказалась женщиной весьма приветливой. Она радушно предоставила экипирующемуся Рафу костюм хлопчатобумажный, кирзовые сапоги и телогрейку и сказала:

– По зимнему плану потом придёшь, я тебе оставлю, что получше. Должен быть свежий завоз. Зачем ты будешь брать из перебора?

Основа советских взаимоотношений, это "взять из-под прилавка". Вроде, как все равны и шьют спецовку всю зэки на зонах, и без фантазии. А тебе вот! Оставили что-то особенное. Пусть это такая же шапка с суконным верхом, но зато она выдана персонально. Человеку приятно!

Раф померил штаны способом "на ширину рук", размеры свои все он все примерно знал. Он, увязав все причиндалы любезно предоставленной верёвочкой, пошёл в сторону общежития-гостиницы. Пойти спросить аванс в бухгалтерию экспедиции у него гордость не позволяла. Он исповедовал закон, что еду просить – стыдно.

Что завтра в восемь надо быть на бурскладе, так ему ещё начальник отдела кадров сказал:

– Завтра утром на "Воравейскую" отправляется вертолёт, будь в восемь на бурскладе!

Бурсклад – это такая хибара, вся прокуренная и заплёванная. Половина у неё отделена лёгкой перегородкой, за которой сидит диспетчер и начальник бурсклада. Остальные – в общей комнате на лавках. Даже в домино не играют, а только курят и ведут бездарные

разговоры, все разом. От слияния речей стоит жуткий гул, у всех болит голова, по разным причинам, но никто не молчит, все "жужжат".

При этом разговоров нет даже про футбол, не говоря, чтобы о музыке или достижениях науки. Или про увиденное когда-либо кино. Идёт нескончаемое перемалывание, причём стократно, одного и того же какого-то случая. Если вырвать любой отрезок речи, в основном это будет: "...потом ещё денег заняли, взяли пять бутылок, и выпили!" – и так далее.

Курят – одна от другой. Дым стоит слоями. Дым наружу, во двор, не выходит. Он, кажется, оседает по эффекту седиментации, как атмосферные осадки, на пол. От этого кажется, что пол неопишимо бурого цвета. На бурскладе ждут, когда прилетит вертолёт, на местном сленге "борт". Когда борт на подлёте, тогда команду нужного направления сажают на вахтовую автомашину и везут в аэропорт. Раньше, несколько лет назад, ожидающие вахты сидели в аэропорту в зале ожидания. Привыкшие к кое-какой дисциплине, авиаторы потребовали удалить "этот элемент" за пределы аэровокзала. Мат, вспыхивающие время от времени драки, непрерывное курение никак не вязались с воздушным флотом. Пробовали сделать зал ожидания в вагончиках подле аэропорта, но это была полумера. Начальник аэропорта добился полного отселения дебоширов. Теперь с завтрашнего дня Рафу тоже предстояло пополнить ряды ожидающих на бурскладе. Сегодня же, он пришёл в гостиницу и подался к дяде Володе. Тот сидел в своей комнате и пил дневной чифирь. Увидев Рафу, он притворно оживился и спросил:

– Ну, куда тебя определили? – и, не дожидаясь ответа, – Пей чай! Чифирь здесь вслух произносили, когда говорили о нём в третьем лице. Когда кто-то где-то далеко – чифирил, а здесь же был просто: чай. Существовало поверье, что именно чифирь варят только в эмалированной кружке, на углях костра, и при выпаривании накрывают кружку обязательно брезентовой рукавицей. А если сварен на электроплитке, пусть любой концентрации, но без выпаривания – это просто чай.

– Определили на сорок первую, на "Воравейскую", - среагировал Раф на первый вопрос. Он подошёл к столу и стал наливать себе чай.

Порядки знал, он ведал, что чай пьют без сахара. Если будешь пить с сахаром, то сердце надорвётся.

– Так что же ты раньше не сказал! – вскинулся дядя Володя, – Здесь полно ваших! Вон они в восьмой комнате опохмеляются! Айда знакомиться!

Раф давно понял, что "опохмеляться" здесь обозначает вечный, перманентный процесс, как процесс органического синтеза. Оргсинтез на зиму замирает. Это, если провести параллель, когда буровики на буровой, там "тлеющий оргсинтез". Бывают исключения с сурой, денатуратом и прочими подручными реагентами. Когда буровики на отдыхе – процесс идёт всюду! Спустя десятилетия Раф понял, что это был гениальный социолого-экономический расчёт государства. Платили буровикам бешеные деньги. Водка обходилась государству в две копейки, буквально, за одну бутылку. Ну, вот и вся хитрость! Получит буровик или рыбак траулера бешеные деньги, а потом они через водку возвращаются в казну. Никаких трат на филармонию. Чисто химическая реакция! Немногие выжили в этой гонке. Были, конечно, индивиды. Скапливали за три года некоторую сумму и уезжали на материк, дом строить в деревне. Но это – уникальный трюк. Всё равно, что из казино с выигрышем прийти домой и потом потратить деньги на обучение на искусствоведа. Уникальный случай, если кто-либо применил заработанные деньги на своё обучение...

Раф стал слегка умоляющим тоном отнекиваться от грядущего знакомства:

– Я устал, я бы лучше в баньку сходил!

– Какая баня?

Поблизости бань не было. Дядя Володя оторопел, поисковая система в его голове напряглась: "Что-то я такого варианта не припомню" – а вслух он закричал:

– Давай, давай! Ребята обидятся. Завтра лететь вместе. Вдруг последний раз летите!

– Как это – последний? – не понял Раф.

– А вдруг разобьётся вертолёт, а вы даже не познакомились! – напирал без юмора хозяин комнаты.

Раф, подталкиваемый в спину, стал замедленно переставлять ноги в сторону восьмой комнаты. Сознание провоцировало: "Может, чем покормят, а то завтра когда ещё поем...".

В восьмой комнате дядя Володя презентовал Рафа собравшимся работягам с разных буровых:

– Вот, на сорок первую новую оформился!

– А-а-а!!! - сразу загомонили все разом, даже не спросив, как зовут нового, - Это тебя вместо Доценко!

Спровоцировал всю толпу на такую догадку предшествующий визиту рассказ о Доценко и его жене-"змее". Помбур Доценко год тому назад сломал ногу при бытовых обстоятельствах. Он был увлечён телевидением и всё время вынашивал идею-фикс: поймать сигнал на буровой. Он считал, что если увеличить высоту антенны, то она поймает сигнал. С каждых отгулов он привозил всё новые куски дефицитного кабеля и собирал мачту всё выше и выше. Собирал он её из труб диаметром два с половиной дюйма. После очередной сборки звал на помощь наибольшее количество людей, и начинали подъём. Во время последнего мачта упала и ударила по ноге именно главного прожектёра. С переломом его отвезли в Печору. Там его загипсовали. Когда через полгода сняли гипс, то он снялся вместе с гниющим мясом ноги. Кость отпилили с запасом, под самый пах. Его определили на лёгкий труд. Он жил рядом с дядей Володей. Жена от него отказалась и уехала в Украину воспитывать детей. Доценко бухал водку, как водокачка, а недавно умер от заражения крови. Он пришёл в больницу, в этот пресловутый роддом, с жалобой, там принимали временами срочных больных. Но его не приняли, так как он был "с запахом". В буровой бригаде до последних дней за ним сохраняли место, чтобы поддержать его морально. Присылали разных нерадивых работников с припиской: "Вместо Доценко", но они долго не задерживались. Весь принцип был в том, что напиток ты мог до чёртиков, буквально. Или страдать со страшного похмелья до алкогольного психоза, но на вахту ты должен был выйти. Как восхваляют артистов, которые с температурой выходят на сцену. Разница лишь в том, что артисту надо квакнуть: "Кушать подано!" – и подвиг он уже совершил! В случае с буровиком, то тому надо двенадцать часов, а если он ещё верховой – на ветру тяжелые трубы и

машинные ключи таскать без перекура! Теперь решили, что вместо Доценко прислали постоянного помбура. Раф не стал перебарывать общественное мнение, что он не помбур, а бурильщик. Его могли неправильно понять и посчитать за выскочку. "Пусть всё решится естественным путём!" – мудро подумал Раф.

Ему налили сразу целый гранёный стакан. Он отпил половину. Общество недовольно затынуло:

– Ну-у-у!... Ты где раньше работал?

– На Вуктыле, – заученно доложил испытуемый.

– Да, газпромовцы против Мингео не тянут! – хором порешило общество. Закуски после водки никакой не полагалось. Как впоследствии убедился Раф, водку здесь не закусывал никто и никогда. Существовало негласное мнение, что закусывание убавляет захмеление и это вроде как не рационально. Даже временами вслух выражали мнение:

– Зачем добро переводить?

Хуже закусывания было, это если кого-нибудь вырвет. Еду в этом помещении не признавали совсем. Стояла трёхлитровая банка воды, налитой из колонки, зимой она была тёплая от системы подогрева. Воду качали прямо из реки, безо всяких хитростей очистки. Вода иногда припахивала нефтепродуктами от пришвартованных неподалеку катеров и самоходных барж. Запивали водку водой не сразу, а по прошествии времени, если захочется пить. Позже, через несколько месяцев, Раф заметил на столе в восьмой комнате краюху хлеба, сухарь. Его когда-то общипали, и он являл некую странную фигурку. Раф съездил на работу, отработал месяц и вновь попал в эту комнату. Сухарь лежал нетронутый, всё той же формы, хотя местоположение на столе он изменил. Возможно, он нес функцию для занюхивания.

Рафа сильно не дорывали вопросами, кто он, да откуда. Было какое-то безразличие к товарищам. Два дизелиста в разговоре узнали, что они служили подводниками в разное время на срочной службе в армии. Они обособились и спрашивали с уважением друг друга:

– А гелием вы дышали? А через башню вы всплывали? – и всё в таком стиле...

Это они пытались показать окружающим свою эксклюзивность. Окружающим это порядком надоело, и один помбур обратился к тому, что постарше:

– Э, вы, парашютисты, как вас там? Давай, стакан не задерживай! Вопрошаемый издал протяжный вопль:

– А-а-а!

В руках оскорбленного водолаза появился нож, почему-то садовый.

Он стал его ввинчивать в бок критикующего, кривым крючковатым лезвием. Нож был типа "складишок", лезвие сложилось и порезало наружную сторону водолаза. Вопль его усилился, критикан похохатывал, а все веселились. На поврежденные пальцы даже водки пожалели, посоветовали:

– Сходи за угол, поссы и всё пройдёт!

В туалет "по маленькому" здесь ходили с крыльца. Исключительно. Как-то на профсоюзном собрании оголтелый общественник пытался вразумить помбуров и призывал по этому поводу доходить до туалета. Поднялся страшный шум. Возмущению не было предела! Вроде как посягают на часть свобод. В итоге встал с места верховой Вася:

– Ссали с крыльца, и будем ссать!!!

На этом полемика закрылась навсегда. Опять разговор за столом пришёл к тому, что надо всем скинуться и сходить за водкой "пока магазин не закрыли". На стол полетели бумажные купюры. У Рафа никто не просил скинуться в котёл. Некоторые участники застолья тоже не кидали на круг взносов. Но Раф объявил, что у него денег нет и выпивать он не хочет. Его слушать не стали, только сосед положил ему руку на плечо и ладонью другой руки сделал знак, обозначающий: "Помолчи!". Здесь равноправного участия скинуться и не просили – кидали все, кто хочет и сколько хочет. Учёта того, кто сколько кинул, не вели. Раф в который раз подумал, что неплохо было бы закусить. Но об этом и речи никакой не было.

Впоследствии Раф тоже приучится неделями пить водку и ничего не есть целыми днями. Это была у здешнего общества такая традиция, в первом приближении, почти религия. Люди почти все

были довольно крепкие. Толстых не было. Раф, не дожидаясь гонцов, ретировался в комнату дяди Володи. Надо сказать, в жилсекторе экспедиции ему дали направление в общежитие. И опять же в эту восьмую комнату. Оставаться в этой восьмой было бессмысленно, поэтому благоразумно было укрыться у дяди Володи, тем более, тот не возражал. Сам он сидел в своей комнатухе и пытался читать, до такой степени его старания были, какие могут быть у выпившего человека. Раф, пересилив себя, спросил:

– Вы не смогли бы занять мне три рубля на столовую? Я вам с полочки отдам.

– А зачем тебе?

– Поест в столовой.

– А сейчас поедим. Я до твоей полочки могу не дожить. И столовая уже закрывается, там остались одни ополоски. Говном всяким накормят, потом болеть будешь.

Он стал кипятить воду, а затем бросил в неё суп из пакетиков и банку тушёнки. Еда получилась густая и очень солёная. Поев её, сразу попили чай.

– Теперь жить можно, – риторически сказал дядя Володя.

– Спасибо вам, а то без вас я бы свой желудок переварил.

– Это с непривычки. Здесь никто не ест. Только воду пьют.

– А что же они хлеб хотя бы не купят? – удивился Раф.

– Не приучены! – философски ответил дядя Володя.

Спать легли рано. Раф сходил к комендантше и, напомнив, что он отдал направление, спросил:

– А можно бельё получить?

Услышав непривычную просьбу, комендантша, которая вечером превращалась в вахтёршу и уже гнездилась спать в подсобном помещении, долго соображала. После того, когда проситель повторил вопрос, спросила:

– Какое бельё?

– Ну, постельное...

Взгляд вахтёрши стал ещё более диким, и она "включила лейку", выкрикивая привычные, заученные фразы:

– Всё поизломали! Дебоширы! Я вот на вас сейчас вызову медвытрезвитель. Бандиты окаянные!

Раф подумав, что вахтёрша тоже выпивши, ретироваться. Уже в комнате он спросил у дяди Володи:

– Что она так орет, как зарезанная?

– А чё ты ей сказал?

– Бельё спросил...

– Какое бельё? – тоже справился дядя Володя.

– Ну, постельное. У вас же есть, вы на простыне спите!

– Так это у меня давно. Я его стираю, когда оно сохнет, я один день сплю одетый. Потом месяц на белье. А комендантша не меняет. У них было раньше простыни, выдали им как-то новые. Они их разворовали и списали на проживающих, что те их порвали, что ли. Некоторые даже платили, в расчётке было, что высчитали за утраченное бельё. Потом тут дрались на ножах раза четыре, так комендантша списала на перевязку, вроде как кровь унимали у раненых. Я сам им в акте расписывался, что простыни кровью залиты. А что? Всё законно, ведь уголовное дело-то завели!

Раф не стал больше вникать в местные коллизии с простынями и завалился одетый на кровать, как все, только обувь снял. По этому факту дядя Володя дал очередную инструкцию:

– Когда будешь спать в восьмой: обувь под подушку клади, а то ночью сопрут. Шубу зимой тоже береги. Укрывайся ей и полу под себя подворачивай. Шубу – точно сопрут!

– А куда их воруют? Зачем им?

– Хохлы к себе на родину высылают, посылками. У них там модно шубы в городе носить. Кожух называется.

– Так буровики не воруют. Принципиально!

– Воруют те люди, которые с картёжниками ходят буровиков обыгрывать на деньги. Поддувалы. А бывает и человек проиграется, а отыграться охота. Вот он и ворует.

Под эти разговоры, после горячего супа с хлебом, Рафа склонило ко сну, и он проспал до утра без сновидений.

Глава 7

Последовательность событий утреннего пробуждения повторило вчерашнее утро. Всё, до последней детали. Дядя Володя вопил ни свет, ни заря:

– Вставай казак! Чифир готов. А то будешь нифеля промывать!

Вначале пили чай, а потом Раф брился. Использовал он для бритья остатки кипятка от чая. Умывальника в этой расчудесной гостинице заезжей не было. Вернее, комната существовала, были в ней прибиты и рукомойники, но раковина сливом заканчивалась в никуда. Когда Раф умывался на крыльце одной рукой, поливая себе из чайника, всех этот процесс очень удивлял, постояльцы гостиницы, поочередно пробегая "отлить" за угол, очень заботливо спрашивали, проявляя участие:

– Что, побил кто? Кровь смываешь?

– Нет, просто умываюсь.

– Ну, ты даёшь! Вчера водку пить не стал, ушёл... А сегодня умываешься! Чудные люди устраиваться к нам в экспедицию стали!

К семи часам, как бы то ни было, абсолютное большинство отъезжающих на буровые собралось на бурскладе. Курение шло непрерывное, и от разговоров в тесной комнате стоял гул, как в пивной. К примеру, сидят за столом несколько человек, напротив друг друга и рядышком, и каждый что-то говорит. Никто никого не слушает. Кайф заключается в том, что речь изо рта льётся потоком. Паузы наступают, когда говорящий прикуривает. Раф присел рядом с каким-то опохмелённым человеком, с одутловатым лицом. Тот что-то яростно рассказывал своему соседу, который, на удивление, молча его слушал. Раф прислушался: "Что такое может говорить человек, отчего его молча слушают?" Но понять ни одного слова из всей речи не мог. У одутловатого отсутствовали все передние зубы, а язык не умещался во рту. Поэтому его речь являла что-то чавкающе-мяукающее. Слушатель нашёл паузу и спросил его:

– Это кто тебе такую х...йню. сказал?

– Это я с-ш-сям! – самодовольно ответил одутловатый.

Такие обильные разговоры ведут уже опохмелённые люди. Те, кто ещё не опохмелился – молчат. Им совсем плохо, и они уединились в своём нездоровье. Возможно, кто-то действительно болеет, некоторые очень серьёзной болезнью, но в поликлинику никто не ходит. Всё единодушно считают, что всё нездоровье от похмелья, и если удачно опохмелиться – всё пройдёт! Есть, конечно, ещё одна причина: водка плохая, плохо очищена. Это единственный люфт, который допускается в диагнозе. А если человек отравился, или сотрясение мозга после падения – это не рассматривается вообще! Никаких допущений! Панацея единственная: "Надо опохмелиться!"

Диспетчерша в окошечке записывала отъезжающих по номерам буровых. Если буровая только ещё строилась, шёл монтаж, всё равно она уже имела свой номер. К номеру прибавлялось название площади: Командиршор, Варандей, Сандивей, Харьяга и другие. Такие названия шли от названия структуры, в пласте которой надеялись найти нефть. Имена структурам давались, в основном, от названий речек или озёр, подле которых они пространственно располагались. Ещё названия давались по именам владельцев родовых угодий ненцев и хантов, которые пасли там оленей испокон веков. Это были какие-то сложные отношения администрации округа и местных жителей, разобраться в которых труднее, чем искать предполагаемую тропинку в тёмном лесу. Но и такие названия существовали: Мишвань (может, владения Миши и Вани?), Лёшкин сор и другие названия. Но Рафу надо было лететь на Воравей. С приставкой "вей" было тоже немало названий: Сандивей, например. Кстати, приставка "вей" филологически к восклицанию на еврейском языке никакого отношения не имеет. На Воравей собралось претендентов на полёт больше двадцати человек. Ми-8 брал только четырнадцать и отправляющий, другой диспетчер, который возил до вертолётной площадки людей, объявил:

– Будете ждать Ми-6, у вас ещё груза много!

– А нам ещё лучше! – жизнерадостно откликнулись буровики. – Он летит быстрее!

Сами они имели расчёт, что успеют до открытия магазина пополнить запасы "этой неочищенной водки, "этого яда". Вахтовая машина, тем временем, стала отвозить на отправляющиеся Ми-8

первые партии отлетающих на другие буровые. Погода стояла лётная. Но никто не гарантировал, что она не закроется в любую минуту. Солнца не было видно из-за облаков. Такая хмарь в этих краях стоит постоянно, причём радуется жителей, так как постоянно висит угроза, что начнётся дождь. Дожди здесь обложные, то есть идут неделями. Так, чтобы прогремела гроза, пролил на час-два дождь и кончился, бывает крайне редко. С неба льёт мелкий и нудный дождь без антрактов. Летунам, главное, чтобы была видимость. В вертолётах Ми-8 навигационного оборудования нет. Летают они с визуальной привязкой к местности. В этот день Рафу и остальным повезло. Ми-6 появился внезапно. Какая-то экспедиция отказалась от "борта" и вертолёт срочно передали для полёта на Воравей. Грузились быстро. Без дополнительных просьб пассажиры всегда участвуют в погрузке. Профессиональные грузчики обычно – спитая публика, без должной физической подготовки. Погрузить несколько тонн груза надо мгновенно! Грузят вручную, бегом вверх по слипу-аппарели. Обшивка слипа металлическая, и ноги сильно скользят при погрузке. Бортмеханик участвует в погрузке только покрякиванием, что куда расположить. Потом он лично всё увязывает специальными такелажными ремнями. Большинство здешних аварий с авиацией происходит именно из-за смещения груза, поэтому бортмеханики проявляют при увязывании перевозимых предметов большое усердие. Наконец турбины завыли, задние створки захлопнулись гидравликой. Триммера управления резко защёлкали, и вертолёт пошел на взлётную полосу. Ми-6 здесь зовут "сарай", взлетает он с разбегом по бетонной полосе, по-самолётному. Так вроде как топливо экономичней расходуется, чем при повисании. Когда взлетели, за иллюминатором лесотундра очень быстро сменилась тундрой. Пошёл ландшафт, украшенный рыжей и грязно-зелёной низкой растительностью, весь издырявленный миллионом маленьких безжизненных тёмных озёр. В этих озёрах ничего живого не водится, они промерзают зимой до самого дна, пребывая в таком состоянии две трети года. В первом приближении, эти озёра можно назвать просто лужами, но переехать их летом на тягаче, если он не плавающий, просто невозможно.

Через два часа полёта Ми-6, наконец, сел на вертолётной площадке возле буровой, метрах в ста от вышки. Во время полёта

вести разговоры между собой нет никакой возможности. Вертолёт – грузового типа, и шум в нем стоит, как в преисподней. Размах лопастей у этих машин очень большой, поэтому линейная скорость на концах лопастей стремится к скорости звука. В связи с этим звук от кончиков лопастей прорывает звуковой барьер, и щелчки от них идут как от выстрелов. Задние створки открылись, и вертолёт так же споро выгрузили обитатели буровой. Груз состоял, в основном, из продуктов, поэтому выгружать его прибежали с охотой буровики бодрствующей смены. Остальные были заняты на установке: шёл подъём инструмента, става труб, спущенного в скважину на глубину существующего на сегодняшний день забоя.

Во время разгрузки вертолёт не выключает двигатели, и лопасти машут над головами выгружающих, как ветряная мельница, опрокинутая на спину. Завихрение воздуха создаётся от этого вращения адское. Когда это происходит зимой, то холод от ветра пронизывает до позвоночника. Наконец, вертолёт добавил оборотов и стал отрываться от земли, взяв пассажиров на обратный рейс. В момент отрыва вертолёта наиболее опытные буровики проходят под его пузо, там наименьший поток воздуха. Если отступить прочь – ветродуй усиливается с удалением от места висения вертолёта. Кажущийся романтичным на фотографиях взлет вертолёта в натуре весьма противен по ощущениям. Кроме пронизывающего ветродуя, от него ещё противный звук и угроза, что рубанёт задним винтом по зазевавшемуся пассажиру. При всех этих противностях, всё фотографии или фильмы, отображающие процесс разведки нефти, всегда связаны с обликом вертолёта. На самом деле, вертолёт при бурении скважин на нефть и газ – дело пятое, даже, сто двадцать пятое. Как впрочем, и при оценке качества фильма. Но фотографию буровой вышки всегда делают, когда на переднем плане присутствует вертолёт.

Теперь, когда вертолёт улетел, сразу подошёл трактор с санями и продукты погрузили на настил саней, всё убралось на один рейс. Трактор с санями переместился к котлопункту и встал под выгрузку. У трактора гусеницы были болотного типа, шириной чуть ли не с метр. Такие трактора применяются на мелиорации болот, для этих целей они и были изобретены. Раф стал помогать выгружать продукты. Повариха обратила на него внимание:

- Ты у нас будешь новенький?
- Да. Прикреплён постоянно к вашей буровой.
- Так давай я тебя запишу!

Пока записывала Рафа в две книги, листы которых были расчерчены продольными карандашными линиями, он огляделся. Столовая-котлопункт представляла собой помещение из двух вагончиков. В одном был салон для приёма пищи, а второй являлся собственно кухней. Примыкал к ним ещё и третий железный вагончик-будочка. Это был склад. Повариха пояснила:

– Вот, притулили железную будку. На соседней точке пришёл весной оголодавший белый медведь, разбил лапой весь склад, всё продукты попортил. Сгущенное молоко изжевал как ириски, железные банки разгрыз легко!

– А что, у вас здесь белые медведи обитают?

– Сюда редко заходят, только если какой-нибудь шалый. А вот "Дресвянская" стоит недалеко от Печорского моря, там они лютуют! Бывает, помрёт кто из людей, от магнитных бурь сердце не выдержит, или на буровой убьёт в одночасье, покойника хранят в складе деревянном, так охраняют с ружьями и костры жгут.

– А что покойника-то охранять? Сбежит что ли?

– Так белый медведь он покойника за десятки вёрст чует, нагрянет – потратит обязательно.

Рафу было непривычно слушать эти обыденные рассуждения, о "потраченных" покойниках. Он, в общем-то, рассчитывал, что повариха его подкормит с дороги, но она только чесала языком, найдя свободные свежие уши. Раф кое-как нашёл паузу и пошёл в бурдомик. Здесь опять же упоминается корень "бур". Сведущий человек может подумать, что это перекликается с корнем "БУР", что в переводе с лагерного: "барак усиленного режима". Но, как и в случае с бурскладом, это связано лишь с бурением скважин.

Бурмастер, это был Фархад, уже закончил командовать, куда унести прибывшие запасные части. Он ещё по инерции размахивал руками, потянувшись на носочки, куда какой прибамбас утащить, но уже обратился к Рафу:

– А-а-а! Вновь прибывший! Ну, давай направление.

Прошли в бурдомик, и Раф расписался в журналах. Это обозначало, что он уже обучился безопасным приёмам ведения работ, прошёл инструктаж и сдал экзамены и по технике безопасности, и по пожарной безопасности, и по всем другим всяким безопасностям вместе взятым. Судя по удовлетворённому выражению лица Фархада, Рафу должно было стать очень хорошо от этих актов росписи. Бардак-бардаком, а вдруг залетит какой-нибудь проверяющий из Москвы, да проверит, проводили ли с данным рабочим, допустим, экономическую учёбу?.. На этот случай существовали журналы, на смертельный случай – тоже. Журналы напоминали амбарную книгу, никаких изысков полиграфии. Фархад выдал Рафу каску и брезентовые рукавицы. У таких рукавиц, причём всех и во всех экспедициях, существовал конструктивный дефект: они рвались в месте, где большой палец сопрягается с основной деталью рукавицы. У всех работяг в этом месте годами была зияющая дыра, через которую попадал буровой раствор и холод. Но, рукавицы, как и вся спецовка, шились в "учреждениях", другими словами, на зонах. А с зонами не поспоришь. Объект закрытый и все технологии – тайна!

Фархад повёл Рафа селиться в вагончик. Весь посёлок представлял собой место размером с футбольное поле, по периметру стояли вагончики. Вагончики изготавливали в таких же учреждениях, что и спецодежда, только ориентированных по другому профилю, по строительству. Другие учреждения строили сборно-щитовые бараки, третьи пилили для всех брёвна на доски. В общем, индустрия процветала. Всё шилось, пилилось, и водка лилась, как оплата всего этого адского труда! Фархад подвёл к спаренному вагончику и сказал:

– Здесь место свободно, на постоянной!

Сам внутрь заходить не стал, опасаясь вопросов и требования чего-либо. Требовали всё: кинопередвижку, бильярд, занавески на окна и всё, что в дремучую голову помбура взбредёт! Аргументом было:

– А вот в соседней экспедиции телевизор привезли!

– Ну и что! – отвечал Фархад, – Ведь всё равно он передачи не берёт!

Но из толпы неслось:

– Ну и что! Пусть не показывает. А, может, настроим, антенну изобретём. Пусть стоит!

Фархад избегал таких диалогов и послал Рафа в самостоятельный путь к кровати. Внутри помещения, закатав матрасы совместно с постелью, на панцирных сетках сидели помбуры. Почти все почему-то были без одежды, лишь в нейлоновых плавках. Объяснений столь странному гардеробу можно было предположить два. Первое – персоны хотели продемонстрировать лагерные наколки, второе – в помещении было очень жарко. В центре комнатухи стоял "козёл", такая самодельная электропечь на стальных ножках. На печи находилось цинковое ведро, в котором кипело ключом, судя по запаху, мясо. Собравшиеся в вагончике люди по очереди подбегали к ведру, подцепляли вилкой кусок серого мяса и острым ножом отрезали кусочек с краю. Потом прожёвывали кусочек и единодушно поддакивали:

– Не-е-ет! Ещё не готово! Не готово!

Запах для толком не евшего несколько дней Рафа стоял душераздирающий! Тот, который сидел на одной из коек, что у окна, на правах старшего скомандовал ему:

– Чё стоишь? Занимай свободную шконку. Та свободна! – и указал на свободную кровать у входа.

Засаленный мазутом матрац на койке был так же скатан в рулон, внутри которого находилась красного цвета подушка, с комьями ваты внутри. Раф без комментариев бросил сумку и спецовку на сетку кровати, которая была не панцирная, а из проволочных крючочков, и представился:

– Раф!

Все присутствующие, их было человек пять, почти хором, параллельно представились, поэтому Раф сразу не разобрал, кого как зовут. Он только понял, что того, который казался старшим, зовут Лист. Впоследствии это оказалась фамилия, а звали его Ваня. Это имя ему не нравилось, поэтому для всех он был Лист. Возможно, это была когда-то кличка, или кличка его отца, которая потом органично перешла в фамилию. Еще беспризорным в детском доме давали

фамилии "с потолка", но на человека, имеющего отношение к музыке, Лист не походил. Если бы Раф разобрался в тюремной геральдике, он, может, смог что-либо про него сказать. А так, перед ним сидел с ногами на кровати крепко сложенный жилистый человек. На плечах и на ногах выше колена у него были наколки в виде звёзд с восьмью концами. Ещё был наколот меч, обвитый змеёй, роза, обмотанная колючей проволокой, и многое другое. Как понимал Раф, наколки были серьёзные, таких, чтобы сделаны были в порыве минутной слабости, не было. Потом уже, когда Лист метнулся к ведру, он заметил на спине изображение храма, только, сколько куполов – сосчитать не сумел. В этот момент, обладатель храма на спине предложил:

– Бери вилку, пробуй!

Раф с удовольствием отрезал изрядный кусок и с лёгкостью проглотил его.

– Ну, как? – спросил его, как чуть позже уяснилось его имя, Сапог. Это был помбур по фамилии Сапожников. Кроме длинной фамилии он имел очки с большими диоптриями. Это не мешало ему проходить медкомиссию, так, как её никто никогда не проходил. Всех здесь звали по кличкам, трансформированным, в основном, из фамилий. Кроме, разве что, Геббельса и Утопленника.

– Очень хороший вкус! – ответил Раф.

– Жуётся нормально?

– Отлично! – нахваливал он.

– Ну, тогда снимаем. Воду давай сливай!

– Странно, бульон выбрасывают! – думал Раф, - Наверное, оленя завалили, мяса много, вот и не нужен никому бульон!

На самом деле, обитатели вагончика с утра убили приبلудившуюся собаку. Может, от хантов она сбежала, от побоев. Может, где сейсмике на тягаче проезжали. Никакого транспорта никто не видел, а собака появилась. Её сварили в ведре, даже не став выяснять подробности. Рафу не стали даже уточнять, что он ел. Всё так были уверены, что каждый знает, что там варится, а лишний раз распространяться не желали: "Вдруг хозяин собаки объявится? Начнёт права качать". А так – от нынешнего люда слова не

добьёшься! На всё один ответ: "Ничего не видел! Ничего не знаю!". От такого отношения к жизни сплетен здесь очень мало.

После такой закуски заварили жидкий чаёк. Норма заварки для этого десерта везде существовала одинаковая: на трёхлитровый эмалированный чайник – пятидесятиграммовую пачку чая. К тем временам к грузинскому чаю уже стали подмешивать индийский, стали купажировать, назывался этот чай "номер 36". Такой чай считался деликатесом, пили его некоторые работяги даже с сахаром и, если присутствовало, – с печеньем или сухарями из засохшего хлеба. Таким гурманом среди присутствующих был Вова Фёдоров. Работал он помощником дизелиста, другими словами, выполнял всю грязную работу в дизельном помещении. Хотя удостоверение для обслуживания дизелей имел. Судя по его запойному характеру, удостоверение он приобрёл чудесным образом.

Его родной отец работал в Республике Чувашия каким-то высоким партайгеноссе, и, возможно, чтобы сын совсем не пропал, он выправил ему диплом дизелиста. Но для самостоятельной работы у дизелей Вова не дотягивал. Трудолюбив он был невероятно и пожрать любил тоже на славу! Он в ларьке всегда отоваривался на огромные суммы сладостями, и все этими щедротами пользовались, благодаря его мягкому характеру. Однако вместо благодарности над ним постоянно шутили. С утра сегодня перевели будильник на два часа вперёд и разбудили его на завтрак в пять утра. Доверчивый Вова сорвался полуодетый, с полуоткрытыми глазами, как сомнамбула, примчался в столовую. Повариха, не выспавшаяся как всегда, ещё только курила и мороковала, чего бы этим сволочам сегодня заварганить на завтрак?

Прервал её глубокие раздумья ворвавшийся Вова и стал требовать завтрак. Ничего не разобравшаяся повариха погнала его большой поварёшкой. Его разыгрывали таким образом уже несколько десятков раз. Несмотря на нажитый отрицательный опыт, он каждый раз срывался с кровати в столовую. Но при всём феноменальном обжорстве он был не толстый, даже худощавый. Все килокалории у него выходили на работу, был он парень не ленивый. Если где-нибудь под выхлопными трубами возникала промазученная земля – это была делянка для Вовы. Инициативу он никогда не проявлял никакую, но

по первой команде хватал лопату и начинал носить вёдрами пропитанную маслом землю за обваловку. За это его не то, что не лелеяли другие дизелисты, а наоборот, всегда его гнобили, говорили:

– Вова, ты проглот! У тебя глисты! На Украине когда свиноматка приносит выводок, то один из них жутко худой. Жрёт он больше всех, и зовут его отсосок или кишкунчик. Таких поросят убивают на другой день после рождения и продают на рынке в качестве "молочного поросёнка".

Вова не обижался и даже не улыбался. Выражение лица у него было всегда вопросительным, напряжённым. На выходные он не ездил, боялся прошлых опытов. Его пьяного обязательно избивали случайные собутыльники и отбирали все деньги в первый же вечер. Несмотря на то, что этот человек не мог ничего худого сказать даже в принципе! Напротив, был радушный и угощал всех желающих. Возможно, потому и били его каждый раз.

В этот раз вновь опять попили чай с Вовиным сахаром и печеньем. У Рафа даже голова перестала болеть. Голова болела нещадно последние дни, очевидно от недостатка сахара в организме. Дядя Володя сахар не употреблял, "берёт сердце". После глубочайшего перекура Сапог выдал тезис:

– Чё вы все расслабились? Уже пора на обед!

Раф подал голос, неожиданно для себя:

– Так ведь хорошо наелись, плотно?!

– Плотно, не плотно, а Люся (так звали повариху, и, если учесть, что в документах у неё было "Людмила", это тоже можно было считать кличкой) всё одно обед запишет! Здесь так: ел – не ел, а если на буровой был, то в ведомость повариха всё равно "палку" ставит.

– Так в бухгалтерии оспорить можно?

– Ну, оспорь, потом будешь без жратвы. Ни одна повариха тебя под запись кормить не будет. Будешь как все прикомандированные, только за наличный расчёт!

На обед было как всегда: борщ из консервов, из больших литровых банок, наполненных красной субстанцией, макароны по-флотски с говяжьей тушёнкой и распаренным сухим луком. На третье был компот из сухофруктов. Хлеб выпекался здесь же, на буровой.

Для этих целей была даже сложена печка из кирпича, но прогревалась она самодельными спиралями из нихрома. Мощность этого агрегата была сногшибательная, в холодную погоду, когда работала пекарня, старший дизелист бегал по вагончикам и кричал, что бы электрообогреватели вырубали.

– Станция села на ж...пу! – орал он. Это обозначало, что дизель электростанции от нагрузки теряет обороты и коллектор выхлопа уже красный. Поварихе за пекарню доплачивали "обработку", тридцать процентов. Но, если учесть, что всё тесто вымешивалось вручную, другой здравомыслящий человек за "тридцать процентов" впахивать по ночам не стал бы! Когда интересовались:

– Люся, а когда у тебя свежий хлеб бывает? Почему всегда чёрствый?!

Она орала из амбразуры:

– А старый я куда девать буду? Тебе в задницу натолкаю, что ли? Мне же его надо пропускать!

"Пропускала" Люся всё, у неё ничего не пропадало. От экономии на кухне зависел весь её приработок. Ситуация с экономией продуктов была прямо противоположной экономии материалов на предприятиях государства. На самом деле она делилась с подругой из прачечной, фамилия которой была Курилка, что опять походило на кличку, и её все так звали и не знали её имени вовсе. Люся, угощая Курилку горячим хлебом, делилась с ней:

– А что, я им, сволочам, свежий хлеб давать буду? Они сожрут его вмиг! А я потом меси его, поливая потом. Да и старший дизелист Горденко мается с электростанцией. Печь-то жрёт электричество огого!

Про Горденко она несла отсебятину. Повариху он ни в чём не ограничивал. Делать поварихе замечания было себе дороже. Орала она даже без поводов. Основной темой её воплей было, что мужики все сволочи! Такое неожиданное умозаключение основывалось на том, что замуж её никто не брал. Даже на ночь ни кто не приходил. Мужчины, были, в основном, разведённые алиментщики. В их душе жил непреходящий шок от прежней семейной жизни. Все они стали узниками советской эмансипации женщин. Их бывшие жёны истязали

их походами к общественникам предприятия, где те работали. Профсоюзные деятели могли, к примеру, издать решение, что деньги, заработанные мужем, кассир будет отдавать жене. Муж выстаивал очередь в кассу в день полочки. В апофеозе к окошечку проталкивалась жена и выхватывала полочку, как выхватывают морские птицы-поморники рыбу из клюва олушей. Олуш, который нырнул на небывалую глубину и поймал заветную рыбу! Ещё в душе живы были все детективные истории с записками от жены, вызовы милиции для того, что бы оговорить родного мужа и сдать его в обезьянник. Жив был акт дележа после развода, когда несчастного мужа пустили в одних трусах под ликующие крики победителей, жены и тещи. Поэтому поползновения Люси на предмет обрести мужа были тщетными. Она оставалась эмансипированной советской женщиной. С увядающей надеждой огрести справно мужа, и увезти его к себе на Кубань, где у неё был и домик, и огородик, и даже гаражик, под проектируемый под покупку "Москвич", а то и "Жигули". В мечтах она говорила:

– А что?! Если ему дорого его бурение, так бурение и у нас есть. А если выпить – я ему самогона из слив наварю! Хоть залейся!

Невдомёк было старой куртизанке, что важнее сливового самогона и бурения – свобода! Чтобы с утра теща не перечисляла список мероприятий, которые пришли в её тронутую марзматиическими изменениями головку размером с кулачок. Но повариха Люся была на редкость активной негодяйкой, от своих планов она никогда не отступала. Даже бы если ей мировой психолог обосновал все доводы невозможности пленения помбура из разведочного бурения, она всё равно бы не отступила! При всём при этом она в своей тактике на мелкую хитрость не разменивалась! Она действовала нахрапом.

Приглядела как-то она пару-тройку кандидатов на роль, изображающую хозяина её усадьбы на Кубани. Среди всех был Валера Дробышев. Это был здоровый, мосластый парень. С широкими плечами и без грамма жиринки. Был он на редкость угрюмого характера. Из молчаливого состояния его выводило только одно занятие – покрыть матом кого-либо, если последний провинится. Все его материки отвечали на вопрос "кто?" На бедную голову

провинившегося сыпалось: "Козёл, кошёлка, пидарас..." – и так далее. Бывают матершинники, которые перечисляют слова, отвечающие вопрос "какой?", например, "е...учий, вонючий, ссыкучий...", но Валера к таким не относился.

У Дробышева были и ещё заскоки, типа заняться накопительством, но не в деньгах, чтобы не пропить! По этому поводу он временами накупал золотых обручальных колец на все десять пальцев. Может, этот факт и спровоцировал повариху Люсю... Но через неделю или три дня колец уже не существовало. Валера умудрялся проиграть их в карты. Сегодня при открытии столовой и появлении первых едоков Люся обратилась именно к Валере:

– Валерочка! Помоги мне поднять дежу с водой на печь!

Валера с лёгкостью брал бак с водой, всего килограммов сорок и на вытянутых руках ставил его на плиту.

– О-о-о! Какой ты сильный, Валера! – говорила Люся.

– Я же дрочу! – угрюмо отвечал Валера.

– А ты сегодня симпатично выглядишь! – не унималась повариха.

– Я же сдрочил!

Проектируемый жених был непробиваемый, и Люся стала разливать борщ. Можно было бы налить загодя серию тарелок, как их именовали помбуры – "шлюмок", но повариха наливала каждому индивидуально. Она вначале вглядывалась в претендента на миску борща, а потом заливала черпак месива. Кому гуще, кому жиже или меньше. Чем при таком решении руководствовалась, и какие выводы делала повариха – оставалось тайной. Но никто никогда не роптал. Все вкушали раствор содержимого консервных банок и местного кипятка, приправленного сухим луком. Усердно смешивали его во рту с серым "пропускаемым" хлебом. Раф, несмотря на обильное угощение при встрече его после прилёта, смог съесть весь набор обеда, включая водянистый компот. Пища была малокалорийная. Недостаток калорий работяги, как и везде – в армии, на зоне – дополняли хлебом. Чего не хватало организму для поднятия тяжестей, дополнялось этим русским национальным продуктом. Его съедали более всего в мире на душу населения, не потому, что это

национальный обычай. Съедали много оттого, что больше было съесть нечего.

От переедания Рафа поклонило в сон. На вахту ему идти было в ночь, и он свалился спать на своей койке у входа. Проспал до ужина, на который его разбудили его новые товарищи, которые всё это время хлестались в карты, поэтому шума от них было немного. На ужин был уже другой суп, из вермишели с тушёнкой. Из приправ плавал даже лавровый лист. На второе давали уже не макароны, а рожки, всё с той же тушёнкой, только вместо компота был чай. Этакое бурое тёплое пойло, сладкое на вкус. Но все пили этот "чай", как обязательку.

Одевались все молча в своих вагончиках, нещадно куря при этом акте, делая большие перерывы, даже между одеванием каждого сапога. Настроение было у всех как будто шли на каторгу. По правилам спецовка должна была сушиться в отдельном вагончике, так называемой сушилке. Но никто этих правил не соблюдал и каждый хранил свою промокшую робу в тамбуре вагончика, где он спал. От этого соседства запахи стояли непомерные. Ведь в раствор вводятся разные химреагенты, в большинстве своём ядовитые. Двадцать процентов нефти в составе раствора, тоже не придавали благородности запаху от спецовки. Раф оделся раньше всех. Непривычно перебирая ногами от ещё не разношенных брезентовых штанов, явился на глаза бурмастеру, который ожидал его уже в бурдомике. Спал Фархад в смежной половинке вагончика, в котором находился вахтовый журнал и рация. Всё это в комплекте назывался: бурдомик. Раф в этом весьма специализированном помещении вдруг почувствовал себя хозяином, но не удивился этому чувству.

Глава 8

Тем временем Павел Иванович, Герой Социалистического Труда, вёл беседу с начальником Печорской экспедиции. Разговор был очень тяжёлым для обеих сторон. Начальник экспедиции в эндшпиле разговора после своих хвалебных речей в сторону Павла Ивановича, начал снижать пафос своего восхищения. В самой глубине души он страшно завидовал звёздочке собеседника. Он внутренним чутьём глубоко осознавал, что ему уже никогда не стать обладателем столь высокого звания. Для получения звёздочки надо было быть на уровне первичного звена – бурмастером или прорабом. Дальше по иерархической лестнице реальные соискатели находились уже на недостижимых высотах, примерно возле Генсека. Всё остальное, промежуточное поле, все руководители предприятий и организаций находились в положении козлов отпущения. Планы, выдаваемые партией, никогда не выполнялись, а если кто и вытягивал план с перевесом на полпроцента, да и то с помощью приписок, то по состоянию, допустим, техники безопасности, директор всё равно был в загоне. И что парадоксально, с другой стороны, в целом страна план пятилетки перевыполняла на триста процентов! В этом месте арифметика переходила в область неточных наук, но какой-нибудь академик мог запросто огрести Государственную премию! Начальник экспедиции проводил беседу с Пал Ивановичем примерно в таком ключе, если воспроизвести её тезисно:

– Мы всегда внимательно следили за Вашими трудовыми подвигами! На Вашем примере мы воспитывали всю нашу молодёжь! – и так далее... затем следовало, – но Ваши семейные неурядицы имели несколько странный резонанс...

Начальнику экспедиции кандидатуру Павла Ивановича подвесили звонком из Москвы, рекомендовали взять на работу. Теперь он изворачивался в попытках не ставить именитого бурмастера в ходовую бригаду, чтобы ретивый Пал Иванович не пошатнул его авторитет. Начальник экспедиции за своё кресло побаивался. Сам он был "из выдвиненцев". Его в какое-то время перевели на нынешнюю должность из обкома партии. Как персону, не уместившуюся в формат партийной элиты. Однако в формат производственников он тоже не очень чтобы вписывался, и теперь он

ревниво охранял свои позиции. Он пытался вывести разговор так, чтобы Пал Иванович сам согласился на почётную должность какого-либо инспектора, общественного деятеля.

– Постой, постой! – намеренно делал ошибку и называл на "ты" начальника экспедиции Пал Иванович. – Развод с женой был потом, после моего ухода из экспедиции!

– Ну, это дело не меняет, – дипломатично установил свои правила начальник. С этими словами он нажал кнопку звонка под столешницей письменного стола, чем вызвал начальника парткома, парторга. Тот вошёл вроде как невзначай и включился в течение разговора:

– В первую голову – моральная чистота члена партии! Кристальная чистота, я бы сказал.

– Позвольте, позвольте! Но ведь я аморальных поступков с женщинами не совершал!

После всех выпитых денатуратов Пал Иванович он моральных действий, даже со своей законной женой, не совершал. Отчего ему от обвинений было вдвойне обидно!

– Вот-вот! – привычно подхватил парторг. Был он человек недалёкий, поэтому алогичный. Это дурное качество здорово помогало ему в карьерном росте. Хотя он этого не знал, но, вся жизнь состоит из парадоксов. – И это, я всегда обращаю внимание товарищей, что партия учит нас быть кристально чистыми, тем самым давая пример комсомольцам и беспартийной молодёжи!

Пал Иванович оглядывался ошарашенно. Он был с утра не опохмелён, голова совсем не соображала и гудела, как жбан, он про себя думал: "Неужели они раскопали мою связь с лаборанткой-коллектором, когда я ещё был бурильщиком?! Да-а-а, от партии ничего не утаишь!"

Начальник экспедиции давно знал, что общие слова, из которых состоят все речи парторга, можно каждому слушателю интерпретировать индивидуально. Оттого все тезисы, произнесённые им, всегда порождали бурю эмоций аудитории. Сам же начальник был уверен, что все эти предложения летят изо рта парторга совершенно вне связи с мыслями. Связи у него между речевым

аппаратом и мозгом, возможно, вообще не существовало. По его глубокому убеждению, интеллект всех парторгов был соизмерим с кошачьим. Начальник умело пользовался "озвучкой" парторга. Он вовремя нажимал кнопку, парторг сразу же, как бы невзначай, впархивал в кабинет. Даже не ведая темы разговора, он выкрикивал слоганы и замолкал. Потом начальник толковал сказанные лозунги как ему выгодно. Получался у них складный тандем. Они очень дорожили друг другом и ценили свою связку. Каждый имел от такого симбиоза свою личную выгоду, и это каждый понимал, начальник экспедиции – разумом, а парторг – чувствами. Оба были весьма довольны существующим положением, по крайней мере, сбоев в системе у них не было. Пал Иванович, подавленный натиском "пуш-пульной" системы молчал, как первоклассник, не выучивший урок и вдобавок разбивший стекло.

– В вашем положении, – развивал успех начальник, – я бы так согласился с нашим предложением!

– А в чём ваше предложение?

– Сейчас у нас при экспедиции будет организовываться учебный комбинат, а при комбинате поставим учебную буровую установку. Вы, Павел Иванович, будете на ней буровым мастером. Учить, так сказать, подрастающее поколение!

– А пока учебную буровую не поставили, чем я буду заниматься?

В положении Павла Ивановича, люди, когда на них "нагонят жути", уже думают не о проблеме, как занять положение получше, а их мысли уже скачут: "Лишь бы вообще взяли!"

– Ну-у-у... – затянул волынку начальник, он ещё не придумал задания жертве. Вернее, он не ожидал столь лёгкой победы, не учтя абстинентного синдрома противника, – пока будете следить за проектом. Осуществлять надзор... – И пошли другие общие, как в такой ситуации бывает, слова. Эстафетную палочку подхватил парторг:

– Мы со своей стороны будем всячески помогать вам во всех начинаниях. Ведь вы приступаете к великому делу, к процессу подготовки кузницы кадров для нашей промышленности!

Парторг плохо понимал значения фраз, вылетающих из его горла. Его стиль общения с человечеством напоминал новый метод обучения иностранному языку. Когда ученик заучивает, как мелодию, отдельные фразы из разговорной речи, потом их выкрикивает, узрев слово-маркер. При этом ни бельмеса не понимает смысла им сказанного, только руководствуясь инстинктом, следя за интонациями. Как и парторг, который чёрта лысого не понимал ни в бурении, ни в геологии, так знатоки языков заявляют: "Я знаю четыре языка!" Как они его знать могут, если на родном своём языке, кроме принципов шопинга и просиживания штанов в ночном баре, более ни в каких категориях ничего не ведают! Так и парторг. Он где-нибудь на отдыхе делал пафосное заявление:

– Я работаю руководителем в поисковой разведке на нефть, в геологии!

Но, с другой стороны, такая тупизна парторгов была полезна для партии и безопасности государства в целом. Ведь время от времени в экспедицию приходили секретные письма ЦК. Узкому кругу посвящённых партийцев эти письма зачитывали. В них дозировано сообщались разные происшествия и коллизии в государстве. И если в народе возникали какие-либо панические слухи, партийцы должны были правильно трактовать те или иные события, демпфировать слухи. Однако сам парторг ни шиша в жизни и геополитике не понимал, поэтому опасности утечки смысла секретных писем от него не исходило. Главная задача парторга была обеспечить собираемость взносов. В этом месте коммунистическая партия слямзила устройство организации у разгромленной ими же церкви. Партия как бы заместила религию. Если истинно верующий отдавал на церковь "десятину", то партиец отдавал так же. Всё другое из атрибутики позаимствовали так же бессовестно. Позолоту, пожмотившись, поменяли на жёлто-красные тона, в агитационных плакатах. Вместо икон соорудили портреты членов ЦК. Коммунисты с самого начала знали о недолговечности своего государственного строя, У творца государства Ленина в одной работе есть утверждение: "Социализм просуществует недолго, он будет заменен на другой, более прогрессивный строй..."

Поэтому коммунисты не тратили, как попы, сусального золота. Они заменили его на жёлто-красную гуашь на картоне. Вместо крестного хода устраивали демонстрации. Жестоко эксплуатировали страсть людей к конформизму. Ну, а Моральный кодекс строителей коммунизма, был просто развёрнутый комментарий заповедей. Парторг, помня главную свою задачу, попросил Пал Ивановича:

– Завтра ко мне зайдите встать на учёт, для уплаты членских взносов!

Пал Иванович пообещал, что с утра непременно исполнит завет парторга, распрощался и поспешил на процедуру по снятию стресса. Он весь промок от похмельного пота, который просто ручьём лил у него между лопаток. Прецедент, что он с утра не опохмелился, он хотел использовать для осуществления идеи бросить пить". Только лишь после такого катаклизма с определением в трудоустройстве он стал сомневаться в этой идее. Пить он решил бросить по причине, что по ночам к нему являлись мысли, которые утром в его голове стояли как чётко сформированная идея, решение. Он многие факты чётко знал заранее, предвидел их. Даже это мытарство с трудоустройством он уже знал заранее. Знал всё течение и исход разговора. Этот факт он процентов на десять относил на последствие длительного запоя. Но предшествовало этому одно замечательное событие. День назад шёл он поздним вечером из магазина с заветной водочкой в кармане. Вдруг на ночном небе он увидел яркое свечение в полнеба, лунного цвета. Свечение являло вид параболы, дугой обращённой на северо-восток. В ядре параболы находился яркий светящийся шар желтоватого оттенка. Сказать о размерах шара было очень трудно, невозможно, так как расстояние до него было нельзя оценить. С уверенностью можно было лишь сказать, что шар гораздо, многократно больше самолёта. Пал Иванович был уверен, что шар точно такого же цвета, как тот, что он видел при ударе молнии на буровой. Полёт его происходил где-то на границе тропосферы и стратосферы, то есть на высоте около пятнадцати километров. Светящаяся парабола занимала четверть неба, но сама парабола была только свечением. Материален, возможно, был лишь шар. Всё это действие происходило бесшумно, но двигался шар очень быстро. Вначале, как показалось, с лёгким щелчком исчезло свечение. Затем, возможно через минуту, и шар исчез. Пал Ивановича охватила

оторопь. Он примчался в гостиницу и стал рассказывать всем встречным, знакомым и незнакомым людям о своём видении. Люди, большей частью про себя, думали: "Допился до "луриков", – вслух же говорили:

– Да это вояки свои ракеты запускают. Здесь, по меркам Севера, Плесецк недалеко. Вот вояки и пуляют оттуда. Испытания идут, учения.

– А вы сами видели это свечение?

– Нет, не видел! – был у всех одинаковый ответ.

Потом много дней подряд Пал Иванович спрашивал про факт свечения в это время. Большинство говорили:

– Да. Я в это время был на улице, но ничего не видел!

Ни одного человека, видевшего свечение Пал Иванович не нашёл.

Он в одночасье опомнился и не стал больше распространяться на эту тему.

– Возможно, - думал он, – здесь народец никогда, ни в чём не признаётся. Может и видели, но ни за что не скажут. Обычай, особенность здешнего населения такая!

После этого видения, в очевидности которого Пал Иванович не имел никакого сомнения, к нему в голову стали приходить разные мысли. Проснётся он утром, вроде бы сна не помнит, а мысль в голове засела. Вот и сегодня утром он был уверен, что начальник экспедиции объедет его на пьяной козе, как пить дать, поэтому при собеседовании он сильно и не сопротивлялся. Ему все эти обыденные события были глубоко безразличны. Важнее всего было прозрение, что это тот самый шар, который он видел во время удара молнией! Что шар намеренно проявил себя, чтобы напомнить, что факт его появления тогда, вблизи, не случаен. У Павла Ивановича отчего-то была уверенность, что его предназначение в жизни теперь, когда он увидел шар – совсем другое! Ведь бурить скважины очень просто. Это обыкновенное ремесло. Как хомуты шить, или сено косить. А его предназначение в жизни – Знать! Чего знать, он ещё будет оповещён. Пал Иванович был уверен в своём умозаключении. И своим назначением был доволен. Должность не хлопотная, а заработная

плата – почти такая же, как если бы он бурил скважину. Там только премия бывает, если план выполнишь. Но, чаще её не бывает, снимают приказом ни за что! Геморрой от этого бурения, что никакой премии не захочешь!

Так думал он, потихонечку опустошая заветную бутылочку. План проверить посещение мыслей после сна – это результат пьянства или от видения шара, сегодня не удалось:

– Ничего, – думал Пал Иванович, – Вот убежусь, как следует, в присутствии эффекта, а потом проверю. Методом исключения пьянства.

Но наутро продолжить эксперимент с исключением фактора вновь надолго не удалось. Ретивый парторг для закрепления успеха, чтобы Пал Иванович не посмел в обком пожаловаться, что ему не дают ставить дальнейшие рекорды по бурению, сообщил его жене местопребывание Героя Соцтруда. Жена примчалась опрометью. В момент развода она сгоряча не оценила обстановки. Не поняла, что с избавлением от пьяницы-мужа, она навсегда лишается объекта третирования! Пока он жил неподалеку, но в этом же городе, она была спокойна от вероятности, что может объявиться к нему и устроить раскордаж:

– Вот только сил наберусь! – который месяц думала она. А здесь он исчез, и не сказал, куда. Ещё ко всему пришло письмо от сына, а потом он ещё позвонил:

– Мама, я женюсь на девушке из приличной семьи. Надо, чтобы на свадьбе я выглядел прилично. Приезжай с папой. Пусть они думают, что я из полной семьи!

На такие вояжи, пусть даже без папы, без полной семьи, нужны были деньги не малые. А тут этот подонок пропал! Деньги, что остались у жены после развода, были безжалостно потрачены на лечение от болезней, развившихся на нервной почве, после развода "с этим подонком".

Как только прошёл звонок от парторга, жена сразу кинулась в погоню! Она летела первым самолётом, как коршун, завидевший одинокого цыплёнка в чистом поле. Пал Ивановичу повезло, вернее, жена сама выдала себя воплем, который лился из сборно-щитового

барака, а Пал Иванович мирно шёл с очередной заветной бутылочкой в кармане. Узнал он жену не по тембру голоса, как подобает долго вместе прожившим людям, а по словарю воплей:

– ...Проститутки кусок! Бл...дь пожизненная! Я ему всю молодость отдала! Сука семитаборная! Подонок!..

Поток эпитетов не ослабевал. Видавшая виды комендантша пугливо забила в угол. Она безропотно открыла обитель Павла Иваныча контрольным ключом и теперь наблюдала, как разъяренная фурия ставила на уши пожитки её нового жильца. В глубине души комендантша была уверена, что тот, видимо, выкрал фамильные драгоценности, как минимум, которые фурия унаследовала от своего графа-дедушки. Ей в голову не приходило, что столь прилично одетая матрона берёт трофеи, складывающиеся, в основном, из свитеров и пиджаков Пал Ивановича. Если это был залог, который планировалось обменять на средства для свадьбы, то непонятен был ход, когда жена, долго примерявшаяся к зимнему пальто, которое для перевозки в самолёте было несколько объёмное, вдруг схватила кухонный нож и отрезала цигейковый воротник, пройдя разрезом прямо по ткани спинки пальто! Это был заключительный удар! Это напоминало акт снятия скальпа. Жена даже не стала упаковывать отрезанный трофейный воротник в свою дорожную сумку. Потряхивая овчинным мехом, зажатым концом в кулаке, как индеец трясёт волосами оскальпированного бледнолицего, она не выключала саунд ни на минуту. Так же вопя алогичные угрозы, она победно прошла мимо ошеломлённых зрителей к ожидавшему её такси, обещав ещё вернуться. Спас Павла Иваныча счётчик такси. Жене очень жаль было денег, которые, она считала, тратились на негодея посредством счётчика. Из всех обвинительных тезисов близким к справедливому Пал Иванович считал только заявление:

– Дрожишь за свою красную книжечку!

Он действительно очень боялся потерять партбилет, находясь в состоянии пьяной отключки. Проснувшись, он первым делом проверял наличие партбилета, нащупывая его в кармане. Хранил он его всегда при себе, на теле, как приписывала инструкция. Потерять партбилет он боялся многократно более чем Золотую Звезду Героя. Звезду ему дали, вроде как за бесплатно. А как истинный коммунист,

он не осознавал, что она имеет товарную стоимость. За партбилет он каждый месяц платил сумму, за которую на материке многие люди работают по восемь часов в день. Пал Иванович, как каждый плательщик любой организации, в уме и на бумажке, время от времени подсчитывал: "Сколько я уже уплатил взносов?" Как и каждый, он ожидал, что от такого накопления он получит когда-нибудь какие-то блага. Но партторги наклеивали только обязанности. Партийцы не знали, что их отчисления уходят на организацию новых партий у папуасов. Допустим, организовали партию в Египте. Потом, когда поток денег поубавился, всех членов партии расстреляли. Выходит, деньги Пал Иваныча пошли на удобрение скудной почвы Египта. А ему хотелось блага для себя. Он хотел домик в средней полосе, чтобы гнать самогон под вишней и воспитывать внуков. Воспитывать и убеждать их, что, выпив спиртного, ты берёшь у жизни в долг радость, а потом расплачиваешься с похмелья. Расплачиваешься горько! Как за банковский кредит, с большой лихвой!

Пал Иванович был человек весьма не глупый. Он трезво осознавал, что сформированные мысли, которые дозированно, с некоторых пор, стали поступать ему в голову каждое утро – это дар божий! Использовать его в личных целях, как человеку воспитанным коммунистическим режимом, ему не приходило в голову даже мелкой искрой. Он был уверен, что свой дар он должен без остатка потратить на процветание своего народа. Для этого ему пришлось покинуть насиженное место, где его глубоко почитали окружающие его люди. И переехать в поисковую разведочную геологию. Но решение партторга и начальника экспедиции срубили все его планы, как шашка лозу. Атака жены его уже не занимала. Он думал, как исправить положение и участвовать в поиске нефти, чтобы применить свой дар видеть, где существуют залежи чёрного золота. Он всерьёз стал обдумывать вероятность поступления в геологический университет, что бы стать геологом и влиять на заложения точек бурения. Со своего положения начальника несуществующей учебной буровой он повлиять ни на какие процессы поиска нефти не мог. Для очистки совести он сходил в контору экспедиции. Посетил производственный отдел. Там было очень тесно от столов, поставленных впритык друг к другу. Все, как всегда, были заняты отчётами и только отчётами. Ни о

каком производстве речи не шло. В техническом отделе было то же самое: составляли отчеты о "набеге" бурильных труб, канатов и прочего оборудования. Всё это шло в вышестоящую инстанцию, где отчёты обобщали и посылали дальше, в ещё вышестоящую. В этом был принцип социализма. Принцип был один: "Если ты правильно отчитался, то всё подотчётное можешь пропить, закопать, утопить и всё, что душе захочется!" Главной задачей было освоить выделенные средства, а то на следующий год дадут меньше. А твою деятельность посчитают неэффективной в целом. И освоить средства надо при наименьшей численности людей!

Пал Иванович посмыкался по кабинетам. Посетил главного инженера. Тот посулил ему кабинет, как только построим новое здание. На месте нового здания ещё конь не валялся, но средства на его возведение уже почти освоили. А пока главный сказал:

– Теснотища, плюнуть некуда!

Главный инженер явно намекал, что разместить Павла Ивановича, даже хотя бы дать место за столом, не удастся. Разговоры вести о бурении главный тоже явно не хотел. Очевидно, у него были свои взгляды на проблемы увеличения скорости проходки, и делиться ими он не желал. Он был молод и, конечно, амбициозен. Чужой опыт был ему не нужен. Опытных людей, которые считают, что они уже достаточно высосали опыта из старичков, он считал балластом. Причём, балластом вредным, с ними приходится делиться лаврами и авторитетом. Шишки же на них повесить трудно. Удобнее было валить шишки на молодых козлов отпущения. Главный инженер стал инсценировать занятость, куда-то засобиравшись и Пал Иванович покинул его кабинет, окончательно поняв, что он в этом мирке никому не нужен. Сформулировать для себя он не мог, но подспудно осознавал, что он выпал из обоймы и вернуться, или тем паче попасть в новую, ему будет почти невозможно. Он уже не разграничивал, пришла ли эта мысль ему в голову вследствие чудесного дара, или он сам её родил, но он ясно понимал, что положение его патовое. Пропагандировать свой дар в существующем положении он не может, есть даже угроза, что, ведя разговоры "о предвидении" в дурдом можно угодить. Изменить своё положение в обществе он был не в силах. В его дальнейшей жизни стал ясно виден тупик. В таком

положении рано или поздно оказываются все специалисты, а, впрочем, и неспециалисты...

Все специалисты рано или поздно оказываются в положении гастарбайтера. Когда он в определённой фазе нужен на объекте, ему создают все условия и почёт. Когда строительство объекта закончится, и гастарбайтер захочет привести на экскурсию, к примеру, сына, его даже на порог не пустят! У одних это наступает раньше, у некоторых позже, это как климакс у женщин. Так же некоторые всю жизнь в девицах остаются, не став специалистом. Пал Ивановичу нестерпимо тяжело было чувствовать это. Он говорил сам себе: "Загнанных лошадей пристреливают!"

Он не мог, впрочем, анализировать – пьянство раньше пришло или профнепригодность. Ему всё больше казалось, что выпивает он лишнего по той причине, что его таланту не дают раскрыться. Всех специалистов он уже считал выскочками и дилетантами. Если и вспоминал, что у кого-то был талант в поиске нефти, то тот давно и безвременно умер. Друзей в новой экспедиции он тоже не мог обрести. Даже собутыльников. Парторг умело, как мастер интриги, распустил слух о нём, что он "агент Москвы", призван следить за всеми и докладывать наверх. Простые специалисты никакой тайны, конечно же, не знали, где этот самый "верх" – не ведали. Однако на всякий случай опасались, что новый бурмастер учебной буровой разузнает, допустим, что три года назад были зарыты в грунт три тонны испорченных химреагентов. Или что кто-то сделал приписку, а потом расхлёбывался в течение квартала. Да мало ли у кого каких грешков! Страх у людей был на генетическом уровне, переданный с молоком матери. Которые в сталинские времена страшились, что НКВД о чём-либо дознается, и как говорил в нотациях отец: "Уведут за горизонт!" Что обозначало – исчезнуть в концентрационных лагерях. Этот страх уже покидал людей лишь сугубо селективно. Работяги, да и полуначальники, уже воровали всюду на заводах и стройках инструмент и гвозди. Но сказать вслух, что большевики зае...али уже бескормницей, очень боялись.

Более того, как-то Пал Иванович ехал в рейсовом автобусе между посёлками Коми в южной части республики. Между рядами стоя ехал очень худой мужчина в новой арестантской робе чёрного цвета. Спутник сказал:

– Это политзаключенный. Освободился со строгого режима недавно, без права выезда за пределы района. Никто на работу не берёт!

– А чего не берут? – удивился Пал Иванович, - Ведь рабсилы не хватает!

– Боролся с Советской властью, оттого и не берут!

Пал Иванович почти физически чувствовал, что все пассажиры автобуса органически ненавидят политического. Эффекты общества необъяснимы. Например, заложница всегда влюбляется в своего захватчика-террориста. Когда спецназ преступника этого убивает, в процессе спецоперации, освобождённая пленница ненавидит весь спецназ и горячо горюет об убиенном. Возможно, этот эффект идёт от диких людей, которые воровали свою невесту, а потом она жила с похитителем всю жизнь. Это ещё как-то понятно. А вот чего вдруг геологи и бывшие заключённые все вместе ненавидели в автобусе политзаключенного – необъяснимо!

За такой философией Пал Иванович сходил за очередной бутылочкой "воркутинской". "Надо же назначение обмыть! Пусть плохонькое, но назначение!" – думал он, шагая в магазинчик, что неподалеку от его общежития. Закуски он почти не брал, в столовую не ходил. Пустые бутылки выносил и выкидывал в сортир, который располагался в дощатом строении и являл самый примитивный тип данных сооружений. Ходил он только "отлить". Еду он не потреблял, и жил почти только на калориях, которые содержались в водке. Ещё он в магазине брал папиросы "Беломорканал". Этикетка этих папирос напоминала, что часто употребляемое название сидельцев – зэк, есть аббревиатура "заключенный каналокопатель". Папиросы прославляли труд сотен тысяч людей, строивших канал. А главное, ежечасно напоминали курильщику, куда он попадёт, если не будет лоялен власти! Глядя на эту этикетку, Пал Иванович вдохновлялся:

– Да, наша судьба более удачливая!

Глава 9

Раф переступил порог бурдомика и сразу подвергся атаке Фархада с вопросами:

– А щиво тебя так странно кличут – Раф?. – повариха уже посетила Фархада, принесла ему ужин, и обсудила вновь прибывшего бурильщика. – По документам вроде как не Раф? Ты щасом не башкирин?

Бурмастер явно искал в новом бурильщике земляка. – Да, так... Кличка такая с университета привязалась.

– Ну, ладно. Я тебя тоже буду называть Рафаил. Мне будет приятно. Можно?

– Да называйте как вам удобно, я привык, что Рафом зовут.

Бурмастер при разговоре с ним не стал вдаваться в сложные технологические тонкости своей бригады, бурящей скважины. Сам он тоже в эту проблему старался не очень вникать. Он сам был на этой скважине новенький. Принял её с забоем две тысячи метров, вёл деятельность полгода, а забой так и оставался две тысячи. Два раза трубы обрывались и эту оборванную часть извлечь Фархад не смог. Поднимались выше по стволу скважины и забуривали новый ствол. На глубине две двести метров утяжелённая нижняя часть бурильных труб вновь обрывалась, и Фархад начинал бурение в третий раз, один и тот же интервал. Чтобы исполнить завет "в доме повешенного не говорят о верёвке", Фархад умолчал в начавшемся с Рафом инструктаже обо всех этих коллизиях. Думая, как все сильно озабоченные какой-то проблемой люди, что эту главную проблему все наизусть знают! Перескакивая через все вводные предложения, он кратко порекомендовал:

– Первый помощник, Нахимов, у тебя щеловек опытный. Он всё расскажет. Сам он бурильщик, но работает первым помощником бурильщика, всегда.

– А чего же он бурильщиком не работает?

– Щёрт его знает. Давно, говорят, выучился на бурильщика. Курсы хорошие закончил, годичные. Но не идёт в бурильщики. То ли

зрение у него ненадёжное. То ли характер не тот, не упрямый. А так мужик вроде бы здоровый, да и крепкий по натуре.

– Ладно, там разберёмся!

Раф взял с гвоздика на стене круглую суточную диаграмму, заполнил в центре дату и поставил подпись. Такую диаграмму заполняют ежесуточно. На ней самописец пишет, что делалось на буровой. Пишет круглосуточно. За достоверность графика отвечает бурильщик, о чём он ставит свою подпись. Когда Раф поднялся по мосткам на рабочую площадку внутри вышки, смена вахты шла полным ходом. Комичность этих смен в том, что при стоимости комплекта оборудования несколько миллионов долларов (и примерно столько же стоит скважина), скандал при перевахтовке идет только о таких вещах:

– Куда дели лом?

С такой же интенсивностью идентифицируют наличие помбурских крючков. Крючок – это универсальная вещь. Крючком таскают то, что может отбить руки, если браться прямым контактом, без крючка. Отдельный разговор о кувалде. Кувалда на буровой может быть только одна. Это закон! Её таскают из насосного помещения на рабочую площадку и обратно. Если какой-то неопытный бурмастер пожалеет помбуров и выдаст вторую кувалду, пропадут сразу обе! Этот феномен называется "закон двух кувалд". Для всех не тайна, что весь этот нехитрый инструмент воруют проезжие водители и тягачисты. Они приходят на буровую, хитро разыгрывая любопытство и восхищение. Простоватые помбуры начинают проводить мини-экскурсию. Те, когда бурильщик окликнет не в меру разошедшихся помбуров, утаскивают лом. Такое повышенное внимание при передаче вахты к ручному инструменту родилось не от недотумканности помбуров. Родилось это внимание по той причине, что если кувалда или лом упадут в скважину – это считается аварией! Этот вроде небольшой предмет попадает под долото, и крутится по забою, не давая зубьям долота достать до породы. Проходка падает до нуля. Если же предмет перемещается выше по стволу скважины, то он может заклинить трубы при подъёме. Раф стал знакомиться с членами своей вахты. Он просто представился кратко и отозвал в сторону Нахимова. Определил он его

по уверенному взгляду и более опрятной одежде, чем у других помбуров. С ним познакомился с пожатием рук и спросил:

– Где бурильщик предыдущей вахты?

– Он пошёл смотреть уровень бурового раствора. Нам тоже не мешает проверить. Прошлую вахту они не готовили раствор, уровень в приёмных емкостях упал, и нам пришлось горбатиться за всех!

– А имя-то у тебя какое? – поинтересовался Раф.
– Володя. Но все зовут Нахим. Ты тоже зови Нахим, я привык. В это время вдоль желобов, по которым течёт из скважины в

емкости раствор, подошёл бурильщик предыдущей смены и, не тратя много времени на церемонии, заявил:

– Уровень раствора – норма! А то вчера твои бучу подняли, что мы им сухие емкости сдали. Сами упустили через сито в шламовый амбар, а на нас свалили!

Раф по фразе "твои..." понял, что рабочий процесс пошёл. Как и на всех буровых, каждая вахта старалась выглядеть успешнее другой. Это был нормальный процесс эволюции и прогресса. Он вдаваться в детали не стал, спросил основное:

– Что там по скважине?

– Сверху труба, заход квадрата шесть метров. Забой я посчитаю, запишу в вахтовом журнале. Сейчас стою на промывке. Турбина не работает. Проходка упала до нуля. Хочешь – попробуй. Но я бы пошёл на подъём.

Раф не стал испытывать терпение уставшего человека и отпустил его отдыхать. Стали готовиться к подъёму труб. Пробовать запустить турбины в незнакомых условиях Раф не стал пытаться. Процесс подъёма – один из наиболее трудоёмких процессов в бурении. Он не столь тяжёлый, сколько нудный морально. От забоя лебёдка тянет трубы медленно. Да и бурильщик не рискует, не стремится увеличить скорость подъёма. Можно "затянуть" прихват става поднимаемых труб. При отвороте очередных труб, собранных в тридцатисантиметровые свечи, происходит сифон – это такое мощное разбрызгивание раствора из-под резьбы. Ещё одна моральная трудность: когда спускаешь трубы в скважину, то знаешь, что предстоит после этого цикла – бурение. Поэтому, спуск – процедура

радостная, полная положительных эмоций. А за подъёмом все знают, что спуск неизбежен. Тем не менее, все эти все спуско-подъёмные операции несут большую физическую нагрузку. Свеча весит до полутора тонн, нижние помбуры тянут её на подсвечник крючьями, а верхние помбуры, или верховые, затягивают трубу верёвками за палец устройства по удержанию поднятых труб. Поднятые трубы, например, пять тысяч метров, стоят внутри буровой, как карандаши в карандашнице. Раф начал осторожно подъём на второй передаче, на средних оборотах дизелей. Крюко-блок шёл медленно, и он вёл ознакомительный разговор с Нахимом:

– Почему бурите турбиной? Назад в прошлую пятилетку подались?

Прошлая пятилетка была полна многократными опытами по бурению с помощью забойной турбины. Опыты проводились по указанию партии. Как Хрущёв приказывал сажать кукурузу, так заставляли бурить турбобуром и алмазным долотом.

– Так там же в стволе сидят оборванные утяжелённые трубы! Два става по двести метров. Прошлый раз, когда крутили ротором, первый став выпал в новый ствол и заклинил наши бурильные трубы. Вот и оборвали во второй раз. Теперь прислали решение бурить турбиной, чтобы не тревожить те похороненные тяжёлые низа. При бурении ротором трубы колотят при вращении по голове оборванных низов и выбивают их, с места, где они покоятся.

– Понятно, – с полуслова понял Раф. – Отворачивать "на удар" будем?

– А мы всегда так отворачиваем!

Этот приём отворота труб был повсеместно запрещён. Производился он так: все трубы в скважине вращали с помощью ротора, а затем первый помощник закрывал на ходу машинный ключ на верхней муфте на отворачиваемой трубе. Хвостовик ключа был привязан канатом к ноге вышки. При захвате ключом муфты происходил удар, и верхняя свеча отворачивалась. Опасность была в том, что если канат рвался, то хвостовик ключа описывал окружности, и помбура убивало насмерть. Случаев, чтобы кто-то выжил, история не знает. Отворот и заворот положено было делать пневматическим ключом, но они всегда были сильно изношены,

плохо работали. Компрессоры были старые, воздуха в системе не хватало. Все всегда били "на удар".

Подъём шёл медленно, но без остановок. Раф внимательно следил за индикаторами веса, опасаясь затяжек. Стрелки вольно гуляли по циферблатам, без тревожных рывков. Вскоре Раф перешёл на третью передачу. Дело пошло веселее и через три часа из отверстия ротора пошло толстое тело турбобура. Диаметр турбины был четверть метра. Вся она в сборе была чертовски тяжела, и, промучившись с ней часа два, все её секции наконец-то выбросили на мостки с целью замены. Теперь предстояло всё произвести в обратном порядке. Слегка подчифирив, все дружно ломачами выкатили со стеллажей новые секции турбины. Раф, демонстрируя свою компетентность, замерил вылеты валов секций турбобура. Вылеты должны соответствовать установленным величинам, тогда секции правильно сопрягутся, и турбина заработает в нормальном режиме. Когда чифирили, Раф спросил как бы у всех:

– А что, бурмастер у вас на смену долота не приходит?

– Не-а! – дружно загомонили помбуры. – Только, козёл, по ночам шастает. "Луну водит". Всё следит, чтобы мы не спали во время бурения. Если кого заметит прикемарившим, столько хозработ надаёт, что к концу вахты вся ж...па в мыле!

– А вы при нём на буровой не курите?

– При бурмастере ни на какой буровой не курят, даже если бухают вместе с ним. Такой порядок!

– Я знаю. Нахим, подбери долото, какой типоразмер у вас сейчас лучше проходку даёт.

– Надо наворачивать не то, что лучше проходку даёт, – мудро начал делиться мыслями Нахим, – а то, которое продержится с минимальным износом до нашей вахты. Нам, чтобы потом всю вахту бурить – мослать, а нашим сменщикам, чтобы подъём достался!

– Так некрасиво, тормозить общее дело, чтобы самим потом посачковать, – возразил Раф.

– Ну, давай будем честными, а потом сменщики будут передовиками по проходке, а мы будем чужие сранки подбирать! – загомонила вся вахта.

Раф не стал с первой вахты конфликтовать с товарищами по работе и согласился навернуть износостойкое, но малоэффективное по проходке долото. Он сознавал, что проявляет не мягкотелость, а становится заодно с трудягами, с которыми неизвестно сколько ещё времени предстоит работать вместе на этой опасной работе. Начался спуск. Свежее долото пошло на забой. По правилам. Раф был обязан включить гидротормоз. Но лихость бурильщика определяется по количеству свечей, которые он спустит на ручном торможении. Для такого подвига приходилось в конце разбега трубы подпрыгивать и животом падать на рукоятку тормоза. От такого приёма из-под тормозных колодок летел огонь и искры. Всех заводил такой темп, помбуры двигались бегом. Верховые кидали свечи на ходу в элеватор, не давая талевой системе остановиться, успевая безошибочно закрыть элеватор. От этого свечу с подсвечника срывало в бешеном темпе, и нижние помбуры едва успевали крючками удерживать её в направлении муфты соединения. Уже перед забоем включили гидротормоз. Существовала опасность засадить долото или тяжёлые низа в сужение свежепробуренного ствола скважины. Ствол, что считается удачей, оказался чистым. Допустили и последнюю трубу, навернули квадрат, пустили насосы, и Раф с проработкой пошёл на забой. При первом же касании забоя долотом по квадрату пошёл характерный рокот, что означало, что турбина работает.

– Задышала! – с облегчением сказал Нахим.

В случае если турбобур не заработает, после нескольких попыток приходится снова всё поднимать из скважины. Всю работу делать с начала и до конца! Дизелисты уже заварили чай. По общепринятой традиции Рафу принесли кружку с чаем и поставили на пульт пневматического ключа. Все попили крепкий чай. Нахим уже с самого запуска насосов был на своём месте, в насосном помещении. При бурении турбобуром давление в нагнетательной системе может достигать более двухсот атмосфер, что равно примерно давлению при взрыве авиационной бомбы, которое возникает внутри этой бомбы. Поэтому смотреть за насосами приходится непрерывно. Также дизелисты, не отвлекаясь, следят за дизелями, которые в таком режиме работают с перегрузкой, с полной подачей топлива. Третий помбур и верховые пошли готовить буровой раствор. Это была самая неприятная обязанность. В геологии раствор готовили из комовой

глины. Это была простая природная глина, вырытая экскаватором из местного карьера. Потому звалась она "глина местная". Большинство буровых растворов являются щелочными, поэтому для приготовления нескольких сотен кубов рабочего объёма в процессе приготовления в каждую очередную глиномешалку закидывали несколько больших кусков каустической соды. Это очень ядовитое вещество поставляли на буровую в четырехсоткилограммовом барабане, в котором сода была как единый вязкий кристалл. Помбуры откалывали кувалдой куски величиной с ведро на каждую порцию, осколки летели брызгами. Если даже крохотный кусочек попадал на кожу – оставался шрам. Никаких средств защиты никто почему-то не видел никогда. На глиномешалку ёмкостью четыре куба надо было втащить семь тачек комовой глины и кусок каустика. Летом эта работа была посильная, а зимой глина смерзалась в монолит. Три помбура за вахту одолевали только семь тачек этой глины. Рассказывают, как-то пришёл на буровую один молодой бурмастер, после института. Был он спортсмен, мастер спорта по какому-то виду спорта. Стал орать:

– Бездельники! Я один четырнадцать тачек нарублю!

Работяги быстро развели его на "слабо", и он, дурак, ринулся рубить глину в тридцатиградусный мороз. Парень он был сильный, всё же мастер спорта. Он в азарте скинул телогрейку и остался в одном свитере. Семь тачек он одолел в одиночку. Но свалился с воспалением лёгких и после излечения его перевели в контору на лёгкий труд.

Пока глиномешалка размешивала первую порцию раствора, верховой Вася побежал в жилые вагончики – кончился заварной чай и он помчался за новой пачкой. Между вагончиками была натянута верёвка для сушки белья. Повариха Люся каждый вечер вывешивала свои исподние трусы после стирки. Это был у неё такой рекламный ход для привлечения жениха-претендента. Её воображение единожды поразил комплиментами один мужчина, механик-инженер, который инсценировал, что пришёл свататься. Сам же он желал жестоко опохмелить свой организм, который из-за молодости требовал ещё и еды. Люся повелась на предложение, наготовила харчей на целый взвод. Оголодавший механик пожирал впрок яства и озвучивал процесс обжорства и возлияния водкой вдовы, выкриками:

– А какая хозяйка! А как готовит! А какая чистюля! Ну, смотри-ка, как всё чисто у неё! Ну, какая чистюля! А как вкусно готовит!

Комплимент с чистюлей особенно поразил душу поварихи, и её заклинило на стирке исподников. Этим действием она рассчитывала пленить основной косяк женихов. Труссы висели ровными рядами, разноцветные. Они напоминали морской праздник, когда на судах вывешены флаги-вымпелы. В этот раз палка-подпорка, возвышающаяся в рабочем положении верёвку-вешало, упала и "флаги" провисли на уровень головы среднего человека. Вася мчался в темноте и влетел лицом прямо в самую гущу трусов. Он суетливо выпутался из сырых трусов и, прибежав с чаем, сгоряча, впопыхах, не подумав, рассказал про инцидент товарищам. Те от скуки начали вить коварный прикол:

– Всё, Вася! Поймала Люся тебя в свои сети! Это такой способ приворожить мужика! Теперь ты будешь у неё как привязанный!

Вася был верховой не из пугливых, но прикалывания товарищей его здорово разозлили. Довели его шутками до белого каления. Его злость сконцентрировалась на Люсе и её трусах. На буровой существует большое ведро, в которой растворен в отработанном дизельном масле графитный порошок. Такая чересчур вязкая чёрная субстанция служит для смазывания резьбы бурильных труб. Мажут квачом, это такая самодельная кисть из растительной верёвочки-каболки на деревянной ручке, которая выполнена из обломка черенка лопаты. Вася, взведённый подначками помбуров и дизелистов, схватил это ведро, добежал до верёвки с трусами и аккуратно намазал каждое соединение между гачами трусов, этакий заветный треугольник, чёрной несмываемой смазкой. Все были чрезвычайно довольны. Вася стал героем и кумиром. Эти трусы, которые повариха вывешивала каждый день, да так, чтобы все с буровой видели, какая она чистюля, всем порядком надоели. Они закрывали пейзаж и всем напоминали об алиментах, которые платил почти каждый буровик. Эти алименты через панораму трусов напоминали помбурам, что из двенадцати часов вахты, которую он стоит в дождь и холод, девять часов для себя, а три часа – "за бывшую жену, бл...дь!". Некоторые стояли не за себя и больше часов из каждой вахты, это зависело от количества алиментов, которые у некоторых доходили до пятидесяти процентов, и сильно снижало производительность труда.

Повариха поднималась раньше всех, чтобы готовить завтрак. В сумерках она не разглядела всего вероломства ночной вахты. Когда она посеменила в жилой вагончик поправить макияж перед самым открытием столовой, она увидела чёрные треугольники на своих боевых флагах и зашлась в крике. Не переставая реветь, как теплоход на реке перед кривуном в туман, ворвалась в бурдомик. Фархад спросонья ничего понять не мог и только матерился, громче жертвы. Затем он членораздельно сказал единственное:

– Уё...ывай отсюда, я жду вертолёт!

– А-а-а! Вертолёт! – откликнулась Люся.

И помчалась быстро собираться в дорогу. Когда вертолёт был на подлёте, она сгребла с десятков трусов с верёвки. Не боясь при этом испачкаться в мазуте, сунула охалку в сумку и вспрыгнула в вертолёт. Через три часа она была в кабинете начальника экспедиции. Начальник экспедиции был человеком опытным в своей специфической работе и очень мудрый. У него была загадочная фамилия Готье, хотя в паспорте он писался "русский". Готье чётко осознавал, что вести расследование с этой гопой бывших уголовников дело абсолютно бесполезное. Только заработаешь себе комическую репутацию. Поэтому он предпринял неожиданный ход и в один миг перевёл Люсю в другую бригаду. Та, поняв, что в предыдущей она с замужеством потерпела безоговорочное фиаско, решила начать новую борьбу за счастье, с учётом прошлых промахов. Чтобы как-то наказать хулиганов, Готье послал поварихой к ним в бригаду пропившуюся старуху с подбазы. Час назад он был готов перевести её уборщицы за беспробудную пьянку в рабочее время, но тут бабке неслыханно повезло, и она была реабилитирована. Когда на буровой увидели новую повариху, то единодушно присвоили ей кличку "Баба Яга". Проговаривалось это на одном выдохе и звучало одним словом –Бабаяга. Эту кличку она снискала за крючковатый нос и седые пряди, сбившиеся от грязи в косицы, как у некоторых негров дрэглоки. У Бабяги дрэглоки свисали вдоль худых щёк, провалившихся в ямы от выпавших коренных зубов. Про свою нелёгкую судьбу она поведала всей аудитории в столовой на новом месте назначения, нещадно пыхтя "беломором" при монологе:

– Хотели разряда лишить, в уборщицы перевести. Хотели опустить, суки, на старости лет. Хотели получку уменьшить, пайку хотели урезать! Суки, падлы, пропадлы! – жаловалась она всем, на недавнюю попытку раскассировать её из поваров.

Своё чудесное избавление она относила не на случайное совпадение, а на свою законную фортуна и свою храбрость. Когда Готье велел идти ей в кадры и оформляться на уборщицу, она с порога обматерила его, добавив своё фирменное:

– Сучья лапа!

Как она понимала, своими распрямлёнными извилинами, Готье страшно испугался угроз. И вот она теперь здесь шеф-поваром, как в молодости!

– Мужики! - роптали чуть отошедшие от оторопи буровики, глядя на Бабуягу, прикуривавшую папиросы одну от другой, без перерывов, – Она нас только на "Беломоре" опустит в месяц на две сотни!

– Нищевое! – успокаивал публику Фархад. – Зато повар опытный, много блюд разных знает! – сочинял он дифирамбы, – Не будете впредь женщинам проссак отработкой мазать! Распоясались вконец! Хулиганье. – Добиваться, кто совершил проступок, Фархад даже не пытался. Расколоть здешнюю публику было делом бессмысленным.

Раф записал свою первую вахту в вахтовый журнал. Проходки было хоть и очень мало, но она была. Это радовало. Работа началась продуктивно. Раф не метил в начальники, не собирался делать карьеру, но и в отстающих тащиться тоже не собирался. Была у него природная гордость, которая толкала его в "первачи". Умылся он под колонкой. Пока было лето, воду качали из запруженного ручья. Лето в этих местах быстро идёт на убыль, вода из ручья шла уже очень холодная, но умыться удалось на славу. Буровики опять сели играть в карты на деньги. Долго зазывали Рафа, даже намекали, что он "не свой". Только он на такие дешёвые мультки не покупался и завалился спать – перед предыдущей вахтой выспался плохо, так как график сна трудно изменяется. Выкрики за картёжным столом были редкие и негромкие. Сказывалась конспирация, приобретённая на зоне. Засыпая, Раф думал:

– Что за люди? Книжки не читают, музыку не слушают, на гитаре не играют, бабами не интересуются, одежду не покупают, разнообразие еды их не интересует. Интересно только водку пить и в карты играть. Даже разряд себе повышать не хотят. Какой при поступлении на работу в кадрах дали, тот и сгодится! Допустим, воспоминания о любви у этой братии сводятся к тому, как на выходных бичиху хором поимели! Любовь признаётся почему-то только как "групповуха". Исключительно! Потом годами смакуют детали, кто за кем, каким номером шёл!

С этими мыслями Раф и заснул. Он видел какие-то сны. Проснувшись, содержания их абсолютно не помнил. Разбудили его на обед. Он не хотел идти, отказывался. Он хотел побыть один, так как после пробуждения его охватило полное ощущение, что с ним разговаривал Пал Иванович, хотя он готов был поклясться, что во сне он его не видел, как персонаж его снов Пал Иванович не проходил. Что говорил Пал Иванович, Раф тоже не мог воспроизвести. Лишь в нём утвердилась уверенность, Раф был убеждён, что Героем Социалистического Труда он больше становиться не хочет. Его душу и сознание полностью охватило желание найти месторождение нефти лично. Может даже не одно!

– Прицепится же, зараза. Наваждение какое-то, наверное, передаётся как вирус, через контакт! – подумал Раф и пошёл отведать, что заварганила новая повариха Бабаяга.

Бабаяга на кухне быстро освоилась, как и положено профессионалу. Она перемещалась от кухонной плиты к раздаче, и по всей кухне, порывисто. Всегда с вечно чадящим окурком во рту. Зубов у неё торчало в дёснах лишь пара штук на одну челюсть, да и то только спереди. Говорят, оттого, что зуб не встречает оппозитного сопротивления, он растёт, пока не упрётся в противоположную десну. Эта гипотеза у поварихи подтверждалась, поэтому реликтовые зубы у неё были неправдоподобной длины и цвета абрикосовой косточки, от табака. Кроме пепла, из её рта непрерывно вылетала присказка "сука-падла!", отчего диалог с очередным клиентом у неё был примерно таким:

– ...второе, сука-падла, пару хлеба. Пьёшь? Сука-падла!

Вопрос: "Пьёшь?" относился к тому, что будет брать клиент компот или нет. Бабаяга знала, что многие предпочитают после обеда уйти в вагончик и там попить чай. Но общение поварахи было пока незнакомо, и тормознутые помбуры отнесли вопрос к тому, что сильно пьющий он или нет? Поэтому некоторые, пока не врубались, пытались оправдываться...

Еда была сносная. Отсутствие старания повара компенсировалось отсутствием желания украсть из котла – у Бабаяги семьи не было, тушёнку ей таскать было некому. Поэтому харч был достаточно жирный. Раф ничего этого не замечал, молча съел макароны с тушёнкой, выпил водянистый несладкий компот. Если бы он был искушённый едок, он бы задался вопросом, почему компот без сахара? Самые же догадливые помбуры сразу догадались, что новая повараха уже замутила в пекарне бражку. Туда и пошёл сахар, режим экономии которого ею уже соблюдался. Дрожжи тоже были в дефиците, их недостаток компенсировали заплесневевшим хлебом. Главное, чтобы на корочке появилась зелень! В этой бригаде был курьёзный случай. Приехала как-то комиссия из крупных начальников. Вручать грамоты, такие бумажные листы с геральдикой на мотив Дня Победы. В тот период дизелисты замутили бражку во фляге, в какой колхозницы молоко таскают, литров на тридцать пять. Дрожжей у них не было, они накидали в эту смесь томат-пасты, а отсутствие сахара восполнили карамелью "Клубничная". Чтобы процесс брожения ускорить – флягу водрузили на дизель-генератор. Там всегда тепло и трясёт от вибрации, поэтому брожение идёт моментально. На собрание ушли все, оставили только дежурить на дизель-генераторе молодого помдизелиста, который недавно окончил ПТУ. В разгар раздачи грамот в красный уголок ворвался этот помдизелист с воплем:

– Разорвало!

Начальству – нож в горло, если в их присутствии на объекте происходит смертельный случай. Были прецеденты, что даже таких начальников судили, заведя уголовное дело по статье "халатность". С руководителями, которые увидели рабочего, пребывающего во всём красном и кричащем: "Разорвало!", чуть удар не случился. Они все разом подумали, что работягу какого-нибудь разорвало, а этот весь

другой весь в крови. Бражка – напиток запрещённый, его готовят, маскируя в огнетушителях и даже в кислородных баллонах. Чтобы бражка лучше брала, от примитивного подмешивания табака отошли, а подмолаживают её одеколоном. Ужасен запах смеси, если подмоложение происходило "Шипром". Да если ещё закусывали случайно привезённым кем-то луком с материка, который от дальней дороги слегка подгнил!..

Из столовой Раф вышел вместе с Васей верховым. Тот возбуждённо стал рассказывать ему:

– А мы сейчас котельному машинисту Слюнявчику п...зды ввалили! – За то, что он Слюнявчик, что ли?

– Нет, Слюнявчик – это кликуха. А п...здюлин получил, за то, что он, может быть, пидар!

– Так "может" или пидар?

– Ну, в общем, просыпаюсь я после вахты. А Слюнявчик сидит у зеркала и морду свою кремом мажет! Я спрашиваю: "Зачем ты кремом мажешься?" Я испугался, что может, я с пидаром в одном вагончике живу. А он говорит: "У меня кожа на лице нежная!"

– Ну, может у человека, правда, кожа нежная?

– Ты что? Если кремом мажется – значит, пидар! – с глубоким убеждением завопил верховой Вася, – мы с ребятами ему в торец надавали, пусть думает! Спать я ему велел в котельной.

– Как же человек в котельной спать будет? Котельная пока не работает и дует там.

– А меня не ...бёт. Пусть к поварихе идёт, просится к ней. Она одна живёт. Его только прислали, котельную к сезону готовить, а он сразу стал кремом мазаться, пидар!

Васю было не переубедить. Кремом здесь никто никаким никогда не пользовался. Если кто пытался одеколоном смазать лицо после бритья, флакон сразу выпрашивали на опохмелку. Если человек не отдавал – одеколон тайно забирали. Кражей это не считалось, классифицировали: "Не в подлость!"

Глава 10

Когда Раф проходил мимо бурдомика, его окликнул Фархад:

– Зайди за рукавицы расписаться!

Расписаться за получение рукавиц можно было в любое время, но

Фархад лучший прецедент для беседы придумать не мог. Когда Раф вошёл, он его спросил:

– С ребятами сошёлся?

– Да, нормально.

– Я смотрю, ты с ними ладишь. Они как собаки: если человек чужой – сразу пробуют бить его. Вон, на сорок третьей прислали нового прораба по монтажу. Они порешили меж собой и стали заставлять его топиться. Что-то заподозрили, что он такой молодой, а уже прорабом. Решили, что устроился по блату. Они его поэкзаменовали скрытно, на работе, а он ничего не понимает в вышкомонтаже. Выпили они бражки, а потом денатурат где-то нашли. За пьянкой разговора больше нет, как про работу. Решили, что молодой прораб обязан утонуть. Сам.

– Ну, так он утопился?

– Нет. Они его отвели на озеро, "Топись!" – говорят. Он нырял под воду раз десять. "Не могу, – говорит, – братва!" Потом с ним от переохлаждения припадок начался. Они оттащили его в вагончик. Утром он улетел на базу, вроде как лечиться от простуды. Там остался работать в конторе инженером. Не захотел больше бешеных денег. А простуда его не взяла от стресса.

Рафаил не стал рассказывать в тему про инцидент со Слюнявчиком. Это выглядело бы, как закладывание, донос. Возможно, Фархад что-то прознал и хотел спровоцировать Рафа на разговор про Слюнявчика. Впрочем, повлиять на что-либо Фархад не мог. Общество существовало по своим законам. Бить бурмастера – никому в голову не придёт, даже в самую пьяную голову. Его отождествляли вроде как с хозяином зоны. Бурильщик у них был как "рамщик", это начальник смены пилорамы, который отвечал за настройку механизма, по распиловке брёвен в доски. Все эти люди

были уважаемые. Вот если помбур пойдёт к бурмастеру, и начнёт с ним о чём-то говорить, тогда ему хана! Для поддержания разговора Рафаил поинтересовался:

– Почему вы в разговоре, всё время букву "а" вставляете, долго в Абхазии жили?

– Ты меня зови на "ты", я не такой уж и старый. А в Абхазии я не жил. Просто привычка такая!

Раф уже не стал интересоваться, почему Фархад вместо "ч" говорит "щ". Это было бы через край! Он стал легонько возражать:

– Вы всё-таки начальник буровой хороший. К примеру, у ребят всё в жилухе хорошо, всё ровно. В котлопункте порядок. Только вот я насчёт скважины спросить хочу, почему вы не извлекли оборванные два куска тяжёлых низов по двести метров?

– Ну, пощему, я извлекал. Про...бался по два месяца с каждой аварией. Но ловильный инструмент никак не накрывал голову тяжёлых низов. Мимо проходил и забил в стенку скважины голову аварийных труб, совсем.

– Так надо было применить отводной крючок! – стал являть Раф свои знания, полученные на курсе аварийных работ.

– А зачем? – искренне удивился Фархад, - Она сама должна найти свой синтра!

Раф для себя перевёл в уме, что ловильный инструмент каким-то чудесным образом должен сам отцентроваться в скважине. В этот момент он не осознал всю глубину дремучести Фархада. И на всякий случай промолчал по этому поводу. Он спросил про насущные проблемы:

– А, – начал он на манер Фархада, – мазь от комаров вы выдаёте?

– Да ты зови меня на "ты"! Что вы все про эту мазь? Далась она вам! А всё равно она от комаров не помогает!

– Как же не помогает? Всегда помогает!

Фархад тем временем уже вошел в раж и начал кипятиться:

– Мазь, мазь! Да я завтра этой мази, хоть бошку выпишу!

– Так надо выписать, – настырно стоял на своём Раф.

На этой ноте он закончил беседу и поспешил в свой вагончик. Там его дождался бурильщик смены, которая сейчас была на вахте. Он оставил у пульта бурить своего первого помощника и пришёл вроде как на мирные переговоры. Пришёл договориться, чтобы не передавать друг другу "подъём", а работать "по чесноку". Звали его Абдуджамал Ферзилович, или просто Джамал. Бодрствующие помбуры устроили в вагончике балаган:

– Джамал, а вот правда, что в Туркмении ишаков используют вместо женщин, для секса?

– Да сколько хочешь! Я и сам по молодости делал это.

– Так ты нам расскажи, вдруг нам подвернётся случай, мы же должны знать, как это делается! – все сразу возбудились и подвинулись поближе к рассказчику.

– Ты знаешь, в мае после дождя он чистый! И вот тогда его можно...

– Да какие проблемы?! Можно из шланга помыть! – искренне стал рационализировать проблему помбур Бейгеши. В этом месте тему подхватил Вася, он рассказал:

– Когда мы стояли на юге Коми, у нас был помбур Кисель. Тот жил на квартире у старухи и приспособился козу бабкину в баньке "на шашлык" насаживать. Бабка просекла это и стала угрожать Киселю, стыдить его. А Кисель орал: "Зарежу я тебя бабка, зарежу!"

– Давай про дело поговорим, - прервал вечер воспоминаний Джамал Ферзилович, – будем как братья работать, друг другу помогать. Сегодня, я тебе помогу, завтра ты мне поможешь!

Раф сразу подумал: "Что-то не заладилось у сменщика! Восточную дипломатию навивает!", – но вслух сказал:

– Давай, будем как братья!

Они пожали друг другу руки, и Ферзилович заспешил на буровую: Пойду, а то Фархад придёт, а меня нет. Орать опять будет. Помбуры уже в карты не играли, они вели спор про подшивание валенок. Зима в тундре приходит быстро, опытные помбуры это знали и уже готовились, утепляли экипировку. Раф внимательно вслушивался в их разговоры, набирался опыта. Он ещё зимой на буровых не работал, только на летних практиках. Своим рассудком

он понимал, что двенадцать часов отстоять без перерыва на отогрев – очень сложно. Особых костюмов для этого не выдавали, такие же телогрейки и валенки, как и в средней полосе. Чем грелись помбуры – оставалось загадкой. Буровую для комиссии обтягивали вкруговую, от ноги к ноге, так называемой юбкой. Это был брезент, приколоченный на высоту шесть метров по периметру. Над головой была только вышка со своим скелетом. После приёмки буровой установки комиссией заполярный ветер рвал всю эту обшивку, а в образовавшиеся дыры свистел лютый сквозняк. Буровики думали: "Уж лучше бы совсем обшивки не было, чем такие сквозняки!"

Сейчас спор шёл, сколько умелец Сеня возьмёт за подшивание пары валенок транспортёрной лентой. Здесь расплачиваться деньгами с товарищами было не принято. Отдавали плату вахтами. Сеня подшивает валенки, а заказчик стоит за него вахту. Трудность искусства подшивки была в том, что кроме войлочной подошвы, поверх накрывали рабочую поверхность куском транспортёрной ленты, то есть плоского приводного ремня от глиномешалки. Прошивать такую подошву было очень трудно. Крючок для шитья делали из плунжерной пружины дизеля. Имел такие крючки только Сеня и никому их на время не давал, мотивируя тем, что когда-то ему крючок сломали. Вася предлагал отстоять, как оплату за подшивание валенок, одну вахту, а Сеня требовал две:

– Ничего, холода подопрут – торговаться не будешь! – говорил он. Вася же аргументировал:

– Это раньше стояли за подшивку две вахты, когда вахты были по восемь часов. Сейчас одна вахта, как прежних полторы. Одна вахта – это будет в самый раз!

– Не-е-е, я не спешу, желающих много! – твердил Сеня.

В это время от буровой послышался равномерный гул дизелей. Это Ферзилович потянул на подъём. "Точно что-то у него не заладилось! – подумал Раф, – Пришёл дипломатию наводить, старый Дуст!"

Под рёв дизелей Раф стал засыпать, всё ещё слыша, как верховые торгуются за подшивание валенок.

Проснулся он опять от толчков в плечо:

– Э-э-э! Бурила! Ужин проспидишь! Что-то ты только спишь, а жить-то когда?

– Жить на выходных будем! – ответил Раф, – Вы-то во время бурения дремлете на коробке скоростей, а я стою у рычагов, вы и не подмените!

– Так ты скажи! Нахим – он бурила грамотный, можно доверять! – сказал Вася-верховой.

– Ладно, проехали...

Весь разговор проходил по пути в столовую. В голове Рафа мелькнула страшная мысль:

– Пока учился, всё думал: "Вот закончу учёбу в институте, как устроюсь на работу – и сразу жизнь пойдёт у меня хорошая!" А что получилось? Буровая – столовая – спать! Жизнь, как у скотины! Надо что-то делать! Надо открывать, лично, месторождение и становиться знаменитым! Я же не ишак какой-нибудь!

В столовой Бабаяга разнообразила меню. Вместо макарон с тушёной сварганила вермишель. Вермишелинки были тонкие, алюминиевая вилка плохо их цепляла. Многие помбуры ели эту смесь ложками. Бабаяга затеяла опрос:

– Вам на завтрак кофе сделать, или какао?

Все слова она, конечно же, перемежала своими "сука-падла". Вся столовая сразу загомонила:

– Не-не-не! От какао – изжога! Этот порошок "Золотой ярлык" лежит в этом котлопункте ещё со времён Ивана Грозного!

Кофе тоже был из желудей или овсянки, приправленной цикорием. Затворяли его на сухом молоке, которое лежало на стратегических складах шесть лет, а потом ещё на складах ОРСа года два. Запах от такого молока был затхлый, желудёвый кофе давал цвет, как вода в луже. Приходилось из двух зол выбирать меньшее! Запив вермишель с тушёной тёплым сладким чаем, Раф поспешил в вагончик в общей массе, чтобы Фархад вновь не подпас его и не стал скрашивать свою скуку досужими разговорами. Такие времяпровождения могут быть опасными для Рафа, братва может пришить кумовство с начальством, а тогда уже не отмоешься вовеки веков! В вагончике сидел Валя-утопленник и травил байки. Раф

понял, что ему "везёт". Вагончик, в который поселил его Фархад, был что-то вроде восьмой комнаты в гостинице-заезжей на базе. Помещение служило по совместительству избой-читальней. В этом вагончике постоянно канителился народ.

– Вот повезло мне! – думал Раф, – теперь Утопленник припёрся!

Этого помбура звали так потому, что как-то весной он напился и упал в лужу лицом вниз. Все проходили мимо и думали, что он утонул до смерти. Никто никогда в этих краях, увидев мертвеца, не станет звать милицию. Есть закон:

– Кого первого менты увидят у трупа – тот и есть убийца!

Потом менты уже соберут доказательную базу, отрепетируют с "убийцей" следственный эксперимент, весь этот спектакль отснимут на плёнку. Всё сделают, как надо! Уговорят чистосердечно признаться, что ему, мол, за это срок поменьше дадут и на хорошую зону определят. И, конечно, обманут! Поэтому трупы оббегают стороной, отворачивая голову в другую сторону. Вот так и лежал Валя и спал пьяным сном. Как он не захлебнулся? Но, говорят, что ветер его носил от берега к берегу. У него даже туфли какой-то мародёр-бич снял. Бичам – тем всё равно, им ничего не страшно. Их в тюрьму не сажают, хотя они очень жаждут этого! Особенно перед холодами, чтобы не замёрзнуть насмерть в стужу. В тюрьме тепло, кормят, и спать есть где. Но менты их в тюрьму упорно не сажают. Верховой Геббельс говорил:

– Есть строгая тайная инструкция, что бичей в тюрьму не сажать! Всё равно они там не работают. Лагерному начальству надо тоже план давать. А эту публику даже смертным боем не заставишь работать. Самое большее действие к бичам применяют, когда вывозят за город и выкидывают из автозака. Очень сожалея, что бензин на них потратили. А, к примеру, вот в соседней бригаде работал бурильщик Стёпа. Он приехал в отпуск в деревню. Смотрит – мотоцикл стоит. Он его завёл и прокатился по улице. Менты заставили хозяина заявление написать о краже мотоцикла, и вымогали деньги у Стёпы. Он не дал, так его на три года посадили. Пахал там как медный котелок! Бич, он хоть танк угонит, ему ничего не будет!

Теперь на месте рассказчика сидел на табуретке Утопленник и рассказывал, как он в Питере жил. Он сам из бывших интеллигентов,

потом допил, с женой развёлся и приехал денег себе на кооператив заработать. Так и остался в экспедиции. Съездит на отгулы, деньги пропьёт и опять на пахоту, на буровую. Только лишь по манере одеваться он от всех отличался. Туфли поэтому у него в луже и сняли. Уж больно они были хороши! Пришёл он босиком в общежитие в три часа ночи, все обрадовались, что он живой. Водкой его отпаивали. А сейчас он рассказывал:

– Сижу я в Питере в парке. Кругом белочки бегают...

– Настоящие, что ли? В натуре, – сказал Ваня-Лист, - их хорошо, если сварить в котелке и порубать, то стоит от них – не сломаешь!

Слово "в натуре" он применял как присказку. Если ещё он говорил, что это было с ним, он прибавлял "бля буду!" – всё вместе получалось "в натуре бля буду!" В вопросе с белочкой он хотел акцентировать, что у Утопленника не "белочка", то есть белая горячка, а что он видел живых белок.

– Ну, конечно же! Белки живые!

– А мы работали на юге Коми, в заповеднике. Там ни одной белки не увидишь. Всех побили на пушнину! – сказал Горденко, старший дизелист. Он отвечал за все дизеля и шлындался большей частью по жилпосёлку и принимал участие во всех разговорах ни о чём, если дизеля работали нормально.

– Так вот, сижу я в парке на скамеечке, белочка подбегает ко мне, я даю ей печенье, а она ест прямо с рук.

– Да ну? – удивился Геббельс.

– Да, можешь белочек, сколько хочешь печеньем кормить, хоть целый день!

– Вот ещё! – искренне возмутился Геббельс, - Чё это я её должен своим печеньем кормить? Мне-то что за это? Нах...й она мне нужна, белочка?!

Ни у кого комментариев не было. Геббельс был один такой парадоксальный негативист из всех присутствующих. Все, включая Геббельса, были люди добрые и отзывчивые. Несмотря на то, что у товарища могли собаку съесть в одночасье! Пока тот замешкался. Это уже были издержки чисто местного характера, не связанные с душевными качествами каждого помбура и дизелиста. Весь

контингент делился, в основном, на помбуров и дизелистов. Дизелисты считали себя умнее, потому что им доверили следить за дизелями! Помбуры считали, что дизелисты пошли к дизелям потому, что у них не хватило мужества стать помбурами! У помбуров была перспектива роста до бурильщика. Дизелисты могли стать, максимум, старшим дизелистом, что являло не столь большой отрыв от начальной должности. С этими раздумьями, под рассказы, что в Коми и Сибири всех белок и прочее зверьё давно побили удачливые охотники-коми, а в Украине всякой живности полно, из-за того, что хохлы стрелять не умеют... Раф заснул. Проснулся опять на вахту и стал надевать спецодежду, уже порядком испачканную. Опять зашёл в бурдомик, ему повезло – Фархада с его бестолковыми разговорами не было на месте. Раф направился прямиком принимать вахту, взяв бумажный круг диаграммы, написав на нём дату и расписавшись под ней.

А на буровой был аврал. При начале спуска верховой с вахты Ферзиловича хотел кинуть свечу утяжелённой буровой трубы в элеватор, чтобы взять её с подсвечника на тали, для очередного наворота. И промазал мимо элеватора. Когда утяжеленная труба наклонилась на критический угол, он не удержал верёвку и упустил трубу в угол буровой. Теперь утяжеленная труба косо стояла внутри буровой с угла на угол, по диагонали. Вся вахта, вместе с дизелистами, собралась на полатях верхового, это на высоте тридцати шести метров, и старалась верёвками вытащить утяжеленную трубу и установить её в элеватор. Уже пошли на помощь вновь подошедшие помбуры, сменявшие предыдущую вахту. От такой помощи дел не прибавилось. Мнения разошлись, у каждой из сторон были свои авторитеты, началась перепалка. Слова перепалки снизу слышны не были. Видно было только, как все активно размахивают руками, очевидно обвиняя друг друга. Раф спросил у Ферзилыча о мере труб, в комплекте достающих до забоя и поинтересовался:

– Так что ты всё-таки приходил в вагончик, турбина остановилась?

– Думал, что так. Когда поднял, то увидел, что долото сносилось, вооружения на шарошках совсем нет.

Раф понял, что как раз умничанья с типом долота, когда его вахта наворачивала его для спуска на забой, привело к преждевременному подъёму. Если бы верховой не упустил свечу утяжелённой трубы в угол буровой, они пришли бы сейчас как раз к концу спуска. Поэтому он ничего говорить Ферзильчу не стал, кроме того, что вахту принял, и сразу полез на полати верхового, прихватив с собой стальной строп. Поднявшись по маршевой лестнице, Раф сказал, что все, кроме верховых его смены, свободны, и пошёл по поясу вышки без страховки, со стропом в руках. Помбуры освободившейся смены не стали спускаться вниз, а с интересом наблюдали, что будет делать новый бурильщик. Раф споро накинул удавку на голову свечи утяжелённой трубы, а вторую петлю, чуть поиграв, прицеливаясь, накинул на крюк талей. После этого он спустился на свой пост и на первой передаче приподнял свечу и поставил её на ротор. Верховые закрепили её верёвкой, скинули строп и кинули свечу в элеватор. После – быстро его закрыли. Дальше пошёл процесс нормального спуска. За этот приём в работе в бригаде нового бурильщика зауважали. Уважение к нему всё росло, от вахты к вахте. Дни так и текли: спуск, подъём, бурение. Потом ещё сон, походы в столовую, слушание всяких обыденных простых рассказов, когда помбуры не играли в карты на деньги. И опять: спуск, подъём, бурение. Работа монотонная, изнуряющая, тяжёлая и на холоде. Во время всех этих процессов, время от времени буровиков обливают ядовитым буровым раствором, который намерзает на спецовке толстой коркой. Мышцы от холода сводит, и помбуры ходят внутри буровой на ветру как водолазы. Один исследователь человеческих душ высказал гипотезу:

– На буровой работают не из-за денег, в основном. Всё равно, деньги буровики пропивают за три дня, как попадают на отгулы. Работают из-за азарта, что каждую минуту долото может проткнуть газовый пласт высокого давления и произойдет выброс, взрыв! Давление в некоторых пластах превосходит тысячу атмосфер. И вот из-за этого ожидания у буровиков бродит адреналин, и они ощущают драйв! Это, как "диблоид", (те, которые прыгают с четвёртого этажа на деревья спиной), сверлят баллон с пропаном дрелью...

Уже подходило время ехать на выходные. Раф попал в смену, которая половину заезда отработала. У них уже наступало время

отгулов. На Большую землю собирались не все работяги. Многие, а их было более половины, боясь запоев и всяких неприятностей, с этим связанных, оставались на выходные дни на буровой. Здесь, как они считали, была крыша над головой, кормили регулярно. Можно было сходить в мечтах на рыбалку, а главное – поиграть в карты "до засыпания".

Тут произошёл инцидент, связанный с первой беседой Рафа с буровым мастером Фархадом. Тот при их разговоре пообещал выписать со склада базы целую бочку антикомариной мази. Он так и сделал. Передал заявку на материал, который требуется на буровой. И сказал напоследок:

- Да, антикомарина мне пришлите!
- Сколько? – спросил диспетчер.
- Бочку! – выдал Фархад тезис, крутившийся в голове после разговора с Рафом.

Диспетчер бесстрастно записал, завскладом бесстрастно выдал, и вот наступил момент – приземлился на буровой вертолёт. Вместе с разной всячиной из развернутого задка вертолёта, помбуры выкатили двухсотлитровую бочку с маслянистым ореолом вокруг пробки. Фархад вначале подумал, что это бензин для геофизиков, которые должны были исследования на скважине делать. Потом уже в бурдомике прочитал, что это – "Дэта", мазь против комаров. Фархад вначале призадумался:

- Куда я столько мази списывать буду?

Углубившись в подсчёты, стал делить в уме на количество подчинённых и прикомандированных, на количество дней. В процессе подсчёта потерял нули, и успокоился:

- Вроде бы, если ещё составить дополнительные акты, можно будет списать до конца следующего сезона!

Мазь закатили в склад, который на замок со дня строительства не закрывался. Вскоре к бочке потянулись помбуры с банками, подобранными за котлопунктом и отмытыми по этому поводу. У одного хохла был припрятан самогонный аппарат, через который он всё собирался перегнать бражку, но не успевал его развернуть, как всю бражку выпивали без всякого перегона. Теперь на пробу собрали

аппарат и через полчаса из змеевика пошли первые капли. Первым вызвался отведать вышедший продукт верховой Сапог:

– Считайте коммунистом! – дурачась, вопил он.

Хлебнул прямо горячего зелья и через минуту, на вопрос: "Ну, как?" – ответил, тараща глаза: "Приход есть!"

И понеслось! Аппарат не успевал капать, зелье выпивали прямо горячее. В вагончике Рафа тоже наладили аппарат из кастрюль и тазиков. Называлось устройство "на конус". Это устройство тоже работало не хуже, чем аппарат со змеевиком. Спасли буровую от полной остановки два фактора. Первый – некоторые, самые охочие до первача помбуры, припасливо успели отлить несколько больших фляг и спрятать в тундре, во мху. Второй – это Фархад почуял суету, нагрянул на склад и, поняв всю угрозу, вылил большую часть бочки в песок. Он перевернул в сердцах бочку, отвинтив крышку, на попа. Ещё ранее, те, кто гнали "на конус", в одночасье поняли, что при заправке очередного перегонного сосуда, они не обнаруживают остатка после перегонки. Общий совет решил:

– Всё идёт вкруговую! Всё перегоняется досуха, да ещё мы имеем потери на летучесть спирта!

Проанализировав весь цикл "крекинга", решили обществом, что будут пить "Дэту" прямо так, без перегонки! Первым отважился опять же, Сапог, который перешёл в команду "на конус". Он отпил треть стакана, закатил глаза и сказал:

– Приход есть!

Остатки комариной мази выпили без перегонки, в горле першило, но помбуры уже ничего не чувствовали. Самое примечательное в этой эпопее, что никого не стошнило, и никому не было плохо! Сам Раф такую турбосмесь не пил, опасался за своё здоровье. А также он не собирался всю жизнь торчать в бурильщиках. Питьём комариной мази своё реноме можно было основательно подпортить.

Выходные подкрались за этой суетой с комариным коктейлем, совсем незаметно. В последнюю ночь вахты вытопили баню. Пока Фархад и старший дизелист Горденко спали, потихонечку жгли в печке дизельное топливо. Лишь перед пробуждением бурмастера

натаскали разных палок и стали инсценировать, будто баню вытопили дровами. Сложным был процесс укараулить, чтобы прикомандированные, разные геофизики и тампонажники не проникли в баню раньше работяг с вахты, и не выпустили первый пар. Для этого у двери бессменно дежурил самый здоровый помбур Сапог и зычным окриком отгонял пытавшихся прокрасться лазутчиков. Уже за час до конца вахты потихоньку дизелисты и некоторые помбуры стали уходить в баню. Раф, сдав смену, быстро помылся в этой бане, париться не стал. Да и нечем уже было, весь пар быстро выпустили. Раф спешно собирался. Те, кто не уезжал, делали заказы на необходимые вещи. В основном, заказывали дрожжи и игральные карты. В начале одиннадцатого прилетел вертолёт. Раф составил список уже внутри вертолёта, и через некоторое время они были на месте, на базе экспедиции. В конторе Рафу особенно делать было нечего. Он взял в жилсекторе направление в гостиницу-заезжую, и через несколько минут подходил к уже знакомому бараку.

С крыльца барака головой вниз на землю валялась спящая пьяная женщина, возраст её уже определить было невозможно. Ноги были без чулок и чем-то коричневым сильно испачканы по всей длине. Вахтёрша неожиданно была на месте. Раф обратил её внимание, при оформлении на проживание, что с крыльца вниз головой валяется женщина. Вахтерша безразлично отмахнулась:

– А-а-а! Это Лилька! Помбуры с восьмой безобразили с ней, а потом выкинули.

– Так надо кого-то вызвать, оказать помощь!

– А кого вызовешь? Милиция её не возьмёт. У неё денег нет, она уже много лет не работает!

– Так вы меня хотя бы поселите не в восьмую. Не так, как всегда!

– Во вторую пойдёшь?

– Да мне куда бы подальше от восьмой, и чтобы почище!

– Смотрите! Баре какие помбуры пошли! – начала заводиться дежурная, – Метраполю ему подавай! Барин какой! Всё поразгромили, а теперь ещё требуют!

Раф мужественно промолчал, дежурная оценила его выдержку и дала огрызок бумаги, что он поселен в двадцатую комнату. Это было рядом с дядей Володей. Бросив сумку на свободную кровать, Раф проведаль его. Дядя Володя от запоя был в беспамятстве. Он то ли спал, то ли бодрствовал, но слова, лежа с закрытыми глазами, выговаривал отчётливо:

– Ох, Ольга! Помнишь, как мы с тобой тогда, на диване! Я не хотел Ольга, ты сама!

Дальше, всё повторялось, как на магнитофоне со склеенной вкруговую плёнкой. Раф постоял, послушал, но приводить дядю Володю в чувство не стал. Потрясение после увиденной Лили, сброшенной с крыльца, было сильно и не покидало его. Раф зашел в местный магазин. Ассортимент товаров, как говорят торговые работники, был "минимум". На витрине была водка, папиросы и коньяк Дербентского завода. Продавщица непрерывно орала:

– Хлеба нет! Не завезли. Машина сломалась!

Раф посоветовал:

– Вы на бумажке напишите, что вы свой прекрасный голос портите? – Ага! Им напиши, они бумажку схватят и побегут с ней жаловаться в горсовет!

– Грамотная профура, – подумал Раф.

Чтобы быть пооригинальнее, он взял бутылку коньяка и пошёл с ней в местную столовую. Столовая закрывалась только через два часа, но столовая братия уже готовилась к закрытию. Из еды, из всего списка на целую страницу, оставались лишь одни котлеты с макаронами, опять же. Раф спросил у тётки с раздачи, которая вычерпывала горячую воду из приспособы, где цилиндры с кашей покоились для подогрева:

– Суп есть какой-нибудь?

Тётка, подняв распаренное лицо, с водянистыми глазами, прокричала, как будто находилась в кузнице:

– Была с обеда "полуца", дак отдала мужине, перед вами!

Взгляд тетки остановился, приоткрытый рот являл несколько железных зубов за бесцветными губами. При этом она отвела руку в

сторону, как бы указывая, куда ушла "полуца". Раф про себя перевёл, что "полуца" – это половинка щей. Он взял заготовленные на мармите котлеты, которые являли вид кулинарного шедевра. Надо подчеркнуть, что кулинарного, а не поварского. В котлетах количество злаковых доминировало с большим отрывом. От животной клетчатки был только запах кулинарного жира, который в столовских кругах именовался "маргусалин". Вещь эта была весьма загадочная, давала сладковатый привкус, но жаренья на нём не подгорали.

За столиком с Рафом сидел случайный попутчик. Раф ему предложил разделить распитие коньяка. Случайный попутчик не отказался, звали его Фаиз. Он очень обрадовался, что встретил, как он полагал, земляка. Сам он был татарин, жил в далёком городе, где делали нефтяное оборудование. Он числился на работе в нефтедобывающей конторе, которая стояла в этом северном городке, а находился всё время при заводе, вышибал запчасти и комплектующие сверх лимита. Был обыкновенным толкачом, снабженцем. То время породило такую странную специальность. Эдакий коммивояжер наоборот. Раф долго и тяжело выпутывался и отнекивался, что он не татарин. За время этих тяжёлых объяснений бутылка коньяка закончилась. Толкач, повеселев, стал настаивать, что он сейчас тоже пойдёт и купит бутылку со своей стороны. Напрасно Раф объяснял, что магазин уже закрыт. Новый знакомый был неуёмен. Он кричал:

– Ты меня хочешь унижить! Ты меня угостил, а я тебя не могу?!

Он уже позабыл, что Раф не татарин и называл его упорно земляком. Раф еле скрылся от нового товарища, когда тот зашёл в труппы вагончиков в поисках, как ему помнилось, здесь обитавших шинкарей. Когда Раф пришёл в заезжую, "гай-гуй" там шёл полным ходом. Только что состоялся очередной тур драки. Противоборствующие стороны вели мирные переговоры, уважительно пожимали друг другу руки, договаривались на очередной раунд, приговаривая:

– Вот только отдохнём, чуток!

В бойцах одной из воинствующих сторон состоял Сапог. Увидев Рафа, он стал издавать призывные крики:

– О, наш бурила! Раф, пойдём с нами выпить. Есть о чём поговорить, будешь за нас!

Раф ни за кого не хотел биться, он увернулся от разговора, вышел из заезжей на улицу и пошёл бесцельно бродить по городку, по набережной. Приличных людей на пути не попадалось. Не говоря уже о том, что бы познакомиться с девушкой. Если и попадалась по пути особа женского пола, то это была матрона постбальзаковского возраста, гружёная авоськами с продуктами до самого не могу. Или это была проштыповка, спитая бичиха, без зубов, в грязной болоньевой куртке. Даже поговорить было не с кем. Вокруг была тоска и безысходность, он уже начал жалеть, что смылся от толкача-татарина. Тот хотя бы очень яростно повествовал о хитростях снабженческого дела, было чему поучиться.

На берегу реки был противный мелкий песок и тучи комаров. Посередине реки изредка пробегали моторные лодки. Катера с баржами почти не ходили, лето было на излёте, притоки Печоры все сильно обмелели. Завозить груз по воде было опасно. Рафа стала донимать мошкара. Комаров не было, их ветер сносил, а мошкара, казалось, не боялась ничего! На буровой дым от выхлопных труб дизелей распугал всех кровососущих в ближайшем радиусе, и становилось понятно, почему обитатели буровой не любят ходить на рыбалку, на реку. Раф понял, что этот городок не место для отгулов. Последние силы выпьет мошкара.

Наутро, получив зарплату в кассе экспедиции, он улетел ближайшим "Ан-2" в Печору.

Глава 11

Пал Иванович лежал на кровати в комнате гостиницы-заезжей города Печоры, в одежде, поверх одеяла. Жильё, квартиру, ему от экспедиции так и не предоставили. Начальник экспедиции наедине с председателем месткома сказал:

– Нечего этого пьяницу поважать! Пусть едет туда, где он геройствовал. У нас своих претендентов на квартиры полно. Дали мы ему должность "не бей лежачего". Да и пока хватит с него. Ты спусти это дело на тормозах. Если из обкома сильно нажимать будут, тогда подбери ему комнатку, где-нибудь в сборно-щитовом бараке. И так из-за таких героев терпим перерасход фонда зарплаты!

На этом они и порешили. Пал Иванович обитал в комнате этого странного общежития, где его обитатели между партиями в карты изредка дрались, не переставая водку пить круглосуточно. Пал Иванович по этой части тоже не отставал от основного косяка обитателей. Этой дурной привычке способствовала общая атмосфера всеобщего алкоголизма. Последние дни он сильно опух, видимо, почки отказали совсем. Сегодня встать и сходить за очередной бутылкой он не смог совсем. В изголовье у него стоял трёхлитровый эмалированный чайник. Он протянул опухшую руку, взял чайник, потряс им, но вода в нём кончилась ещё ночью. Звать на помощь было некого, после отъезда Рафа и Шуры он так и не сошёлся ни с кем. Всё считали его героем, человеком для большинства смертных недостижимым. Таких смелых, как Раф, чтобы подойти и заговорить, больше не нашлось. Пал Иванович пил все дни в одиночку. Почти не закусывал, по крайней мере, в столовую больше не ходил. Прошли ещё сутки. Уже второй день он не пил, вода и водка кончились. В туалет перестал ходить ещё раньше. От бессонницы у него начал развиваться психоз, в ушах постоянно играла одна и та же музыка. Вернее, строчка из песни "Белый вальс", будто на виниле иголка соскакивала на одну и ту же дорожку. Песня звучала явственно и отчётливо. Он даже временами думал, что это в соседней комнате таким образом "весельца задают". Воля и сознание его были подавлены, он убеждал себя, что музыка в ушах ему не мешает, с ней даже не так скучно. За всё время успешной своей работы Пал Иванович утвердился во мнении, что воля его несокрушима! Но

последний разговор с парторгом, набег бывшей жены, с отрезанием воротника от зимнего пальто, совсем подкосили его. Ещё сын с его свадьбой, на которую Пал Ивановича не пригласили. Чувствовалось влияние жены, которая охарактеризовала детям своего бывшего мужа как сформировавшегося алкоголика. Дети помнили, что отец нередко прикладывался к бутылке на выходные, и уверовали, что сейчас он опустившийся человек. Сын настойчиво просил деньги на вновь созданную семью. Но денег у Пал Ивановича не было. Поэтому он даже не знал, как там всё прошло? Успешно ли прошла свадьба? А, впрочем, и это ему уже было безразлично. Из его сущности как бы вынули стержень. Увлечений он в жизни, в общем-то, не имел. Даже на рыбалку никогда не ходил. Работа – она была и его увлечение, и хобби. Теперь, вместо работы осталось одно ожидание, когда где-то наверху примут решение о создании учебной буровой. Другой бы на его месте радовался – рабочие дни ему ставили, зарплату платили. Но ходить на работу было некуда. Если он появлялся первое время в конторе экспедиции, от него отмахивались, как от надоедливой мухи. Он это понимал и сильно никому вопросами, советами не докучал. Со временем он совсем перестал ходить в контору. Сходил только получить зарплату. Душа вроде бы успокоилась: "Всё нормально. Деньги платят. Рабочие дни идут. Что ещё надо?" Ан, нет! Червяк точил душу. Выматывал последние нервы. Он, даже будучи при успешной работе, когда давал высокие скорости в бурении, если выезжал в отпуск, сердцем всё равно был на буровой. Спешил всегда выйти из отпуска, не догуляв. Сейчас он лежал на казённой кровати, весь опухший, не в силах встать, чтобы набрать в чайник воды и попить. Особенно пугали его ноги своим видом. Они были как два столба, как передние ноги слона. В дверь к нему никто не стучал. К нему вообще никто не заходил. Приходили только мысли в голову. Всё больше о его назначении в жизни. Ради чего он бросил обжитые места и перевёлся в это неприветливое место. Явных знаков на небе, в виде светящихся дисков, он больше не видел, никогда. Он только всем сознанием понимал, что если бы ему сейчас доверили расположить на карте точки для бурения глубоких скважин, он безошибочно смог бы определить места больших залежей нефти. Лёжа почти без движения, он думал:

– А что, первые скважины для бурения на нефть закладывали, каким-то образом? Когда вообще совсем никакой науки о поиске нефти не было. А вот люди, которые знали, где есть нефть – были! Это потом уже оборотистые люди под эту закономерность подвели науку и приобшились к поиску нефти. Но долото всё равно идёт впереди науки!

Под эти мысли раздался стук в дверь. Пал Иванович, удивившись, едва нашёл силы произнести:

– Входите, не закрыто!

На пороге образовался Раф. Радость переполнила Пал Ивановича, но внешне это проявить он уже не смог. Его даже мысль не посетила: "Теперь я спасён!"

До такого положения его состояние было, по его мнению, безнадежно. Противостоять судьбе он уже силы не имел. Он говорил губами, как ему казалось, отчетливо:

– Рафушка, дорогой!

Но губы его даже не могли сложиться в улыбку. Только лишь из-под опухших век его глаза, слегка чуть заблестели, поубавили тусклость.

– Что случилось, Павел Иванович? – произнёс в изумлении и растерянности Раф.

Ответа ему не было. Тот только пошевелил рукой в сторону чайника. Раф схватил чайник, вода в нём высохла, даже на дне. Он мигом сбегал за водой, даже не в умывальник, а на улицу, на колонку. Думал, там вода будет посвежее. Прибежал, пытался приподнять больного, но тот жестом показал, что этого делать не надо. Раф с носика чайника напоил его водой. Голос постепенно стал проявляться. Слова выходили из горла поодиночке. Раф, выслушав его приветствие, спросил:

– Уж не побил ли кто вас?

– Нет. Почки отказали, наверное. А может, ещё что.

– Вам надо срочно в больницу. Я пойду вызову скорую помощь.

– Нет. По больницам я отродясь не ходил. Это последнее дело!

– Так, может последнее уже наступает! – неуклюже скаламбурил

Раф. – Я пойду скорую помощь вызову!

– Подожди. Возьми деньги, вначале сходи, опохмели меня.

– Куда вам! Надо лечиться! Я пойду срочно скорую помощь вызову! – Раф! Я себя лучше знаю. Давай, опохмелимся, и всё пройдёт.

– Ладно. Я вызову скорую, потом схожу, куплю вам подлечиться.

Скорая, наверное, здесь долго ходит! Он так и сделал. С телефона комендантши позвонил по "03". На другом конце провода долго выясняли, кому вызывают, кто вызывает. Когда узнали, что ехать надо в заезжую экспедиции, на другом конце провода затаили:

– Ну-у-у! Понапьются сначала, а потом плохо им! Если пьяный, то отвезём в вытрезвитель! Учтите!

Раф долго божился, даже уверил, что человек болеет, совсем непьющий! Здесь он вспомнил, что Пал Иванович орденосец, Герой Соцтруда! Он прибавил обороты:

– Вы что? Хотите должностью поплатиться? Немедленно высылайте к орденосцу скорую помощь!

На другом конце трубки что-то захрюкало, задрюкало и, наконец, сказала:

– Ждите!

Раф, вспомнив глаза Пал Ивановича, не мог вернуться без опохмелки. Он наказал комендантше встречать скорую помощь, а сам сказал, что сходит за сигаретами. Вернулся он быстро, взяв бутылку на ура без очереди. Скорая помощь ещё не приезжала. Взгляд Павла Ивановича уже утратил возникший было блеск. Он безучастно молчал, о чём-то думая, о важном. Раф ему сказал:

– Сейчас скорая помощь придёт. Наверное, надо подготовить документы.

– Они у меня готовы, в пиджаке. Ты опохмелиться принёс?

– Вам, наверное, не надо. Они там просто бешеные какие-то, всё долдонили, что пьяных брать не будут.

– Ты, Рафушка, налей мне сто грамм, а с этими клистирными трубками я разберусь!

Рафу было очень жалко Павла Ивановича, а власти, как, например, родственник, он над ним не имел. Поэтому он налил ему полстакана. Пал Иванович нашёл силы опрокинуть зелье себе в рот. Через минут пять он немного оживился, даже попытался встать, но это у него не получилось.

– Вам бы поесть что-нибудь, у вас сил просто нет.

– Сил у меня нет не от этого. Давай выпей со мной тоже.

– Нет. Я пить не буду. И вам не надо!

В конце концов, Пал Иванович выклянчил у Рафа ещё полстакана.

Он стал интересоваться:

– Помнишь, я тебе рассказывал, что видел светящийся объект, странный, неземной?

Раф не только помнил, он почти все свободные минуты думал, о такой удивительной способности Павла Ивановича, как определять, где находится нефть, а где её нет. Он был убеждён, что глубина нахождения залежи не влияет на способность Пал Ивановича. Он был уверен, что тот определит нахождение нефти даже на глубине десять километров. Поэтому он мгновенно ответил:

– Я сторонник вашего дара и отношусь к нему с большим доверием.

Искренность, с которой эти слова были сказаны, потрясли совсем ослабшего больного. На глазах его выступили слёзы. Сил вытереть их у него не было. Они текли свободными ручьями на подушку с жёлтой наволочкой. После каждого наливания зелья Раф прятал бутылку с водкой, он всё ожидал приезда скорой помощи. Когда терпение стало иссякать, он сходил и продублировал вызов. На том конце провода девица что-то раздражённо прокричала. Раф понял, что скорая помощь, чуть ли уже как выехала. Он вышел на улицу и стал ожидать медиков. Потом он вновь продублировал вызов. Там уже была новая барышня. Она опять записала вызов и велела ждать приезда скорой помощи. Пал Иванович казалось, что спит.

Когда Раф хотел поправить одеяло, он опять попросил свои сто грамм. Раф твёрдо сказал:

– Медики уже на подходе. Не надо дискредитировать себя в глазах врачей!

Пал Иванович согласился. В это время в коридоре послышался несвойственный шум, и Раф пошёл встретить скорую помощь. Приехал какой-то медбрат. Видок у него был непрезентабельный, он был похож на врача, которого лишили диплома. Увидев больного, с порога он сразу сказал:

– О-о-о!!! В стационаре у нас мест нет. А санрейс в область можно организовать только завтра!

Он сделал какой-то никчемный укол в руку, от которого Пал Ивановичу не полегчало. Потом он отозвал в коридор Рафа и спросил:

– Вы кто ему? – и, не выслушав ответ, продолжил. – Здесь впору труповозку вызывать, случай очень тяжёлый. У него полностью отказали почки, идёт автоотравление, он до утра не дотянет. Тем более, у нас аппарата "искусственная почка" нигде нет, даже в Сыктывкаре!

– Вы должны его госпитализировать! – кричал Раф, спор перешёл в комнату. - Он орденосец!

– Где его документы на орден? – предпринял докторишка манёвр. Раф закричал:

– Пал Иваныч! Где твоя Звезда?

Тот, едва раздвинув совсем разбухшие губы, прошептал:

– В брюках...

Раф, невзирая на этику, стал шарить в карманах брюк Пал Иванoviча, висевших на спинке стула. Звезды нигде не было. Раф предпринял попытку искать Звезду в других местах, её нигде не было. Медбрат стал собирать свои причиндалы. Раф стал хватать его за рукав:

– Я вас не отпущу! Вы без больного никуда не уедете!

– Да он пьяный! Мы пьяных не берём. Сначала докажите, что он Герой Соцтруда!

Аргументы медбрата вываливались уже хаотично. Пока Раф предпринимал вновь попытки найти Звезду, медбрат скрылся, предварительно прокричав:

– Ещё неизвестно, кто украл Звезду! Вот я сейчас вызову милицию, что вы меня оскорбляли!

Пока Раф стоял, офонарев от такой наглости, медбрат скрылся. Попытки найти Звезду были безутешными. Пал Иванович, видя тщетность поисков, причём они десятки раз шли по кругу, так как скарба в комнате было совсем немного, сказал:

– Успокойся, посиди рядом. Звезду, наверное, украли. Может, я её потерял где.

– Так надо дать объявление в газете, что нашедшему вознаграждение гарантируется!

– Мне Звезда уже не поможет. Помнишь, я тебе говорил, что когда я умру, дар предвидеть, где находится нефть, перейдёт тебе?

– Пал Иванович! Не говорите глупостей! Продержимся до утра, там я схожу к начальнику экспедиции...

Речь его прервалась громким распахом входной двери. В комнату ввалились два сержанта:

– Кто здесь геройствует?

– А в чём дело? – спросил Раф.

– Нападение на медработника. Пройдёмте, это вы. Под описание подходите!

– Никуда я не пойду, я должен находиться с больным! – Здесь вмешался Павел Иванович:

– Раф, сходи к ним, объясни, что это недоразумение!

Раф подумал, что в отделении есть офицер, которому можно сделать заявление о пропаже Золотой Звезды. С этим предложением он подошёл к Палу Ивановичу, но тот не дал ему сказать, прервав его жестом. Потом он подержал его за руку и сказал:

– Всё перейдёт к тебе!

Сержанты уже стали теребить Рафа, начали тащить за рукав. Он сказал:

– Потерпите, Пал Иванович, я сейчас вернусь!

В УАЗике его довели до отделения. Там дежурил лейтенант, который сказал:

– А чё вы его привезли? Он же трезвый!

Милиционеры о чём-то коротко посоветовались и вынесли вердикт:

– Майор придёт, он и решит!

Рафа затолкали в обезьянник. Люди здесь в этих краях, видимо, задерживаются крутые. Каждый сидел в своей клетке. Одна из них выходила челом прямо в дежурку. Раф через решётку переговаривался с лейтенантом:

– Так скоро ли майор придёт?

– Наверное, утром.

Ответ был кратким. Раф понял, в какую ловушку он попал. Он сказал:

– Мне надо написать заявление о краже Звезды у Павла Ивановича! – Вот придёт майор – ему и напишешь!

К часу ночи суета в дежурке стала сходиться на убыль. Это было обыкновенное дежурство. Приходили какие-то теткы, жаловались каждый раз, что мужья их лупят, смертным боем. Таких героев милиционер называл "домашние боксёры". Последнюю женщину лейтенант вопрошал:

– Он с вами расписан? Он у вас в квартире прописан?

– Нет, и не прописан...

– Так выгоните его из своей квартиры!

Тётка тупо помолчала, а потом сказала:

– Его дети любят! Вы сходите, скажите ему, чтобы он не дрался!

Лейтенант, не смотря на молодость, был опытен. Он без перехода провозгласил:

– Сейчас, я пойду и посажу его на три года в тюрьму!

Тётка очень испугалась и быстро ретировалась, побежала получать накопившиеся тумачи.

Поздней ночью, Раф, привыкший на своей работе к ночным вахтам, не спал. Они с дежурным, с лейтенантом, лениво переговаривались. Потом тот стал пить жидкий чай и предложил Рафу:

– Хочешь? А впрочем, ты же не дебошир. Без паспорта, он всё равно в сейфе, не убежишь!

Он отпер решётку, и они стали мирно пить чай за столом дежурного. Раф рассказал свою историю. Лейтенанту про себя рассказать было нечего. Он рассказал про рецидивиста, который сидел в соседней клетке:

– Он месяц как освобожден с зоны, со строгого режима, без права покидать район Печоры. За это время изнасиловал двадцать женщин! Но об изнасиловании заявили только родственники жертв, мужья, родители. А сами жертвы требуют, чтобы насильник вернулся к ним! Майор в цейтноте, не знает, как поступить. Вот и ждёт ответ сверху. Держит его в камере. С другой стороны – полезный зверь. Его жертвы жратву кошёлками таскают, нам перепадает тоже кое-что. Вот сейчас мы с тобой чай с пирогом, с клубничным вареньем, пьём. Тоже ему пострадавшая принесла. Он отказался, говорит, что у него на клубнику аллергия. Эстет! Мать его так!

– А может, он женщинам не доверяет просто? Опыт у него могучий. Может, они ему в передачи какое приворотное зелье подмешивают, вот он и опасается. Три-пять тёток намешают, зелья прореагируют, пойдёт какое-нибудь возмущение в организме!

– А что бабы используют для приворота? – незадачливо спросил лейтенант.

Раф, оскорблённый, что его заперли незаконно, когда его товарищ там умирает, может быть, начал глумиться над невежеством лейтенанта:

– Ты не знаешь, что бабы подмешивают для приворота?

– Нет. Не знаю. Нам в школе милиции это не преподавали, кажись! – Свою менструальную кровь! Поэтому у баб не пей никогда красное вино, типа портвейн! У нас один дизелист выпил такой султыги, а потом на бельевой верёвке в бараке повесился, когда узнал, как она его присушила!

Лейтенант остолбенел потрясённый. Судя по красному цвету кожи его лица, он очень любил красный портвейн, особенно на халяву. Таких людей среди дворовых пацанов называют "портвейнисты". Они выпивают портвейн из горлышка в детской беседке, а потом издают крики, как Тарзан, бегая по дворовым кустам. Раф преднамеренно сбил с панталыку лейтенанта, который медленно укладывал клубничный трофейный пирог обратно в тарелку, с рвотной судорогой на лице. Раф воспользовался замешательством в рядах охраны и дерзко спросил:

– У меня там друг шибко болеет, отпусти до утра. Утром, до прихода майора, я вернусь!

Но дежурный уже опомнился. Этот эпизод напоминал момент борьбы с мухой. Когда муху сбивают в полёте, и она расправляет крылья на столе, а ловец пытается её уничтожить и при этом не испачкать слизью стол. Но муха уже оправилась от контузии и начинает неуверенно продолжать полёт. Вот так и Раф. Не успел он всего лишь только одно мгновение! Лейтенант зашёлся в крике, он на уровне подсознания кричал фразы, запавшие в голову, когда он служил в армии, а старики муштровали его в казарме. От психического шока, полученного тогда, эти фразы всегда всплывали в критические мгновения:

– А ну-ка, мухой! Чтобы я этого больше не знал! Обнаглел совсем, молодой! Пирожки мамины из жопы ещё торчат. Будешь у меня, как медный котелок! – смысл этих выкриков не понимал никто, но часто ими пользовались, как шумовым оформлением.

Раф тоже не растерялся и заладил на одной ноте:

– Ты чё?! Ты чё?!..

Славный у них получился диалог, но через минуту дежурный стих и они продолжали опять мирно пить чай, но уже без пирога, просто с сахаром.

– Этого сперматозавра и куревом биксы справно снабжают! – сказал лейтенант. Открыл стол и, вертя по очереди в руках разнообразные пачки сигарет, спросил:

– Ты куришь?

– Нет. Здоровье берегу!

– Ну, тогда пойдём, я тебе покажу этого зверя!

Лейтенант взял ключи, они прошли в боковой коридор, и он отпер последнюю камеру, отверзнув тяжёлую дверь, оббитую железным листом. Железо изнутри было набито дырочками-пупырышками внутрь камеры, чтобы заключённые не стучали кулаком в дверь. Стены камеры были оштукатурены "под шубу", очень рельефно, "Чтобы не стучали головой в стену? Может быть..." – подумал Раф. В камере на нарах, скинув с себя всю одежду, абсолютно нагишом, сидел здоровый мосластый мужик. Наколок у него было мало, и все они были не впечатляющие. Впечатлял его половой орган. Он был весь полностью, снизу доверху, набит шарами – пирсингом. Отчего член являл вид кукурузного початка. Возможно оттого, что он был армирован внутри этими шариками, он "стоял" постоянно и был огромных размеров, даже в пропорции с огромным мужиком, который угрюмо молчал, подперев голову рукой, упёртой в согнутую ногу. Узник в их сторону даже головой не повёл, очевидно, привыкши, что на него приходят посмотреть. Экскурсанты на него немного посмотрели, Раф оторопело, а дежурный с видом бывалого человека, который ещё и не такое видел, будто бы. Когда пришли назад в дежурную комнату, Раф спросил:

– А чего его не выпускают?

– Наверное, майор боится, что он до его жены доберётся. Тогда майору ловить будет нечего!

Так немного побалагурив, они разошлись спать, Раф в камеру, а лейтенант улёгся на лавку, на которой в другое время ожидают посетители со своими казусными вопросами. Эти вопросы временами бывают столь несуразными, что лейтенанту не позавидуешь. Вот если побили или ограбили, допустим, родственника прокурора, или секретаря райкома, здесь всё ясно – поступает звонок "сверху", дежурный высылает наряд, те хватают подходящих, обычно приезжих в поиске работы мордovorотов, и дело сделано! "Раскрыто по горячим следам!" – рапортует начальник РОВД. Все в этом случае в ажуре! Злоумышленники найдены, негодование удовлетворено, мордovorоты трудоустроены – хозяину на зоне хорошая рабсила подвалила. Все довольны! А случай с Рафом - совсем тухлый! Он молодой специалист, в несознанке. Упёртый по своей натуре, да ещё и хитрый.

Вначале сознается, чтобы не били на допросах. Потом на суде скажет, что его били и заставили подписать протоколы под давлением. Майор, пришедший утром, орал на всех подряд:

– Работать не можете! На фельдшера со скорой помощи работаете! А вдруг подадут заяву, что Золотая Звезда пропала? Зачем мне такой висяк с "голдухой"?

И он выпустил Рафа. Даже, вроде как, извинился.

Раф, у которого образ виденного ночью "кукурузного початка" от плохого сна ещё и увеличился в размерах, не стал качать права, опасаясь ударов дубинкой, которой поигрывал один из сержантов, и помчался в

заезжую. Комната Павла Ивановича была опечатана. Раф нашёл комендантшу в дальней комнате, пьющей чай в компании с кастеляншей. Он спросил с порога, не здороваясь:

– Пал Ивановича увезли в больницу всё-таки?

Взор Рафа выражал счастливое ожидание чуда.

– В морг увезли твоего Павла Иваныча, ещё вчера ночью! – путаясь, сказала комендантша.

– Как в морг? – оторопело переспросил ошеломлённый Раф.

– Да так! Зашла я разузнать про Звезду золотую, правда, что ли, её украли? А он уже начал остывать. Лицо стало восковое...

Дальше комендантша стала смаковать подробности. Раф уже не слышал её. Он взял свою так и не разобранный сумку и пошёл на автобус в аэропорт. С Печоры, кроме теплохода, можно было использовать для переезда "Ан-2", есть такой реликтовый двукрылый самолёт, который эксплуатировался по серьёзному и возил чуть ли не по пятнадцать человек. При этом мог летать очень долго без посадки, часов пять.

После обеда Раф был в городе, где окончил университет и стал инженером, тем Рафом, каким он был в настоящее время. Чтобы не блокировать себя в общении, он не пошёл к своим знакомым подружкам, которых у него было в изобилии, а подался в своё общежитие, где должны были уже начать возвращаться с практики студенты, учившиеся на курс ниже его, которые очень хорошо его

знали и уважали. По дороге он прихватил угощение и прошёл по коридору, прислушиваясь. Из-за двери несся шум, характерно до боли знакомый. Это спорили геологи, подогретые небольшой дозой спиртного. Раф вошёл без стука, как родной. Навстречу к нему потянулось весьма банальное словосочетание:

– ...и без охраны!!!

У многих отпрактиковавшихся студентов на лице проросла жиденькая борода, свидетельствующая, что они были "в поле". Теперь они вели беседы "бывалых". Случаи из практики чередовались без зазоров на антракт. На вопрос: "Ты как?" – Раф поведал, что он работает бурильщиком. Общество бывалых геологов не одобрило такое предательство чистой геологии и Рафа негласно записали в расстриги. Но он был тоже не лыком шит, поэтому сумел заинтриговать рассказом о том, что опытный буровой мастер был очевидцем светящегося объекта, после чего стал понимать, где находится залежь нефти, а где она отсутствует категорически! Это повествование получило горячую поддержку у без пяти минут геологов. Они единодушно согласились с существованием такого эффекта. Сразу посыпались гаммы примеров, что подобное рассказывали старые геологи и в случаях нахождения залежей руды. Дипломант Максим, с жидкой русой головой и нечесаными волосами, кричал самый веский аргумент:

– Вот геолог Попугаева, молодая девчонка, на практике открыла второе по величине в мире месторождение алмазов в Якутии – "Трубку Мира". Говорят, что ей тоже снизошло видение, она не стала его отвергать и предприняла поиски. Она настойчиво пробилась на практику в Якутию и обнаружила там кимберлитовую трубку. Стала известной на весь мир. Её именем назвали один из крупнейших алмазов, найденных человечеством – алмаз Мария. Назвали по её имени.

– А потом она ещё что-нибудь находила? – спросил Раф.

– Не-а! Она неправильно распорядилась своим даром. Больше ничего не искала. Мутная история! Факт только лишь, что перед открытием кимберлитовой трубки она видела светящийся шар. Она потом ссылалась на этот феномен. Но знаете ведь как в нашей науке?! Стали причислять к мракобесию, к увлечению оккультизмом и прочие

ярлыки вешать, чтобы успешно разделить успех открытия без неё. Опасно на серьёзном уровне увязывать видение свечений и научных открытий. Могут дать по ж...пе! – закончил Макс.

Раф сильно призадумался. Он всё намеревался спросить:

– Не опасно, вернее, не так же опасно, владеть уже вторично даром обнаружения месторождений?

Но он опасался открываться малознакомым парням. Могли и на смех его поднять, если заподозрили бы что-нибудь. Тем более что у компании шла бурная дискуссия на тему: "Может ли человек "своим паром" догадаться о чём-либо? Или это посыл сверху?" Примеры приводили каскадами. Говорили, что нацисты во время подготовки к войне общались с "высшими материями", снаряжая экспедиции в Гималаи. Что не мог Циолковский, сидя чуть ли не в деревне, предсказать космические ракеты. Леонардо да Винчи, ещё до средних веков, нарисовал вертолёт.

– Всё это было посылом сверху! – уже единодушно кричали геологи. Особенно хорошо выдал очкарик с длинными патлами:

– Только этот посыл сверху не разрешает летать в Космосе далеко. Уже десятки лет болтаются космонавты по Малому Космосу, по пространству между стратосферой и Поясом Лагранжа. Там есть такой слой, промысел божий, где низкая радиация, из-за магнитного поля Земли. А выше – радиация Космоса всё убьёт!

Но проблема геологии их всё равно волновала больше всего, и они начали рыхлить эту проблему:

– Вот для чего человечество заглядывает куда-то в глубины Вселенной, за сотни световых лет, куда никто никогда не долетит, а под ногами Землю на десять километров расковырять не могут? – выдал тезу Макс.

– Почему не могут? На Кольском на одиннадцать километров пробурили! – пошла антитеза от пятикурсника в очках.

– Так это частный случай. Притом они бурили нечестно. По базальту. Базальт он и есть базальт, идёт однородный по всей глубине, и всё. Вернее всего, это баталит. Всё одно, что в торец столба сверлить, пытаюсь узнать структуру дерева. Надо расковырять где-нибудь в Прикаспийской впадине, где осадочные породы залегают

глубоко. Кроме этой Кольской, проковыряли возле Астрахани семь с половиной тысяч, и всё!

– Да что про твёрдую Земную кору. Даже то, что в пучине Океана, мы не знаем! Никто не видел, что там происходит. Неизведанные места! Ну, спускался батискаф туда. Ну, нырнул водолаз в Мурманске на полкилометра без малого. А глубина океана до одиннадцати километров. Выходит, он нырнул один раз на ноль тридцать пять сотых глубины океана. Да и что он там мог видеть? У него, я уверен, от давления глаза повылазили. Потом, наверное, его три дня спиртом отпаивали! Скафандры для космоса конструируют, а исследовать океан – времени нет! Что Космос? Под дном моря – полезные ископаемые. Англия вон как поднялась на нефти в Северном море, аж весь свой знаменитый уголь марки "Кордиф" добывать бросила!

– Очевидно, существует запрет сверху. Наверняка не дано людям изведать, что у них под ногами. Что там мы бурим? В масштабе Земного шара – это если домашний комар слона в ж...пу ужалить попытается! А в океан нырял наш глубоководный комплекс "Мир", немного, правда – сделал резюме Раф. – Где вы меня спать определите? Что-то сорвался я не по делу с Печоры. Надо ещё одного хорошего человека похоронить.

На этой скорбной ноте все разошлись спать. Утром Раф, помчался в аэропорт и улетел в Печору. Подружек своих он даже не проведаль. Постоянной невесты у него не было, а обходить претенденток по очередному кругу он не хотел. У пятикурсников-геологов он получил подтверждение своим догадкам про то, что научное открытие не даётся человеку в процессе труда-познания науки, как дом из камня выстроить или ковёр вы ткать. Для обнаружения такого достояния должен быть посыл сверху!

Глава 12

На буровой у бурмастера Фархада дела с бурением совсем не шли. График проходки отставал от плана-графика и клонился всё ниже и ниже. Он почти приблизился к горизонтальной оси и напоминал графически отображённый рельеф равнины. Фархад очень страдал от этого, весь в ожидании очередного раздалбона от начальников. Его бы давно выгнали с должности, но с кадрами в такой экстремальной экспедиции была большая напряжённость. Никто не хотел идти в такую малопrestижную контору, а если кто-нибудь вырастал из своих специалистов – его тут же переманивали на сторону. Вроде бы простоев значительных на буровой установке у Фархада не случилось, и деньки стояли хорошие. Не то, что в ноябре-марте, когда мороз давит, или в межсезонье, если дождь льёт обложной и настроение буровиков упадочное. Как считал бурмастер: "Просто наказание какое-то, а не скважина! Какой ещё ей экскиригент сделать?" Он ужасно путал буквы, но любил применять иностранные слова. Сейчас он говорил про "эксперимент": "Ну, я ей покажу экскиригент!"

Он становился за пульт управления вместо бурильщика, и начинал газовать дизелями, развивая бешеные обороты ротора. Это действие напоминало его опыты, когда он кричал: "Она сама должна найти свой синтра!" – что обозначало, что ловильный инструмент должен сам найти свой центр. В этот раз "экскиригент" тоже не удавался. Все буровики также не понимали причину отсутствия проходки. Только они почему-то Фархаду не сочувствовали, но и не злорадствовали. Они злопамятно не могли простить ему, что он вмешался в процесс перегонки и не дал им допить комариную мазь.

– Сколько добра перевёл! – постоянно сокрушался Сапог, и закуривал новую "беломорину".

Курить на буровой запрещалось. Однако курили все и всегда. Главное, чтобы начальники этого не видели! Некоторые молодые буровики догадывались, что проходки нет из-за плохого бурового раствора. Раствор был совсем никакой, турбобур от этого вяло работал. Но на буровой была строгая вертикальная иерархия, молодые голоса не имели. Сам бурмастер об этом упущении не догадывался, он считал, что раствор – дело пятое. Он приходил на

установку, отеснял бурильщика, страшно газовал и матерился ещё страшнее. Молодой помбурильщика Ашот, выпускник нефтяного техникума, которого все звали только "Армян", пробовал что-то сказать про раствор. За что в ответ услышал от Фархада многоэтажный мат и эпитеты-советы:

– Молодой ещё! Зелёный! Пойди, сопли собери, а потом про растворы рассуждай!

Ашот, чтобы прогнать с души тему о том, как нанесли ему обиду, угасив его профессиональную инициативу, обратился к слесарю Валере:

– Валера, вот тебя тётки вон как все любят!

Валера не баловал никого разнообразием ответов, он монотонно сказал:

– Я же дрочу!

– А говорят, что у тебя в член шары забиты!

– Слушай их! Я вбил прошлой зимой. Два сбоку, а сверху "фару".

Мотороллер называется. А потом, когда зажило, пошёл в баню, сдрочил, а шары все в руку и высыпались! – Валера махнул рукой и закончил своим обыденным приговором. – Всё испортил!

Слово "испортил" тоже было фирменное слово Валеры. В его словаре наиболее употребительными были: "Сдрочил!" и "Испортил!" В остальное время он всё больше молчал. Но Ашот был малый въедливый. Он внутренним чувством услышал, что Валера пошёл с ним на контакт, и стал уговаривать, что бы тот вбил и ему в член шары. Как тот вбил себе в прошлом году. Валера долго помолчал, а потом задал вопрос, какой и следовало от него ожидать:

– А тебе зачем, дрочить?

– Что ты! Есть на выходных у меня одна баба сорок лет. Никак её не могу пронять!

– Ладно. Вытачивай шары. И марганцовки у медички возьми. Отвёртка у меня есть!

Через полчаса вся буровая знала: "Валера будет Армяну вбивать шары!"

Ашот носился по всем комнатам двух барачков, только к Фархаду не заглянул. Он выпрашивал у кого зубную щётку на сам шар, который делается из ручки щётки, у кого наждачную бумагу для шлифовки. Через три дня у него вроде бы всё было готово. Он с утра стал тормозить Валеру:

– Ну, давай, ты же обещал!

– Подожди, дай хоть сдрочить! – следовал ответ, у которого вариантов по разнообразию словаря не было, только "сдрочить".

Наконец, когда отвёртку прокипятили в марганцовке, Валера, держа большой молоток в могучей руке, пошёл с Ашотом в баню, в ней, нетопленной, предполагался основной плацдарм операции. Весь посёлок переживал и стоял на крылечках барачков в томительном ожидании. Вдруг из бани раздался вопль Ашота:

– А-а-а!

И тут же он сам выскочил из бани, держа двумя руками высунутый из ширинки окровавленный свой член, вопя одну и ту же букву "а" не переставая! В такой неудобной позе, с членом в двух руках, он относительно быстро мчался в сторону жилья медсестры. Всё знали, что у Валеры спрашивать чего-нибудь бесполезно. Тот шёл следом, держа в окровавленной руке молоток, а в другой, тоже окровавленной, отвёртку. Отвёртка была особенно устрашающей. Она была сделана из выхлопного клапана дизеля путём горячейковки и по размеру годилась бы у лошадей подковы срывать. Конечно, от Валеры болельщики подробностей не добились. На все многочисленные вопросы, он лишь ответил:

– А-а-а, мудака Армян, испортил!

Но что испортил, при каких обстоятельствах и прочее от Валеры добиться не удалось. Всё рассказал сам Ашот, когда через полчаса вышел от фельдшера. Всё было так: Валера предложил Ашоту уложить член на полку, на котором парятся. Затем достал свою отвёртку из раствора марганцовки и решительно прибил член к доске полка! Ашот с воплем выдернул отвёртку сам и умчался прочь! После этого случая никто к Валере с подобными просьбами не обращался. Он теперь в одиночестве покуривал "Беломор" и молчал себе, что доставляло ему большое удовольствие.

За этими коллизиями наступил момент, что к Фархаду приехала жена. Она постоянно проживала в Башкирии, а вот приехала проведать его. На буровую её в списки отлетающих не записывали, вернее, она сама сильно не стремилась. Она устроилась у какой-то землячки знакомой в городке, где стояла база экспедиции и каждый день названивала Фархаду по радиации с бурсклада, чтобы он приезжал. Начальство, за неимением подмены, не отпускало Фархада на отгулы. Наконец, наступил день, когда жена протелефонировала, что она уже собралась уезжать, и если он не приедет её проводить, то возможно на этом их семейная жизнь закончится. Фархад стоял перед выбором. Наконец, он решил рискнуть. В это время на буровую приехал участковый технолог, он попросил передать за него сводки и намекнуть, что, дескать, бурмастер в запое. А тем временем Фархад слетает на денёк, увидит жену и вернётся:

– Буквально на одни сутки! – увещевал он технолога.

Технологу хотелось хоть денёк побыть бурмастером. Испытать себя, и может начальство заметит! Он сказал:

– Ну, ладно! Только я тебя не отпускал! Просто не знаю где ты и передаю сводку. Допустим, пошел на рыбалку и приبلудил!

– Отлично придумал! – вскричал Фархад и стал собираться.

В сборы входило: взять у поварихи говядины тушёной в банках для передачи на большую землю. Там из неё суп варили, во времена тотального дефицита.

Тем временем на буровой проживала у помбура Листа гражданская жена. Звали её Маша. Он увёл её у мужа, который работал водителем на машине "Урал", и, наверное, плохо исполнял супружеские обязанности. Это остаётся невыясненным. Был лишь факт, что она приехала на буровую с Листом, привезя с собой домашние причиндалы: посуду, магнитофон и всякий скарб. Её приезд произошёл, все считали, потому, что у Машиного нового возлюбленного были забиты два шара, ещё с зоны. Лист самозахватом занял полвагончика, и началась у них весёлая семейная жизнь, с пьянками и воплями. Каждые два дня Лист устраивал развод. Во время этого спектакля из вагончика летели вещи, а главное, магнитофон. Что интересно, он потом после включения опять играл музыку! В конце всей этой эпопеи, спустя многие месяцы, по буровой

ходили в обиходе серебряные вилки и ложки, как руководящие ископаемые этой семейной жизни. Потом одна рачительная кочегарша сумела их постепенно изъять и аккумулировать. В тот день, когда Фархад уехал, открыли фляги с брагой, замолодили брагу одеколоном и пошло веселье! К вечеру у Листа был очередной развод: летели одеяла и посуда из вагончика на улицу! Названная жена Листа, Маша, бегала по вагончикам и пряталась от побоев. На этот раз для пущей маскировки она спряталась у помощника дизелиста Пети. Лист в процессе обхода вагончиков обнаружил ещё одну укрывшуюся от общества компашку, распивающую брагу. Он припал к ковшу, а потом насовал в морду хозяину браги за то, что тот не позвал его, Листа, на распитие фляги сам, и на этом успокоился. Коротая время с Петей, жена Листа Маша стала говорить молодому дизелисту:

– Вот, бросила из-за этого рецидивиста семью, ради нашей любви! А он, гад окаянный, не успокоится никак, лупит меня каждый день, считай!

Чтобы поддержать жертву Листа, Петя стал подбадривать Машу, которая от побоев, казалось, растолстела ещё больше:

– Ты красивая! Если бы я был твоим мужем, я бы тебя не бил! Я бы тебя любил!

Ещё он говорил ей что-то в том же темпе. Через какое-то время Маша вышла из укрытия и пошла в свой вагончик. Там уже дремал Лист. Хмель в голову от бражки бьёт сонливый. Маша, чтобы разбавить пустоту общения, стала выговаривать ему в форме лёгкого, косвенного укора:

– Ты меня совсем не любишь! Бьёшь, как собаку! Вот Петя, он говорит, что если бы он был моим мужем, то он бы меня не бил! Он бы меня любил!

Тут на последних словах до дремлющего рецидивиста стало доходить, о чём говорит его гражданская жена, ради которой он променял свою свободную холостяцкую жизнь! Сон как рукой сняло. Он вскричал:

– Что-о-о! – и стал наносить Маше удары кулаками по мягкой, жирной спине.

Может, Листу поэтому нравилось лупцевать Машу, что жировой горб у неё был знатный, и руки при ударах не отбивало. После проведённого раунда, запыхавшийся боец перекурил, допросив основательно Машу, размазывающую соплю со слезами на кулак, и пошёл к Вите-слесарю в соседний балок. Он сказал ему:

– Витя, дай ружьё на охоту сходить!

– Бери, только патронов мало!

– Мне даже один хватит! – с этими словами Лист взял дробовик и пошёл в вагончик, где жил дизелист Петя.

Петя после пережитого разговора лежал под одеялом и о чём-то мечтал. На соседней кровати, укрывшись с головой, спал помдизелиста Вова Фёдоров. Лист ввалился, как кинутая в окно граната:

– Ты что ли, Машку обещал любить? – сразу спросил он Петю.

– Она... Я... Ты неправильно понял! Я хотел сказать...

– Знаю, что ты хотел сказать! – Лист загнал патрон в патронник и протянул ружьё Пете. – На, стреляйся сам, иначе я тебя зарежу! – Лист уже достал большой нож и угрожающе держал его в руке.

Петя взял ружьё, испуганно приложил его к груди и стал давить на спусковой крючок. Ружьё не стреляло.

– С предохранителя сними!

Петя двинул фишечку предохранителя вперёд, и, уперев ружьё в грудь своими длинными руками, нажал на спусковой крючок. Грянул выстрел, Петя выронил ружьё из рук. Лист вышел на улицу, делая гримасу оттого, что комнатка наполнилась горьким дымом. Вова Фёдоров продолжал делать вид, что он крепко спит. Потом, когда прилетел следователь, он так и сказал, что он крепко спал после работы и ничего, абсолютно ничего не слышал! А пока Лист пошёл к слесарю и сказал:

– Иди, забери своё ружьё, там Петя из твоего ружья застрелился!

Когда слесарь пришёл, Петя был ещё жив. Длина ствола не позволяла, как следует навести на сердце дуло, поэтому заряд пробил грудь выше сердца. Петя всё время при перевязке стонал и просил

пить. Санитарный вертолёт пришёл быстро, но его до больницы уже не довезли. Лист сказал:

– Я зашёл за патронами, а он взял ружьё со словами, вроде как его патроны не подойдут. Ну, и решил прикинуть, что к чему. Стал ружьё разглядывать и бабахнул в себя!

Вова Фёдоров сказал:

– Я спал и ничего не слышал!

Следователь написал: "Самоубийство". На этом всё дело и закончилось. Маша спешно ретировалась вместе со следователем, побросав на поле боя все домашние причиндалы. Этот домашний скарб долго потом ходил по вагончикам и напоминал об этом случае.

Факт, что на буровой в это время не было бурового мастера, имел мощный резонанс. Фархада сняли с должности, даже не истребовав объяснительную записку. Он прибыл на буровую как бы вещи собирать, но за неимением замены продолжал нести трудовую вахту, чисто номинально. Из-за такой быстрой смены обстановки замену найти не удавалось. Был при буровой помощник мастера, некий Коля – человек абсолютно бездарный, поставленный помощником "по звонку", после окончания техникума. Причём, техникум он окончил в уже позднем возрасте, поступив в него уже после армии, но от возраста острота мышления не добавляется. Сейчас он был в отпуске где-то на юге, и докликаться его было невозможно. Фархад слепо уверовал, что его снятие с должности было не финалом череды событий, а досадной случайностью. В душе он полным виновником считал Листа, но при встрече с ним заискивающе пожимал руку, справлялся о здоровье. С остальными обитателями буровой он позиционировал себя как жертву и если кто попадался ему в тупике, когда быстро скрыться не удавалось, Фархад начинал нудную повесть своих мемуаров. Он рассказывал всем, как он феноменально бурил скважины, причём летопись начинал с очень дремучего года. Слушатель даже отстранялся и с недоверием оглядывал повествующего: "А жил ли он уже, в освещаемое рассказом время, этот сказитель?" Это недоумение не смущало Фархада, и он забирался в историю всё глубже, упоминая глубины скважин, которые и при современной технологии достигнуть весьма сложно. В процесс бурения он теперь совсем не вмешивался,

бурильщики, стремясь как бы доказать, что роль бурмастера в прошлом была только вредна, стали бурить усерднее. Фархад только лишь с видом, что он делает одолжение, передавал сводки. Изредка, если бурильщики просили настойчиво, передавал заявку. От скуки он тосковал. Места на буровой такие, что ничего не украдёшь в хозяйство, домой. Много ли вывезешь в ручной клади на вертолёт?

Повариха Бабаяга, увидев поверженного начальника, совсем озверела. Порцию, как бы стремясь компенсировать усиленные порции, когда тот находился у власти, она нещадно урезала. Может, когда человек бездельничает, у него аппетит гипертрофирован? Но, несмотря на все допуски, Фархад ходил постоянно голодный. В обед он забрёл на кухню. Бабаяга, видя безвластие, совсем распоясалась. Бражку она пила постоянно и её состояние очумлённости было привычным. Сегодня она или самогон выгнала, или выменяла тушёнку на водку. Как бы то ни было, она была пьяная, как матрос с "Победоносца". Фархад встал в очередь и стал, как и все, наблюдать за манипуляциями пьяной женщины.

Только вчера завезли свежие продукты вертолётном и такой джокер: "Продуктов совсем не осталось!" Бабаяга суп сварить не успела, или не сумела и поэтому, предвосхищая матери в свою сторону, распорядилась на варёную колбасу, которую в другие времена, или будь на её месте другая повариха, заначила бы, а потом выдала кому-нибудь по благу. Колбаса была толстая, диаметром с огнетушитель, в натуральной оболочке и весьма аппетитная с виду. Бабаяга изображала из неё "второе", пытаясь пожарить неровно порезанные кружки. Сковородку во всём бардаке на кухне, который она за несколько дней успешно организовала, она потеряла. Поэтому она бросала колёса колбасы прямо на раскалённые конфорки, нагревала их. Потом эти колёса бросались на слипшуюся, вчера сваренную лапшу второго сорта, и повариха оглашала приговор:

– Рубль!

Эта была средняя цена обеда в столовой. Некоторые пытались возмущаться:

– А где компот?!

Но голодные задние не давали критиковать действия Бабаяги, опасаясь, что повариха, которая бегала в подсобку, время от времени

и хлебала там бражку, рухнет. Тогда возможность пообедать будет совсем утеряна, повариха была материально-ответственная, без неё банковать на кухне никто не решился бы. Все молчали. Жрать-то хотелось! Повариха, совсем охамевшая от безнаказанности и подпертая водами выпитой бражки, вдруг сказала:

– У-ух-х-х! Ссать хочу!

Она выдвинула из-под стеллажа ведро с кустарной надписью "компот" красно-коричневой половой краской по грязно-белой эмали. И, не имея трусов, накрыв подолом ведро, стала журчать, присев при этом! Волна возмущения прокатилась по очереди! Народ всюю роптал:

– Ложкомойка совсем ох...ела! Пи...да старая!

– Посадить её ж...пой на печку и эту же парашу на голову надеть!

Один Фархад торжествовал: "Вот, меня убрали, и порядку не стало!" – думал он.

Повариха встала с ведра, перекинула языком окурок "Беломора" из одного угла рта в другой и понесла на всю очередь, но, зная правила боя, не кричала безадресное, а выбирала конкретную жертву и начинала на него выпускать заряды брани:

– А сам напился до белой горячки на семьдесят восьмой, санрейсом отправляли! Х...еглот ё...аный! – И уже обращаясь к следующему. – Что-о-о! У тебя жена ё...ётся, а ты и х...ем не шевелишь! – И к третьему: – У тебя дочка бл...дь, сын в ж...пу е...ётся и сам ты в ж...пу е...ёшься!

Так она расстреливала всех по очереди, и митингующие по одному замолкали. Через десять минут она управилась со всеми. Создавалось впечатление, что она и фарс с ведром устроила, чтобы возбудить молчавших мужиков, которые глядели на её кренделя без возмущения. Последнего из всех расстрелянных она атаковала молчавшего Фархада, случайно остановив на нём взгляд:

– А ты, х...й горбатый, пропил должность, а теперь п...здишь тут не по делу! С бабами-то легко воевать! Ты пойдешь начальство х...ями огрей, ё...аный ты монгол!

Ошарашенный, молчавший до этого, Фархад стал оправдываться:

– Да я не пи...дю, то есть, не пи...жу! – Путался он, я поесть пришёл только!

– Иди, я тебе кец колбаски подрежу, покруче! – пропела внезапно подобревшая Бабаяга. Наверное, последний ковш браги, наконец, удачно улёгся на её похмельную душу. Она отхватила ему толстую коляску от батона колбасы, брякнув:

– Рубль!

И дело пошло! Колбасу повариха больше не грела на конфорке. Она на глаз отрезала, в зависимости от степени симпатии к получателю, толще или тоньше. А может, у пьяной женщины, если её можно было назвать женщиной, рука гуляла, и глаз не мог точно разметить. Но со всех она брала по рублю. Фархад свой кружок колбасы съел в бурдомике со сладким чаем и был жизнью почти доволен. Тем более что лето катилось к концу, комары почти не жалили, а к мошке, если смотреть философски, можно привыкнуть. Мошка не жалит с лёта, как комар. Комар – он летит, вроде бы, с обнажённой шпагой и не успев сесть – втыкает жало. Мошкара же долго ползает по телу, как бы выбирая место для укуса получше. И она этим чем-то напоминает человека.

Фархад, изредка потирая место, где уселась мошка, смотрел в окно. В сапог к нему пробралась одна особь наиболее вредной мошки и грызла ему ногу, обёрнутую портянкой из байкового одеяла. Существовало мнение, что в байковых одеялах заводятся вши, поэтому их для укрывания на кровати не использовали, только рвали на портянки. Мошка назойливо елозила под портянкой и грызла ногу. Раздавить её через сапог было невозможно. Терзаемый укусами, Фархад не хотел разуваться и терпел укусы, мошка кусает многократно. Он был увлечён действием, происходившим за окном. Окна бурдомика всегда выходят на ворота буровой, другими словами, стоят на оси мостков, такого возвышенного на металлической ферме мощного настила, по которому затаскивают трубы внутрь буровой. Ещё с весны всю территорию тундры вокруг буровой в радиусе ста метров размесили тракторами. Мерзлота оттаяла и теперь территория стала непролазной даже для болотных тракторов. Для дальнейшего

заглубления скважины, возле вертолётной площадки хранились привезённые на внешней подвеске вертолёта "Ми-6" бурильные трубы. Чтобы их доставить до скважины, предстояла самая трудоёмкая часть работы: дотащить до буровой, до мостков, по непроезжей грязи. Трубы дотаскивали болотным трактором до некоторого рубежа, а потом канатом затаскивали на мостки, наматывая этот канат прямо на подъёмный барабан буровой лебёдки. Утром тракторист на болотный трактор прибыл новенький. Он был убеждён, как его учили в школе трактористов, что болотный трактор проходит везде! Помбуры – люди с юмором. "Давай, давай!" – подначивали они его. Все, в основном, были оптимисты и мечтали:

– Вдруг трактор и вправду пройдёт?! Тогда канат таскать не надо будет. Вдруг такой волшебный тракторист нам достался!

Прежде, чем трубы затащить на мостки, надо было доволочь до них канат, за который их тянут. Канат был тяжёлый. Тридцать два миллиметра в диаметре, стальной, со стальным сердечником. Тащили его всей вахтой, всемером, с перекурами. Торфяная жижа доходила выше колена, хотя помбуры с канатом шли по краю оттайки. Мошकारа при такой работе просто буйствовала! Помбуры дышали тяжело, и отдельные особи мошки залетали им прямо в трахеи. В это предосеннее время комары уже должны были кончиться, но именно во время такой работы появлялись их маленькие тучки. Комары тоже досаждали сильно. Летом комары, особенно в полосе лесотундры, одолевают людей так, что некоторые буровики с благодарностью вспоминают зимний мороз, лишь бы комаров не было! Тракторист болотохода, не мудрствуя лукаво, пошёл направлением прямо на мостки. Трактор споро погрузился в коричневую жижу и уже через полминуты беспомощно молотил гусеницами болотную жижу. Тракторист быстро переключил реверс и так же безуспешно помолотил гусеницами в заднем направлении. Видя тщетность своих попыток, он выглянул из кабины. Даже верхнее полотно гусеницы скрылось под коричневой кашей, что не побуждало тракториста выйти хотя бы на гусеницу. Помбуры стали дружно посыпать его эпитетами, каждый кричал: "Я же говорил!"

Сапог вынес вердикт, чем прекратил все эти "Я же говорил!":

– Сам врехался – сам и вытаскивай свой луноход!

Эта была очередная уловка для нетундровых трактористов. Каждый тундровик знал, что болотоходы самовытаском не выходят, так могут выйти только, максимум, полуболотники. Тракторист, дорожа своим будущим авторитетом, прыгнул прямо в жижу в своих кирзовых сапогах и погрузился в неё выше колена. Пытаясь руками поймать хотя бы полувязкий субстрат, он согнутый побрёл к стоявшему неподалеку покосившемуся сараю. Там он нашёл два недлинных бревёшка и два куска двенадцатимиллиметрового троса. Эти предметы он перетаскал к трактору и стал подвязывать брёвна к гусеницам. Помбуры в это время заняли роль зрителей и упражнялись в остроумии:

– Со штанов ремень используй!

– Изолентой примотай!

Шутки были незлобные, но для тракториста обидные. Он промок уже до последней нитки, и ему было не до состязаний в остроумии. Он сел за рычаги, трактор после всех его стараний с подвязыванием брёвен к гусеницам дёрнулся, но остался на месте. Наконец, в дискуссию ввязался бурильщик, он рявкнул на всех:

– Кончай цирк! Нарращиваться надо, а ни одной трубы на приёмных мостках нет!

Помбуры, страшно матерясь, дотащили канат почти до трактора, но дальше было уже глубоко. Они кинули верёвку, привязанную одним концом к петле каната, трактористу со словами:

– Тебе всё равно терять нечего! Ныряй сам!

Тракторист, стоя на гусенице, подтянул канат поближе, помбуры помогали ему, канат был очень жёсткий, его можно было толкать, как гибкий вал. Тракторист погрузился в болотную жижу по шею и зацепил канат за передний крюк. Бурильщик потянул лебёдкой на подъём и трактор, помогая себе гусеницами, выполз сбоку от мостков. Так он и остался стоять там до заморозков. Его потом использовали вместо мертвяка, если груз надо было подтащить сбоку. Тракторист в тот же день слёг, и его на другой день увезли санрейсом с пневмонией вертолётном на базу.

Глава 13

Чувство угрызения совести терзали Рафа. Он трезво осознавал всем своим разумом, что уехал от Павла Ивановича, когда тот был уже почти покойник, и он ничем ему уже помочь совершенно не мог! Но никакие оправдания, что его задержали в милиции, не могли остудить чувства вины, переходящего уже в комплекс, что он бросил его. Не помог.

Хотя Павел Иванович относился к нему как к сыну, а он его подвел в тяжёлую для того минуту. Не спас от гибели. На рейсовом автобусе он добрался до конторы экспедиции, где работал последние свои дни Павел Иванович. В экспедиции Раф пошёл прямым ходом в профком. Председатель профкома была противная тётка с лицом-репкой, обрамленным химической завивкой крашенных дешёвой краской волос, причём дешёвой не только в смысле цены, а и в плане оттенка. Она при появлении его вскричала паническим голосом, кривя маленький накрашенный ротик с маленькой верхней и жирной нижней губой:

– Вы кто?!

– Я по поводу похорон Героя Соцтруда...

– Вы – родственник, сын? – Не дала ему договорить профсоюзный деятель. – Ваша сестра сейчас находится в бухгалтерии, похоронные деньги получает!

Раф не стал уточнять свою степень родства, чтобы не сбить истерическую общественницу с толка, лишь спросил:

– Когда похороны?

– Давно бы похоронили, да вас, родственников, ждём! Ваше благородие! Отец умер, а они и не торопятся!.. – пошла тётка "внакат", ёрничая и нарушая все правила деликатности.

Раф не стал бодаться с хитрой, стервозной председательшей профсоюза. Тётка, как все деятели месткома, прикидывалась дурой, а свой интерес чётко отслеживала во всей деятельности профсоюза. Бодаться с такой фурией Раф инстинктивно не хотел. Он быстренько по коридору нашёл бухгалтерию. Только потянулся к двери, как она открылась и из неё вышла очень даже симпатичная, непривычно

элегантно одетая для этих мест, девушка. Они замерли друг напротив друга, глядя в глаза. Трудно оценить, какое время длилось это противостояние, но обоим показалось, что между ними проскочил сигнал. Про Рафа трудно было сказать, что он поражён красотой, но девушка была очарована встреченным молодым человеком. Раф, конечно, нашёлся первым и сказал:

- Я вас ищу!
- Вы представитель экспедиции?
- Нет, я друг вашего отца. Его ученик!
- Да-а-а! У папы были ученики. Я знаю.

От этих уверенных знаний она не стала расспрашивать, что, где и как этот красивый парень был учеником папы. А тот уже представился:

- Рудольф Фомин. Но все зовут кратко "Раф".
- Можно, я вас тоже так буду называть? Вам идёт, - и, получив согласие, представилась. – Вера!
- Очень приятно! Вы очаровательная девушка! Если бы я вас не встретил, я бы думал всю жизнь, что таких не бывает!

Девушка и впрямь была очаровательной: у неё были густые, волнистые волосы, белая кожа лица, чёрные глаза, правильные черты лица и масса всяких других преимуществ.

– Тем не менее, – продолжил Раф, – я вам соболезную и готов оказать любую помощь в нашем скорбном деле!

– Спасибо за соболезнование! Я папу очень любила! За предложенную помощь спасибо, я приму её с благодарностью. Я никогда не сталкивалась с подобными делами. И вдруг оказалась одна перед свалившимися заботами. Мама заболела, брат в отъезде...

Раф про себя, не произнося вслух, подумал: "Сынишка в свадебное путешествие ушпорил!" Вера продолжала скороговоркой – она нечаянно встретила сочувствующего человека, и информация полилась из неё ворохом:

– И город для меня незнакомый! Здесь все люди такие страшные! Не в плане, что внешность страшная, а я их просто как-то боюсь, внутренне!

Вера, которая впервые за этот день встретила человека, говорящего "спасибо, пожалуйста..." и так далее, не могла остановиться и всё говорила и говорила. У Рафа даже стало закрадываться сомнение: "Уж не болтуня ли она? Или ещё хуже – сплетница. Вот не повезло..."

Но всё было не так страшно, как думал Раф. Вера, выговорившись, в конце концов, замолчала и извинилась за многословность:

– Вы уж извините за весь сумбур, что я вам наговорила! Встретила нормального человека, и нервное напряжение у меня просто прорвало!

– Не беспокойтесь! Я вас глубоко понимаю! Давайте обсудим, что нам надо делать?

– Я всё плохо помню, весь порядок дел. Мне председатель профкома столько наговорила! Я помню только, что вначале надо идти в прокуратуру и получить свидетельство о смерти, а потом – полный сюрреализм: надо идти в исполком, выбивать справку на получение каких-то продуктов по льготному списку... В общем, дальше всё непонятно!

Раф подумал о перспективе идти к криворотенькой профкомше, и та станет командовать, что Рафу надо делать в ближайшие дни?! В сердцах он тоже высказался Вере:

– Профсоюзы, это такая хитрая система – школа коммунизма, они обируют всех трудящихся на взносы, без всяких поблажек. Даже не исключая сильно блатных, и с тех снимают взносы. Но путёвки в санаторий, квартиры, автомобили и все прочие блага социализма делят строго между своих!..

Тут Раф понял, что у него "предохранительный клапан сорвало", и положение надо спасать. Он, притронувшись к руке Веры, сказал:

– Подожди-ка, я сейчас, – и рванулся в кабинет начальника экспедиции. Там он выдал такую речь, что сам потом собой восхищался. Если привести тезисно, это было так:

– Умер Великий нефтяник! Вы на примере, как оказываются почести Героям Труда, должны воспитывать молодёжь. Чтобы молодые буровики шли к новым трудовым свершениям!

Начальник экспедиции на мгновение ока опешил, но сразу быстро врубился, что этот решительный молодой человек может сообщить всё это где-нибудь в обкоме. Начальник был чуткий на неприятности индивид и решил пойти вопреки советам профкомши – та советовала ему пустить мероприятия похорон на самотёк:

– Есть родственники – пусть и хлопчат!

Начальник, не выпуская Рафа из кабинета, вызвал нужных подчинённых, и работа закипела! У Рафа и Веры руки были развязаны. У них образовалось время заняться друг другом. Вера, как женщина с присущей ей чувством заботливости, поинтересовалась:

– Ты где остановился?

После "рывка" Рафа, они с Верой незаметно, органично, перешли на "ты". Раф пока не остановился нигде. Пробиваться контрабандой в общежитие-заезжую он посчитал неприличным. Поэтому, ноги сами привели их в гостиницу, где уже жила Вера. Её туда устроили по звонку из управления экспедиции, по брони. Рафу же сказали стандартное:

– Мест нет!

Вера была девушка решительная, она заявила:

– Я живу в двухместном номере одна, поселите его ко мне!

Раф с восхищением посмотрел на неё, администраторша, матрона с разрушенной фигурой, категорически заявила:

– Разнополых селим только, если они близкие родственники, с документальным подтверждением.

– Мы и есть близкие родственники! – воскликнул Раф.

– Где документальное подтверждение?

– Вот такое подходит? – спросил Раф и протянул паспорт с вложенной купюрой, номинал которой соответствовал дневному заработку администраторши.

Та заглянула в паспорт секретным способом, под своим прилавком, и вернула его уже без купюры:

– Подходит! Заполняйте анкету.

Закончив все формальности с поселением, молодые люди пошли бродить по городу. Теперь над Верой не висел весь этот груз – заказывать гроб, могилу и прочие условности, без которых погребение невозможно. Всё эти обряды были придуманы, когда-то людьми древней цивилизации, чтобы показать могущество своего клана. Теперь это иногда применяют тоже члены больших кланов. Но лихие люди от погребального бизнеса, извлекая из этого антуража сверхдоходы, внушили обществу, что всех подряд надо хоронить с набором-минимум услуг. Дабы в промежутках между похорон значительного бонзы похоронный бизнес не увял. Особенно в хранении традиций стараются любители выпить на халяву. Самое универсальное у них выражение: "Покойник тоже любил выпить!" Под этим лозунгом, были случаи в истории, опохмелялись все сорок дней насквозь! Средства для таких возлияний извлекали из сборов денег "под роспись" – это когда ходят по всем работникам предприятия и собирают деньги "кто сколько может", но при этом упоминают баснословный взнос, который якобы дал известный, но бедный человек. Парадокс этого сбора денег в том, что расписку о сдаче денег дают не давшему, а наоборот – давший расписывается под суммой, которую он пожертвовал. По этой схеме криворотенькая профоргшга сразу ринулась собирать деньги. Многие ей говорили:

– Да я его и не знал!

– Ну, и что? У главбуха дочка женилась, так никто ни дочку, ни жениха не знали. А ведь сдали все!

Раф и Вера дистанцировались от всех этих сложностей. Они просто ожидали окончания процедуры совершения сложного обряда. Костюм для одевания покойника Вера давно отдала в морг какой-то ловкой сухой бабушке. Та за пожалованные на эту услугу деньги обещала ещё и помолиться за усопшего, независимо, что он был коммунист. Коротать время новым знакомым выбор вариантов был невелик. Отобедали в местном ресторане солянкой сборной, с толстым слоем жёлтого жира, и бифштексом с рисом. Потом пошли на реку Печору и сидели на берегу. В верховьях реки, которая берёт начало в месте, где сходится Тиманский кряж и Средний Урал, прошли сильные дожди. И по реке активизировалось грузовое судоходство. Буксиры тянули и толкали баржи, гружённые и пустые.

Раф и Вера наблюдали за ними. Вера рассказывала про уже бывшую жизнь своего папы:

– Он в молодости очень мало выпивал. Только если какой-нибудь большой начальник начинает принуждать. Пьющие люди, они очень ревниво следят, что бы другие тоже пили. Даже если мы праздновали дома семейный праздник, он предпочитал лимонад.

– Я тоже не люблю пить без надобности, – поддерживал разговор Раф.

– Я заметила. Папа очень много читал. У него был один знакомый старичок-диссидент. Тот однажды дал ему книжку дореволюционную. Что-то вроде пособия, как заниматься спиритизмом. Его эта тема очень увлекла. Он тогда уже был членом партии, заниматься оккультными делами ему не пристало. Его увлечение было тайным. Он решил провести опыты спиритического сеанса. Как я потом узнала, делать это в одиночку очень опасно. В любых окрестностях всегда бродит какая-нибудь неуспокоенная душа, в убийстве тела хозяина которой хранится какая-то тайна. В подвале нашего дома жили бомжи. Их все называли "ханьги". Так вот, в одночасье одного ханьгу убили и закопали прямо в подвале нашего дома собутыльники. Потом уже через год один пьянчужка сознался в этом.

– Так какой смысл ему было сознаваться? Он же алкоголик, совесть его не мучает?

– Наше законодательство такое. Если не сумели раскрыть преступление, которое совершил осужденный человек до момента оглашения приговора по последнему его делу, и его судят вновь, то все срока ему суммируются. А если перед судом признался во всех совершённых и даже не совершённых преступлениях, то срок вторичных дел поглощает срок основного дела. Есть такой термин "по совокупности...". Кто сознается, сроку не прибавится, а, наоборот, в лагере авторитет прибавляется. Если же будет суд вновь, то срока суммируются, сумма может быть гораздо больше максимального допустимого, пятнадцати лет, срока.

– А-а-а! Я-то всё думал, как у нас рецидивисты рассказывают: "Сидел у нас один двадцать лет!" Максимальный-то срок – пятнадцать!

– Ну вот, поймали этого убийцу, он стал признаваться во всём. Рассказал, как в подвале нашего дома алкоголика закопал. Но дело не в убийце. Душа-то убиенного моталась по дому. А папа в это время дух Губкина вызывал. Он хотел, что бы Академик Губкин рассказал ему принцип поиска нефтяных месторождений. Может, он действовал неумело. Но, наверное, дух алкоголика вошёл в папу и поселился в нём. Это у меня не бред. Я консультировалась с компетентными учёными. Они мне это рассказали, что неуспокоенная душа может вселиться в спирита.

– А может, дух Губкина в это время был вызван другим медиумом? Известных людей, наверное, всегда одновременно вызывают, не может же он разорваться?! – пытался неумело поддакивать Раф.

– Как бы то ни было, папа сразу после сеанса, я помню, стал снимать стресс коньяком. После этого релаксирования он уже не переставал опохмеляться!

– Это мне очень интересно! Вот ты узнавала у компетентных людей, а может неуспокоенный дух вселиться в обыкновенного человека, не занимающимся спиритизмом?

– Может. Мне говорили об этом. Только лишь при каких обстоятельствах – я не знаю. Знаю только, если человек занимается спиритизмом, или кто-либо рядом с ним занимается этим. Тогда может вселиться. Особенно надо опасаться чёрных собак, но только тех, которые бродячие. В этой собаке неуспокоенный дух может найти временное пристанище. А если создадутся подходящие условия, он перескочит из чёрной собаки в какого-нибудь человека, даже не интересующимся спиритизмом. И это очень опасно. Обычно неуспокоенные души – это всякие алкоголики, наркоманы, извращенцы и прочие ненормальные люди. Генетика здесь не причём. Просто по закону гендерной памяти мятущаяся душа легче переселяется к близкому родственнику, вот и вся генетическая связь!

– Вера! Вот ты возвращаешься в своей аспирантуре с академиками и прочими умными людьми. Что ты можешь сказать про то, что знания к нам идут из космоса или от инопланетян. Вот я часто рассуждаю, что не мог же человек, который пять миллионов лет жил как дикарь, охотился в самом позднем периоде с луком и копьём, за

последние сто лет, что не соизмеримо с пятью миллионами, дойти от паровоза до полётов на Луну. И запускать аппараты, которые выходят на связь, за пределы Солнечной системы? – спросил Раф, но декларировать, что этот посыл дал ему Павел Иванович, он не стал.

– У нас среди аспирантов часто спорят об этом. Очень сильное развитие получил человек в последнее столетие. Большинство склонны считать, что посылы знаний идут извне. Из Космоса.

– А кто посылает эти знания?

– Этого никто не знает. Все уверены лишь, что эти знания добрые и направлены на продление жизни человека. Ещё пятьдесят лет назад столетний человек был большой редкостью. Сейчас это сплошь и рядом. Не смотря на всю плохую экологию. Все мумии из египетских пирамид – это тела умерших людей, возрастом до тридцати лет. Наверное, фараона смогли бы вылечить, сохранить ему жизнь.

– Так почему эти знания сразу не вручат, много, как следует?!

– Дают их малой порцией. Человек сразу начинает знания использовать на уничтожение себе подобных. Или начнёт так использовать природные ресурсы, что не хватит потомкам!

– Я тебе как геолог скажу. Все эти истории про озоновые дыры – выдумки заинтересованных людей, которые спекулируют этими природными явлениями. Такую глупость сказать: "Газ из баллончика продырявил атмосферу!" По глубинным разломам из Земли выходит столько газа, который поднимается над океаном в атмосферу, что всему Газпрому не снилось! А, вулканы, знаешь, как поддают! И ещё спекуляции, что углеводороды скоро закончатся – тоже бред. На других небесных телах астрономы обнаружили столько метана, целые моря! И в недрах Земли его немало. Это такая же составляющая, как, допустим, азот.

За такими разговорами у них пролетело два дня. Спали они в одной комнате. Раф растащил кровати по разным углам, он хотел даже ширмочку сгородить из простыни, но Вера успокоила его:

– Не надо! Мы же не дикие люди. Обойдёмся и так, иначе уборщица увидит – начнется скандал. Им только дай повод покомиссарить!

Наконец, наступил день похорон Павла Ивановича. Хоронили его из красного уголка конторы экспедиции. Были представители из территориального геологического управления, из обкома партии... Вера поплакала, как положено. Потом были поминки в арендованной для этого случая столовой. Там говорили длинные речи, ходили курить в тамбур. Было много выпито водки всё того же Воркутинского разлива. Устроители- общественники припрятали часть водки с расчётом, что завтра надо ещё на опохмелку, а может, и на три дня. Вере с Рафом пришлось сидеть до конца поминок. Рафа все воспринимали как сына, он сам никому этого мнения не исправлял. Утром Вера не хотела уезжать. Истинная причина была, что она не хотела покидать Рафа, но обосновала:

– Подожду три дня. Схожу на могилу к папе.

Через три дня их стали выпроваживать из гостиницы администраторы, заподозрив что-то неладное, как они понимали взаимоотношения между людьми. Раф хотел бы поехать в город, где жила Вера, отгулы впереди были большие, но наличные деньги у него закончились совсем. Он проводил Веру прямо к трапу самолёта, с наглым видом пройдя мимо перронных дежурных. У него даже мелькнула мысль пробраться в самолёт без билета. Но он знал, что перед вылетом считают головы. Они вдруг неожиданно каждый для себя крепко поцеловались на прощание и поклялись писать друг другу каждый день!..

Вера улетела. Раф остался совсем без денег и один. Последнюю мелочь у него выгребла тетка в камере хранения гостиницы за его сумку.

Он абсолютно на одной природной смелости доехал до речного вокзала и забрался на отходящий теплоход. На заданный ему вахтенным матросом вопрос про его билет, он сказал:

– Братишка, только освободился, надо до братанов доехать!

Вахтенный матрос с сомнением посмотрел на его длинные, давно, много лет не знавшие парикмахера патлы, но вдаваться в подробности не стал. Пропустил его без билета. Путь лежал всё тот же – мимо Усть-Усы и Усть-Лыжи. Раф все эти достопримечательности знал и стал дремать, благо, что салон теплохода был полупустой, и он занял целый ряд из трёх кресел.

Приехал он в городишко, где стояла его экспедиция, и пошёл в "заезжую" экспедиции. Там стояла всё та же кутерьма. Дядя Володя был хотя и не в вырубоне, но никого не узнавал. В восьмой комнате пили всё в том же темпе. В других комнатах играли в карты те, кто был с пьянкой в завязке. Раф понял, что поужинать сегодня не удастся. Он занял кровать в комнате, в которой помбуры играли в карты на деньги. Там было относительно тихо, лишь было неудобство, что сильно накурено. В восьмой тоже было накурено, но сверх этого там галдели все в параллель. Из всех зол выбирают меньшее, и Раф закемарил, не раздеваясь, здесь был такой обычай, чтобы утром обнаружить свою одежду на месте. Утром он проснулся от обычного сигнала:

– Вертолë-ë-т!!! – кричал самый горластый помбур.

Это слово имело на всех сверхсильное влияние. Это как на море "Полундра!" или для самурая "Банзай!" Особенно, когда в тундре свободная вахта собралась на отгулы и ждёт оказию. Это когда смену высадили пролетающим "Ми-6", а подменённые ждут, когда их вывезут другим бортом. Все напряжённо сидят в вагончиках. И какой-нибудь шутник орёт:

– Вертолë-ë-т!!!

Все выскакивают с рюкзаками и глядят на горизонт. Шутка злая, но даже если предьяву выкатят, то шутник откорячится:

– Мне показалось из-за шума буровой!

Утром Раф поплескал под колонкой на лицо и почистил зубы. Помбуры смотрели на это баловство неодобрительно. Каждый осуждающий думал:

– Ничего! Время пройдёт – оплафонится!

В их понятиях – перестанет чистить зубы. Закончив приготовления- минимум, Раф, не имея никакой идеи, пошёл в сторону конторы. Навстречу ему попался начальник его участка бурения Леонид Филиппович Голован. Имя-отчество тому самому не нравилось, поэтому он всячески поощрял, когда его звали просто по фамилии: "Голован!" Это походило на кличку, и местный люд его только так и звал, к всеобщему удовлетворению. Голован возраста был молодого. Он быстро сделал карьеру благодаря своей природной

харизме. Все самые банальные вещи он говорил осанисто, как бы со стороны любуясь своим авторитетом. Причём неважно, о чём шла речь – о спиннинге, о строительстве новой буровой установки на новой площади – он всё говорил авторитетно, уверенно. На все понятия у него было собственное мнение. Допустим, взяв в руки чужой спиннинг, он говорил:

– Я такую х...йню раньше всегда делал из рапиры!

Такие заявления завораживали народ, который мечтал самое большее о новой спецодежде, или как бы валенки подшить...

При маленьком росте Голован имел крупную голову с выражением лица народного артиста-трагика. Ещё он отличался от всей тамошней публики тем, что волосы у него были зачёсаны назад, а не косою чёлочкой, как у всех. И он постоянно носил галстук, пусть бурого цвета и засаленный, но этот атрибут всегда присутствовал. Голован давно бы обитал где-нибудь в Москве замминистра, но он страшно любил выпить. Был момент, он как-то дорос до главного инженера экспедиции, но невзлюбившая его за чванливость секретарша сделала ему подлянку. Как-то прибыли ответственные товарищи из райкома с какой-то очередной комиссией. Спрашивают у секретарши:

– Начальник экспедиции у себя?

– Нет, на выезде, в командировке.

– А кто нам ответит на вопросы?

– Вот, главный инженер у себя! – радостно указала она на кабинет Голована.

Ответственные товарищи вошли в кабинет. Голован, спал пьяный под креслом, и под ним была большая лужа. Даже товарищ из райкома сказал секретарше немедленно:

– Заприте кабинет, пусть этот пьяница выспится! Почему вы дискредитируете звание управленца? Вы это нарочно?

– Я не знала! – был ответ.

Голована на другой день с должности сняли. Другой бы не выдержал удара судьбы. А он вновь перешёл в начальники участка, даже бросил пить, на время и показал себя толковым специалистом.

Подойдя к Рафу, Голован вместо ответа на приветствие спросил:

– Выпить хошь?

Раф замешкался, он понимал, что начальник обращается к нему не "в уровень", и что за этим что-то кроется. Он замямлил:

– Да, у меня денег нет ни копейки, собственно. Возвращаюсь с отгулов!

– А-а-а! У тебя ещё и денег нет! – Голован замешкался на секунду и выпалил: – Ну, пойдём, я тебя научу!

Они побрели по пыльной дороге, ведущей от техкабинета к конторе экспедиции. Техкабинетом была загадочная комната, стоящая особняком. В нём должны были проводить всякие техучёбы, инструктажи. Там были даже какие-то сотрудники, которые вели журналы технической и политической учёбы. Но вместо учёбы в техкабинете собирались инженерно-технические работники и опохмелялись. На это начальство смотрело сквозь пальцы, оправдывая лозунгом:

– Лишь бы наши инженеры во время пьянки не смешивались с массами!

Работники техкабинета заставляли алкающих расписываться в журналах по учёбе за себя и за какого-нибудь товарища. Отчётность по работе с ИТР, по документам, выходит, велась. Все были довольны!

Поутру бурмастера и прорабы шли в техкабинет, зажав заветный трояк в кармане, в кулаке. И вот к ним навстречу вышли Голован и Раф. Голован ткнул в грудь встреченного прораба и проговорил:

– Выпить хошь?

Прораб с надеждой поглядел на хронически раздувшийся портфель начальника участка, не зная, что в портфеле у того пачки бланков и старые газеты "Советский спорт", и ответил:

– Да не мешало бы голову поправить! – и поглядывал на портфель мечтательно.

Голован подобрал портфель к груди и молвил:

– Ну, тогда давай трояк!

Прораб понимал, что совершил оплошность: "Сию минуту не нальют, надо ждать, ведь магазин открывается в восемь утра, а винный отдел – только в два!" Но, с другой стороны, Голован же – начальник, винтами назад не отработаешь! Катастрофа! – и он как кролик удаву протянул заветный трояк.

Следующая жертва Голована сказала: "У меня только пять рублей!" – и протянул их с надеждой, что ему дадут сдачу. Но сборщик денег на выпивку был неумолим:

– Я потом тебе побольше налью!

Они шли дальше по дороге. Раф вертел головой на проходивших женщин, в надежде увидеть что-либо, похожее на Веру. На эти озиранья Голован строго его одёрнул:

– Ты по сторонам не зыркай! Гляди, главное, чтобы рубль не прошмыгнул!

Так они набрали порядочную сумму. Страждущие опохмелиться кучно сидели в техкабинете. Раф и Голован же в это время приблизились к гастроному. Здесь, как великий гуру, Голован поведал ученику:

– Здесь заведующая отделом Надька. Она вчера интересовалась тобой: "Что это у вас за новый инженер?" – Я обещал ей с тобой познакомиться!

– Мне-то это зачем нужно? У меня невеста есть! – сказал Раф, думая о Вере.

– Невеста не стена, подвинется! А Надька нам вина даст сейчас, а не в два часа дня!

– Нет, я так не согласен! Я что, альфонс, что ли?!

– Ты не лоховец! – последовал начальственный окрик. – Мне тебе ещё кое-что сообщить надо! Не зря же я тебя привлек с собой!

Раф заинтригованный предстоящим разговором поплёлся в местный гастроном. Сдаваться какой-то Надьке. Она оказалась дамочкой предбальзаковского возраста с развратным выражением лица. Она не знала, что Голован вчера блефовал насчёт знакомства, но она всё восприняла на сто процентов и сегодня была в антураже. На голове башню из шиньона удерживала накрахмаленная до сахарного

блеска марлевая кадушка. Причёска была изготовлена с применением техсредств: волосы были пропущены в жестяную консервную банку без дна и замотаны с наружной стороны банки. От этой башни увеличение роста произошло за счёт тулова, оттого кривые ножки казались ещё короче. На густо напудренном лице горели два татарских глаза чёрным – масляным цветом, диссонируя с цвета мальборо губами. Кривенькие ножки калачиком скрывал ярко-белый халат с бэджиком: "Заведующая". Надпись была выполнена цветными карандашами, детским почерком и выглядела кустарно, как атрибутика дембельской гимнастёрки. Она сразу впиалась угольками глаз в Рафа, на лице её стала блуждать улыбка ожидания. Но Голован не давал пауз для расслабления:

– Надежда! – провозгласил он, как громкоговоритель, на весь гастронот. – Я своё обещание выполнил! Вот наш молодой специалист, скоро квартиру по льготной очереди получит, – не давая Наде вставить даже междометия, он ухватил "быка за рога". – Так, нам две бутылочки коньяка "Плиска" и на остальное – винцо красное, десертное, местного разлива! Типа "Солнцедар", или что там подешевле и покрепше!

Надя быстро посчитала все мятые тройки и пятерики, обильно высыпанные Голованом, и стала метать на прилавок поллитровки дешёвого вина, прозванного в народе "марганцовка". Все бутылки в портфель не влезли, и Надя дала ещё и маленькую удобную коробочку. Сват после погрузки молвил:

– Ну, а об остальном договоримся завтра. Пото-о-ом! – сделал он ударение на последний слог, растягивая его, как бы говоря, что предел этого ожидания не определён.

Этим он оставил задел на последующую утреннюю затарку "Солнцедаром" во внеурочное время. Надя зачарованно проводила их взглядом. Голован прямым ходом направился в забегаловку с надписью: "Кулинария". Он здешние места знал. Это было одноэтажное деревянное здание. Оно было обшито тарной дощечкой "в ёлочку" и окрашено в грязно-голубой цвет, как бедная могилка на районном кладбище. Только вот левые деньги здесь варились крутые! Другие в это помещение распивать водку не были допущены, но только не Голован. Начальница, заведующая кулинарией, считала его

очень важным начальником, не журилась за распитие. При этом не то, что не обвешивала – лишнего прибавляла! По внутреннему своему чутью, благодаря которому, она, не имея никакого образования, сделала столь головокружительную карьеру, она была уверена, что Голован давно перешёл в нирвану, но оставался в миру для спасения оставшихся!

Голован, царственно жестикулируя, заказал мясо варёное. Дали два больших куска говядины и два гранёных стакана. Расположились они за стоячим столиком. Покупателей в столь ранний час в "Кулинарии" не было. Голован стал наливать коньяк в стаканы и после первых двух тостов поведал:

– Я тебя рекомендовал в буровые мастера вместо Фархада. Парень ты грамотный. Меня не подведёшь!

Рафу сразу стало ясно, почему его приобщили к обществу посвящённых, заседавших в техкабинете. Робость неизведанного овладела им, несмотря на выпитую дозу, поступившую в его желудок, который давно не видел пищи. В голову ему ударил жар вселенский, и он проблеял:

– Так я же никогда не работал на этой должности, вдруг я не смогу!

– Сможешь! Гагарин тоже раньше не летал в Космос. А ведь смог! Все когда-то кем-то не были! Давай ещё по одной! – и скрутил голову очередной бутылке коньяка.

– А что мы ребятам принесём? Они же деньги сдавали?

– Кто считал, сколько они денег сдали? Это основной козырь профсоюзников, когда они деньги собирают на похороны и свадьбы! Мы им будем лить вино "Солнцедар", название хорошее! Оно льётся, красное такое, много! Люди радуются!

Так оно и вышло! Все кричали потом в техкабинете:

– Голован! Ты наш кумир, где ты достал в такую рань опохмелиться?!

Они протягивали ему полный стакан, а он цинично им говорил:

– С подчиненными – не пью!

Хотя вчера надрался с ними же до положения риз. "Молодому", то есть Рафу, он тоже запретил наливать:

– Спаиваете мне молодёжь! – И отведя его в сторону, тихо сказал: – Будем мы эту бормотуху пить, здоровье гробить!

Раф в эту ночь спал в техкабинете. Утром позвонили из кадров и сказали, что его вызывает начальник экспедиции. Раф побрился и явился вовремя. Его быстро благословили, он расписался в отделе кадров в приказе о назначении и убыл на буровую "41-я Воравейская" уже в новом качестве.

Глава 14

На буровой Рафа дожидался Фархад для передачи дел. В основном, это была передача материальных ценностей. Поскольку Раф он приехал без представителей из экспедиции, один, то Фархаду по рации сообщили, что бурмастером назначен Раф. Официально передавать- принимать дела новоиспечённому начальнику было как-то неловко. Фархад проходил, как старший товарищ и разговаривал, соответственно, наставническим тоном. Все его разговоры сводились к следующему:

– Надо бы обмыть назначение!..

Обмывать было нечем. Материальные ценности все передали формально, на бумаге. Подсчитывать, сверять – они ничего не стали. Это в дальнейшем выльется для нового бурмастера в кучу проблем, которые надо будет разгрести ещё пару лет! По факту у Фархада была большая недостача. А пока они сидели вечерами и мирно беседовали. Старый бурмастер уезжать не спешил, а новому начальнику выгонять его было неловко. Вот и коптил тот вагончик в прямом и переносном смысле. Дымил сигаретами Фархад на нервной почве нещадно. Дымовал шёл нешуточный, и в отягощение испытания, он ещё непрерывно гнал информацию. Она была бесполезная, а потому – изнурительная.

На тундру неожиданно лёг первый снег. Обычно этому событию предшествовали затяжные дожди, а в этот раз снег лёг напрямую, минуя слякоть, и являя всю прелесть зимы, как будто события происходили в средней полосе. Но это сильно осложнило промерзание разъезженной тундры в окрестностях буровой. Трактор-болотоход как замер тогда, как танк-монумент у края мостков буровой, так больше и не пытался тронуться. С базы обещали с вертолёта сбросить одну подвеску брёвен – подтоварника. И всё никак не могли разродиться таким подарком. Обычно тонкие брёвна в разбежку стелили по тундре, и гусеничный транспорт мог проехать несколько раз. Сейчас же, чтобы затащить очередную трубу для наращивания, на перевахтовке, когда встречались две вахты, они всем миром подтаскивали бурильную трубу волоком в створ мостков. Труба весила более чем треть тонны, отчего все туалеты были в крови от выпавших геморроев надорвавшихся помбуров. Дотаскивали

трубу только до полдороги. Потом, после того, как труба оказывалась в створе мостков, тащили к ней стальной канат, прыгая по подмерзшим кочкам, цепляли трубу и тянули её на мостки вспомогательной лебёдкой. Люди были изнурены.

Всё это тягостное положение разбавляли лишь кое-какие оккультные события. По вечерам на окраине посёлка, после приезда нового бурмастера, стала появляться чёрная собака. Помбуры, что из бывших зэков, с гиканьем выскакивали из вагончика с надеждой заколбасить чёрного пса на шурпу. Они мчались с топором и верёвками на перехват чёрного пса. Тот делал несколько рыскающих прыжков, вздымал снег и пропадал в сумраке, который стоял почти весь день, зимнее солнце всходило в Заполярье лишь на пару часов. Всю зиму солнце кульминирует над горизонтом, не поднимаясь в сторону зенита. Таковы реалии Заполярья. Летом солнце не заходит, лишь наступает "вечер- утро", и опять день! Помбуры даже думали, что чёрная собака где-то прячется, и заглядывали под все кочки, нарытые когда-то трактором при разворотах. Недоумению охотников до чужих собак не было предела. Чёрная собака появлялась регулярно, но поймать её помбуры никак не могли. Лишь один Раф догадывался, в чём феномен. От этого ему было немного не по себе, жутковато и неуютно. Он отчётливо осознавал, что в жизни неоплаченных долгов не бывает. Раф почти физически понимал, что Павел Иванович передал ему дар понимать, где залегают нефть, а где в пластах сухо. Даже присутствие воды в продуктивном пласте не могло сбить его с панталыку. В "41-й Воравейской" он был на сто процентов уверен, что горизонты, на которые они бурят, никаких опасений в смысле выброса газа и нефти не представляют, поэтому состояние противовыбросового оборудования он пустил на самотёк.

Наконец, приехал Голован. Привёз он с собой инспектора по противовыбросовому оборудованию. Пока Раф разбирался с прибывшим на вертолёте грузом, Голован ввалился в бурдомик и сразу стал прятать привезённую водку в рундуки. Фархад при виде горячего оживился, но Голован был не тот кадр, чтобы его водку пил кто попало! Он с порога грозно понёс на Фархада:

– Ты ещё здесь?! Что ты тормозишься?

– Да я помочь молодому парню, передать опыт, так сказать!

– Так сказать - так сказать! Мозги е...ёшь себе и людям! С тебя помощник – как с моего х...я строганина! От тебя кругом вред. При Сталине тебя бы шлёпнули за вредительство!

– Да как вы так говорите?! Вы же коммунист!

– Ты тоже коммунист. Если бы все коммунисты были как ты, мы бы до сих пор щи лаптем хлебали! А ты всё норовишь водки выпить на халяву! Собирай манатки, и чтобы я тебя сегодня же здесь не видел!

– А куда меня переводят? Вы не знаете?

– И знать не хочу! Ты мне целый год план назад тянул. Теперь я что, должен о тебе заботу проявлять?

– А как же я?

– Как, как! Ка́кой кверху! Вон! В кадры! Начальник кадров скажет, куда тебе...

Голован "упал на рацию" и через три минуты связался с диспетчерской:

– Диспетчер?! Я Голован. Посадите пролетающий борт на Воравейскую. Пусть будет даже груженный, забрать одного засранца!

– Ой, Леонид Филиппович, – ответила диспетчерша, – не ругайтесь по радию! А то мне нагорит!

– Я и не ругаюсь, засранец – это его удел!

Через полчаса залопотал "Ми-6", и Фархад, подгоняемый матерками Голована, вскочил в едва коснувшийся Земли колёсами вертолёт. У того даже амортизаторы сработать не успели, а Фархад, гонимый Голованом, уже погрузился. Он что-то перед погрузкой кричал Рафу через шум турбин вертолёта и хлопанье лопастей. Чтобы тот ему что-то дослал с оказией. Какой-то брезент, гаечные ключи, то, что старый куркуль успел стырить из запчастей и боялся грузить при Головане. Раф, не понимая сказанного, кивал головой:

– Да, да, дошлю!

Ему хотелось скорее покончить с этой тягомотиной – передачей дел и ликвидировать двоевластие. Он ещё не понимал, что Голован прибыл поучать его, как вести дела грамотно! Сначала он начал

объяснять, что обеды настоящему бурмастеру повариха носит прямо в бурдомик. Лукавый Раф сказал:

– Идём, покажи, как надо воспитывать поварих!

Голован осанисто внес своё короткое тело в помещение котлопункта. Роста он был небольшого, а голову имел огромную, отчего фамилия-кличка ему очень подходила. Бабаяга, опоенная брагой, сразу понесла свою филиппику:

– Ах ты, сука семитаборная, ты, куда рога мочишь, лось ты сохатый!

– Гм-гм! Я – начальник...

Но Бабаяга не дала ему договорить:

– Меня не еб...т, какой ты начальник! Мне начальник – начпрод. А для меня ты – х...й мамин! Осёл! – и, уже путая оппонентов, несла просто в пространство: – Бл...дь ты пожизненная, проститутки кусок! Я тебе ж...пу разорву в клочья...

Голован уже нёсся к рации, за ним поспевал Раф, широко улыбаясь, но пытаясь скрыть улыбку. В рацию начальник участка ревел в трубу начальнику отдела кадров:

– Срочно на сорок первой заменить повара! Старый бурмастер развёл антисанитарию! Бригада вся в угрозе кишечной инфекции! Ботуллиносы гирляндами висят в котлопункте!

Начальник кадров обещал завтра же первым бортом отправить нового повара:

– Есть у меня на резерве одна справная повариха. Всё исполню!

Хоть начальник кадров начальнику участка и не подчинялся, причём далеко не подчинялся, но Голован всегда со всеми говорил таким менторским тоном, что даже бывалые чинуши пасовали и принимали его как лидера. Тем временем лидер давал, параллельно со связью по рации, указания Рафу:

– Расположи начальство, – он повёл рукой в сторону инспектора по противовыбросовому оборудованию, – и наведи полный порядок в своих подразделениях, обеспечь питанием прибывших!

Если перевести на гражданский язык, надо было обеспечить закуской предстоящее застолье. Раф вновь побрёл в котлопункт.

Бабаяга, удовлетворённая матчем с Голованом и взбодрившаяся кружкой бражки, подобрела и матюгалась не очень свирепо:

– Видала я таких начальников! Я его давно сняла с почерку! Он похож на одного начальника режима. Такая же морда противная: "Я приказываю!.." Своей жене пусть приказывает! Жену, небось, ссыт!

Раф видя, что повариха опять заводится, стал ей поддакивать:

– Да, да! Вы правы! Дайте мне тушенки три банки и хлеба!

– А чё это ты будешь тушёнкой желудок свой портить? Вон, я оленину варю, ребята вчера приперли!

В другое время Раф побоялся бы, что ему подсунут собачатины, но он знал, что вчера дизелисты ухлопали колхозного оленя, отбившегося от стада. У местных оленеводов такого понятия как "олень дикий" нет – все олени, ходившие по тундре, считались колхозными. В противовес мнению оленеводов, геологические же люди всех оленей, которые безнадзорно ходили по тундре, считали дикими. В тундре хозяйствуют лишь только оленеводы и геологи. Какие-нибудь микологи-учёные, забредшие в тундру, являются событием экзотическим и их мнение в расчёт не берётся. Оленеводы и оленей-то не сильно пасут. В час подсчёта поголовья, в марте месяце, они выскакивают из чумов и загоняют оленей в загоны из жердей. Кто сколько загонит – у того столько оленей. Одно время в разгар перестройки объявили, исповедуя гласность, что где-то на Таймыре совсем нет оленей. Всех, мол-де, съели от голода. На самом деле оленеводы забухали и не стали загонять оленей для подсчёта. Таким образом, по-своему интерпретируя демократию. А по сводке так и пошло: "Оленей нет!" Теперь же Раф, обретя выловленный из котла огромный кусок оленины, поспешил в бурдомик. Голован, учуяв запах свежесваренного мяса и свежее испечённого хлеба, прибодрился и наградил Рафа поощрительной фразой:

– Ну вот, если с тобой поработать, то ты дело разумеешь начинаешь, молодец! Иван Аркадьевич, – обратился он к инспектору, – давай-ка подсаживайся, закусим с дороги, чем бог послал!

Рафу бог сразу нарисовался в образе поварихи, коль скоро закуску она послала. Но акцентировать он это не стал. Иван Аркадьевич всё это время шедших оргработ держал центральную

газету на вздёрнутых, как для моления, руках. Руки его сильно тряслись в ожидании дозы опохмелки, глаза были скрыты дымчатыми, давно не мытыми стёклами очков. Но предположение, что инспектор читает, можно было сразу отмести, руки тряслись так сильно, то чтобы читать, надо было в такт так же сильно трясти головой. Голова инспектора, видимо, дремала за стёклами тонированных очков, поэтому он не сразу среагировал на предложение закусить. Получился этот этюд очень органичным: человек так хорошо воспитан, что кидается на еду, только выдержав значительную паузу. К тому же Иван Аркадьевич, был изрядный тормоз, как и положено всем инспекторам. В инспектора идут специалисты, которые соображают с задержкой, или крепки задним умом. Их, конечно же, зная эту особенность, заставляют заниматься профилактикой нарушений. Но, дальше переписывания инструкций друг у друга у них дело с профилактикой не идёт.

Голован тем временем откупорил первую бутылку и разливал великоустюгскую водку по гранёным стаканам. Сей акт уже означал, что проверка противовыбросового оборудования, можно считать, прошла успешно, с положительными оргвыводами. Пригубили по первой, закусили ещё горячим, слегка недоваренным мясом и потекла беседа, перемежаемая возлияниями. Кроме увлечения чтением газет, Иван Аркадьевич оказался хроническим алкоголиком. И после третьего полстакана его потянуло на сон. Он пробормотал, что всю ночь писал акты проверок, и завалился на дежурную кровать. Голован вынес приговор:

– С ним всё ясно!

И стал названивать по рации начальнику бурсклада Галану:

– Зиновий! – кричал он ему в трубку рации, - Ты мне завтра на сорок первую сделай "фикус" девять штук, здесь районный инспектор!

– Понял, девять бутылок водки на сорок первую, но ты ещё за те восемь не рассчитался!

– Ты прямым текстом эфир не засоряй, мы же с тобой условились!

За те я рассчитаюсь, всё разом!

– Добро, жди завтра первым рейсом!

Успокоенный перспективой Голован начал умиротворённо поучать Рафа. Он был доволен собой: "Как он поставил задачу начальнику бурсклада!" Только Раф тоже был не пальцем деланный, поэтому он косвенно напомнил про инцидент с Бабаягой:

– Ужин будем в бурдомик заказывать?

Голован, подогретый великоустюгской водкой, впал в ярость:

– Да-а-а! Я совсем запамятовал!

Он опять упал на рацию и срочно вызвал начальника отдела кадров:

– Ты на сорок первую повариху уже послал?

– Так точно! Не извольте беспокоиться, завтра первым рейсом вылетает!

– Давай! – уже Рафу, отключив рацию, командовал Голован, – Пусть

твоя повариха готовит документы на передачу. Посидим без ужина. Сделаем разгрузочный день!

Рафу, не имея опыта, было неловко объявлять Бабеяге об её отставке. Да и побаивался он её матерков немного. Поэтому он изобретательным умом перевёл гнев начальника:

– А может пусть новая повариха нагрнет экспромтом? Чтобы было что-то вроде ревизии. А так-то старая каналья может хвосты подчистить!

– Ладно, - порешил Голован, – пусть е...утся как хотят! Это не наша кухня! – скаламбурил он не преднамеренно, – Наливай!

Опять потёк разговор в русле, как надо руководить буровой бригадой:

– Главное, ты держи всех в напряжении! Если выдал задание – проверь выполнение! Неукоснительно! За мелкие грехи не наказывай. Если решил наказать бурильщика – наказывай до отказа! На всю полноту власти, мелкими шпыняниями не притупляй чувство ответственности! Не снижай порог иммунитета!

В это время в бурдомик ввалился бурильщик рабочей смены и доложил с порога – он не знал к кому надо обращаться, поэтому обращался ко всем сразу, к спящему инспектору в том числе:

– Проходка упала до нуля. Вроде турбина на забое работает, давление на манифольде нормальное, рабочее, а проходки нет! Ни сантиметра!

– Так, идём, сейчас разберёмся! – скомандовал Голован.

Сидел он на одном месте уже слишком долго для его натуры. Пора было и размяться, да и глотку прочистить криками тоже не мешало бы. Прошли на буровую сторонкой, прыгая по мёрзлым кочкам. На свежем воздухе от выпитой водки дыхание было спиртовое и будоражило нюх помбуров. Они одобрительно, с завистью смотрели на подвыпивших начальников. По сравнению с помбурами, у которых вся спецодежда была покрыта сплошь и на сантиметр вглубь мёрзлой глиняной коркой пополам с нефтью и химреагентами типа каустика, начальники выглядели опрятными. Помбуры знали, что все они закончили высшие учебные заведения, поэтому испытывали к ним за это уважение, но не выражали его никогда словами или действиями. Хотя и не хамили тоже.

Пол буровой и частично стены были покрыты смёрзшимся глинистым раствором, сколоть который было почти невозможно. Когда был избыток пара, то его направляли под брезент, которым был устелен кусок обледеневшего пола. Раствор потихонечку таял и обнажался пол. Брезент перемещали на другой участок пола, но оттаявший и стёкший лёд вновь намерзал. Шум на буровой стоял как в аду. Гремела трансмиссия, ревели двигатели из дизельной, шипел со всех разрядников воздух, с невообразимым свистом. Всё это сдобривалось заносимым ветром выхлопом с дизелей, в газе которого присутствовал серный ангидрит от избытка серы в дизельном топливе. Сновали дизелисты с мазутными вёдрами, каждый дизель потреблял в среднем не менее трёх вёдер масла. Голован с умным видом прикоснулся к верхней квадратной ведущей трубе. Так он, якобы, слушал вибрацию, которая шла от забойной турбины вверх по бурильным трубам длиной более двух тысяч метров. Он стал ладонью другой руки подавать команды бурильщику: "Выше, ниже, крутани ротором!" Бурильщик, как манипулятор, выполнял все команды, но за

индикаторами веса и давлением в нагнетательной системе строго следил! Голован прокричал Рафу прямо в ухо, прикрывая одну сторону своего рта ладонью в новой брезентовой рукавице:

– Ну-ка, послушай!

Раф стал тоже держать дрожащую от вибрации ведущую трубу ладонью, она была квадратного сечения, ширина грани была полтора дециметра и ладонь хорошо умещалась на грани тёплой от проходящего в ней раствора трубы. В народе её звали: квадрат. Он плоховато понимал смысл, когда начальники держатся, вот так вот за квадрат, но коль скоро он теперь был начальником – то подержался тоже. Голован прокричал:

– Надо поднимать, долото изношено!

Помбуры стали готовиться к подъёму бурильных труб. Голован увлѣк Рафа осмотреть противовыбросовое оборудование со словами:

– Всѣ-таки, у тебя инспектор на буровой находится!

Слово "находится" было весьма популярно у руководства экспедиции. Были такие должности в штатном расписании экспедиции, которые были порождением социализма, а практического значения никакого не несли. Допустим, "инженер по глинистым растворам". Буровой раствор, основу которого, кроме воды, составляла глина, по своему составу был очень сложный. В процессе его обработки во время бурения в него вводили всевозможные химреагенты. Назначение их было весьма разнообразное: повышать число щѣлочности, снижать вязкость, увеличивать коллоидность, удерживать удельный вес в заданных параметрах и масса других всевозможных показателей. Если этот раствор готовить "по науке" – получается полная абракадабра. Готовят его как-то по наитию. Каждый буровой мастер знает и таит свои секреты, а вернее – не может ничего объяснить, как это у него получается так удачно: при минимуме необходимых химреагентов – затворяется хороший раствор. Но по установленному порядку полагается инженер по растворам. Того к глиномешалке не подпускают, чтобы не напортил, вот он, бедолага, и мается от буровой к буровой. На вопрос главного инженера "Ты чем занимался на прошлой неделе?" следует немедленный ответ: "Находился на пятьдесят первой буровой!"

Этого было достаточно. Слово "находился" было универсальным. Допустим, даже попьанствовал, лишь бы начальство этого не знало, значит – "находился"!

Теперь у Рафа на буровой "находился" инспектор по противовыбросовому оборудованию. Голован с Рафом спустились под буровую и стали осматривать превентерное хозяйство. Назначение его в том, что если из скважины несанкционированно пойдёт газ или нефть – срочно перекрыть скважину одним из трёх превентеров. Привод у них гидравлический, дублируется ручным, контроль электрический. Из-за установки этого агрегата пол буровой располагается на высоте шести, а бывает, десяти метров над землей. Голован осмотрел ужасно запущенные, все в грязи превентеры, а судя по количеству льда на них, очевидно, и замороженные, и сказал:

– Да-а-а! Дал Фархад им просрать!

В сторону тундры шли выкидные линии длиной по сто метров. Назначение их – отводить лишний газ или лишнюю нефть. Смонтированы они были вкривь и вкось. Раф стал оправдываться:

– А чё я могу поделат? Стойки уже вмёрзли. Как я их выправлять буду? Зубами грызть?

– Ты вот что: закажи ещё у Галана "фикус". Инспектор, видимо, наш парень. Мы его потом в анабиозе погрузим в вертолёт, а там, глядишь, до весны больше инспектора не будет. Весной стойки оттают, ты их тогда выправишь!

На этом они и порешили. Когда пришли в бурдомик, инспектор Иван Аркадьевич уже очнулся и теребил рацию:

– Газет, газет центральных пришлите на сорок первую! – пытался он докричаться диспетчеру.

То ли от неумения, то ли по стечению обстоятельств, в линию вмешался чей-то третий голос и прокомментировал:

– Чё, газет?! Ж...пу тебе уже подтирать нечем, обосрались там по самые лопатки!

Подоспевший Раф подхватил трубку и дал в обратку:

– Е...ало заткни! Х...йло е...учее!

Дежурный радист тут же среагировал – рация отключилась. Иван Аркадьевич стал сетовать:

– Ужасно невоспитанные молодые люди! Перебивают старших!

Кого именно он посчитал невоспитанным, осталось невыясненным.

А Голован уже разливал по стаканам великоустюгскую:

– Давайте вздрогнем. С морозцу!

– Да-да, – поддакнул Иван Аркадьевич, пригубляя стакан, – как там превентерное хозяйство, в порядке? А то я никак не дойду. Перед вылетом в унты переодеться не успел, а в ботинках ноги мёрзнут.

– У меня есть дежурные валенки, – ляпнул, не подумав, Раф, но, получив тычок в спину от Голована, отыграл на реверс, – но только вашего размера нет!

– Да... Да... – уже реже частил инспектор, великоустюгская туманила ему мозг, – Размер ноги у меня неподходящий!

Но уточнять – какой, не стал. Голован радушно, чтобы перевести разговор, пододвинул ему открытую Рафом банку тушёнки:

– Да ты закусывай давай! Ну, ещё вздрогнули!

Пошла в ход вторая бутылка. Инспектор, не закусывающий из физиологического невосприятия пищи под водку, стал крениться, и они его вдвоём перетащили на дежурную кровать.

– Он поссать-то хоть успел? – забеспокоился Раф.

– Успел! – самонадеянно, наугад поручился Голован, – Я вот у тебя тут немного поживу, понаблюдаю, как ты буришь. Надо, чтобы почерк для всей экспедиции был один, характерный, узнаваемый!

Он хитрил с Рафом. На самом деле приказ патронировать Рафа ему дал главный инженер. Чтобы неопытный бурмастер не наломал дров. Но Голован был старый дипломат. Он убивал своим заявлением сразу несколько зайцев: показывал, что решения принимает он сам, являл свои дружеские чувства к Рафу и всё такое остальное, что связано с лидерством и пьянством. Рафу возражать или радоваться не было резона, он индифферентно отнёсся к этому сообщению: "Пускай дежурит. Всё легче, вот хотя бы с такими шедеврами общаться!" – посмотрел он в сторону инспектора.

В это время в бурдомик заглянул дизелист по кличке "Поэт". В миру его звали Толя. Но у него была вырезка из какой-то районной газеты, где он, когда-то по молодому делу, опубликовал два четверостишья. Это было, очевидно, очень-очень давно. Вырезка была пожелтевшая и совсем истлевшая. Стихи были примитивные: что-то про речку, про берёзку и весну. Но кличку "Поэт" он снискал, и никто его иначе уже никогда не называл! Его бурильщик послал искать верхового Бобра, тот пошёл в посёлок час назад, якобы за верёвкой, нужной для подъёма. Но поэт, посланный бурильщиком искать верхового, в силу своей бестолковости пошёл прямым ходом к бурмастеру:

– Вы нашего верхового Бобра не видели?

Раф сразу почувствовал неладное. Почувствовал просто шестым чувством и послал Поэта назад, на буровую:

– Ты иди назад, на рабочее место. Позови своего старшего по вахте дизелиста!

А сам стал соображать про себя: "Поэт недавно привёз с выходных жену, которая в конторе экспедиции оформилась рабочей на кухню. С Бабаягой они явно замутили браги. Но в подруги жена поэта выбрала прачку...". Такие сложные логические измышления построил Раф. Он тоже был парень не промах.

Через десять минут пришел дизелист:

– Чё звали-то? – с порога выдохнул он.

– Ты вот что... Сходи-ка к прачке, посмотри, что там ваш верховой делает.

Дизелист умчался спорым, как ему казалось, шагом, насколько быстро позволяла его старческая расхлябанная походка, семеня по грязному снегу резиновыми сапогами. Дизелисты зимой и летом ходили в резиновых сапогах. В дизельном помещении была страшная замазученность, и если дизелисту надеть кирзовые сапоги, то у них кожаный рант вылетит из-под подошвы через два дня, от дизтоплива. Тогда вода свободно уже втекает и вытекает через сапоги. Резиновые же могли протерпеть даже год.

Через четверть часа дизелист ввалился в бурдомик и с порога стал лопотать:

– Ничего не видел, ничего не знаю!

При этом он старался прикоснуться ладонями к груди Рафа. Как делают плохие собаки, вставая на задние лапы при встрече с хозяином, чтобы заглянуть тому в лицо, что ли? Раф оборвал тираду возбуждённого дизелиста, от которого уже попахивало брагой:

– Короче!

– Я туда зашёл, а они лежат голые, валетом!

– Кто лежат?

– Бобёр и жена Поэта!

– Давай срочно его на буровую! Скажи, что если через десять минут не будет на "верху", поедет в кадры! А ты больше браги не пей!

– Ничего не видел, ничего не знаю! – приборматовал дизелист и посеменил в сторону прачечной.

Через четверть часа дизеля заревели "на подъём". Процесс был восстановлен. Раф заказал Галану на бурсклад "фикус" завтрашним бортом. Проснувшийся от усилившегося со стороны буровой шума, Иван Аркадьевич, уже держа стакан в руке, предложил Рафу:

– Ты напиши себе сам, в своей книге по технике безопасности! Ты же лучше меня знаешь, какие там у тебя недочёты. А я распишусь. Валенки-то подходящих у тебя нет! – вменил в вину всё равно он Рафу, – Валенки у тебя отсутствуют, инспектор осмотреть установку не может! Непорядок!

Раф написал на сон грядущий пяток незначительных замечаний. Утром инспектор, слегка опохмелённый, расписался, и они с Голованом отправили его первым рейсом, шантажнув, что, мол, водки-де больше нет, надо лететь на базу! Этим же вертолётom прилетела и новая повариха. Неожиданно она оказалась ничего собой! Звали её неожиданно: "Гражина". Раф удивлённо узнал, что в Украине бывают и такие имена. Удивление его было сильным, так как он сначала разобрал произнесённое имя как "Гаражина". Лицом она была – хоть сейчас в ансамбль протяжных песен! Фигура оказалась для хохлушки очень даже стройная. Раф со всякими похоронами давно говевший, подумал, что он очень даже не прочь попробовать Гаражину, для коллекции! Та после быстрого отъезда Бабыяги тихим

голосом сообщила, что привезла с Украины домашний "первач". Раф, коль скоро Галан не прислал "фикус" в связи с отъездом инспектора, пошёл вечерком разжиться первачом для Голована к Гражине. В том, что Галан не прислал "фикус", Голован счёл виноватым только Рафа:

– Не умеешь ты, значит, вести дела! Завалил всё на корню! Безответственный ты человек, несамостоятельный! Ничего тебе нельзя доверить! С людьми-то уметь надо разговаривать!

Если бы случилась авария на буровой по вине Рафа, то разнос был бы значительно меньше. Теперь же, с хорошо привитым чувством устойчивой вины, морально уничтоженный виновный в таком прегрешении, он поплёлся к Гражине. Но Голован не до конца знал своего нового ученика! Вернее, он его знал только с хорошей стороны.

Когда Раф на томное: "Войдите!" ввалился в вагончик новой поварихи, он глазам своим не поверил! За пару часов Гражина преобразила помещение, где раньше бичевала Бабаяга. По установленным правилам, поварихи, как материально-ответственные лица, всегда проживают без подселения. В этой комнатке без подселения бушевала кисея нежно-розовых тонов! Всё было в складках занавесей и драпировках, как будуар в викторианском стиле. Сама же владелица будуара пребывала в розовом же халате, здорово смахивающем на пеньюар. Из его верхнего распах мощно, как форштевни катамарана, вздымалась грудь. Эта деталь фигуры у её владелицы ассиметрично диссонировала с тонкокостной фигурой. Мощный макияж свидетельствовал, что повариха была уверена в визите бурмастера. Тот с порога сформулировал необходимость в передаче самогона не самым свежим аргументом:

– Инспектор для аппетита просит что-либо, горло промочить!

Гражина об отъезде инспектора знала раньше всех, но с пассажирами волшебницы вынула литровую бутылку слегка мутной жидкости:

– Вы попробуйте, может, вам и не понравится! – напрашивалась на похвалы розовая повариха.

– Не понравится – назад принесём!

Но с Гаражиной такие простые трюки не пролазили! Она, загородив выход, как боевой корабль пролив в бухту, настойчиво продолжила:

– А вот у меня и открытая есть!

Она движением фокусника налила в стограммовый стаканчик самогонки и сняла салфетку с тарелки с нарезанным салом. Сало блестело стеклянным блеском с розовым отливом, внутри оно содержало множество тёмно-красных пропластков. Волшебным образом заипнотизированный необыкновенным видом дивного сала Раф автоматически потянулся к стопочке. Неудобно было как-то есть сало не как закуску, а как еду. Испытуемый, измученный годичными циклами общепита, от такого сала отказаться не мог! Пока он мысленно вспоминал, как его обеды в общепите перемежали утренние завтраки из жареных яиц, организованные сексуальными партнёршами поутру, Гаражина налила ещё стопочку. Завтраки, которыми кормят женщины, считающие себя самостоятельными, всегда на сто процентов состоят из яичницы. Запах утренней яичницы временами даже преследовал Рафа. Под эти воспоминания хлебосольная повариха подкладывала огурцы, помидоры и пирожки. Вид пирожков вывел Рафа из ступора. Он вспомнил, предостерегающие истории старших товарищей, что ищущие женщины подмешивают приворотное зелье именно в пирожки. Ходили легенды, что основным ингредиентом приворотного зелья является менструальная кровь злоумышленницы. Это на минуту отрезвило его, он отверг пирожки, но принял решение:

– Если дело к этому идёт, то пусть этот шаг будет осознанным!

Он стал быстро раздеваться. Гаражине это делать составляло мало труда, пока она бегала гасить свет, пеньюара уже на ней не было...

Когда Раф отвалился, первое, что пришло ему в голову, что там, внутри у его партнёрши просторно, как в Космосе. Этих подробностей из деликатности он сообщать, вслух не стал. Вслушиваясь в монолог поварихи, он дождался второго прихода. За это время она ему, кроме того, что его "сразу заметила", сообщила о своей готовности выйти замуж. Рассказала, что у неё всё для этого готово и заскладировано дома, в Украине. Далее шло перечисление

одеял, посуды и прочего барахла. Венчало это перечисление утверждение:

– У меня для жизни всё есть!

– Так выходи же замуж! – воскликнул Раф, плохо слушавший предисловие, перед перечислением скарба.

– Для этого нужен "чоловик"!

Раф приступил к проверке первого впечатления о "Космосе". Закончив, во всех понятиях этого слова, он окончательно понял, почему же "чоловика" до сих пор нет! Он начал быстро одеваться, в это время в дверь раздался решительный стук. Так стучать мог только Голован, решил Раф. Он ожидал упрёков от своего учителя, но он ещё плохо знал Голована. Тот пришел рассказать о событии в бурдомике:

– Вышел я посмотреть, как помбуры гоняются за вновь появившейся чёрной собакой. Пока ходил, Геббельс твою и мою зубную пасту из бурдомика украл и съел!

– От же гад! – вскричал Раф. – Я его предупредил, когда он у всех, у кого есть, зубную пасту поел, что я прятать её не буду. Если он у меня сожрёт – я его прибью!

– А что он её ест, в организме чего не хватает? – наивно поинтересовалась Гражина.

– Да не хватает ума! Похмеляется он так оригинально. Где ты мне ёмкость посулила?

– Пожалуйста! И сальца возьмите!

В это время Голован увидел, какого качества сало им завёртывают в газетную бумагу. Он был так поражён, что стал без остановки нахваливать:

– А какая хозяйка! А как сало солит! А какая чистюля! А как хата прибрана!

Чтобы хоть как-то остановить поток похвал, Гаражина завернула ещё помидоров, огурцов и чеснок с луком. Голован прибавил оборотов, и под эти причитания они прошли в бурдомик. Голован, когда они раскинули снедь и пригубили, после первой промолвил:

– Ну, старина, ты весь в меня! Как я бывало в молодости! Не спрашиваю подробностей, вижу, отработал харчи!

Под эти воркования начальника Раф глубоко задумался: "Правильно ли он поступил в отношении Веры?" Никакие аргументы, ни за, ни против у него в мозгу не перевесили. Уже засыпая, сквозь сон он слышал, как Голован хвалил уже себя:

– А какую я тебе повариху спроворил? Баба – огонь!

– Померил бы ты этот огонь своим перчиком! - про себя возмутился Раф и уснул окончательно.

Проснулся он от зуммера разрывающейся радиации. Раф попытался резко вскочить. Но после ударной дозы поварихиноного самогона ноги сами подкашивались. Раф, хватаясь за спинки кроватей и углы шкафов, пытался продвигаться в сторону ревущей радиации. Его позы, которые он принимал по ходу движения, напоминали телодвижения партизана, которого ведут на расстрел, а он оглашает призывы, с манерной жестикуляцией. Его героические потуги резким рывком разведчика предвосхитил Голован, спавший на соседней кровати также одетый в верхнюю одежду. Он издал вопль в микрофон:

– Воравейская на связи!

– Сводку подавайте! Вы последние!

Голован уже проснулся и принял окончательно вертикальное положение:

– Последняя у попа жена! Вы своими комментариями эфир не засоряйте! Ведите себя, как подобает! Принимайте сводку!

– Так я и принимаю! Что у вас?

– Подъём!

– Так уже вчера с вечера подъём был!?

Голован раздвинул на окне белые занавесочки, сотворённые в порыве лояльности уборщицей и прилаженные на бинтик, по которому ткань плохо елозила. Но стёкла от выдыхаемых всю ночь паров были покрыты изморозью. Створа ворот буровой не было видно. Поэтому понять, какой технологический цикл происходит на буровой, было невозможно. Голован наугад, в последнем рывке своей природной уверенности, выдохнул:

– Ну, тогда спуск!

Утренняя заминка была разрешена. Учитель и ученик стали пытаться бриться. Голован поводил электробритвой в разных местах лица. Раф же наоборот, тщательно нанёс обильно пену на припухшее лицо, поскоблил тщательно бритвой щёки и решил:

– Оставлю бороду "эспаньолку" или "ла бланш", как её там, мать её задери! – бормотал он, прислушиваясь к трескам в голове, которые напоминали помехи в радиоприёмнике, идущие из Космоса. Головану с бритьём везло. Он каждое утро делал электробритвой несколько взмахов наугад. Но всегда попадал на свежие покосы и общий вид лица был "около того". Можно было заподозрить, что он пускает ножи бритвы на слух в свежий покос, как мотопилой пилят бревно, регулируя нажимом нагрузку мотора, и тем самым получают оптимальный режим пиления. В это время в дверь раздался нежный стук, и елеинный голос Гражины пропел:

– Дозволяйте!

Пока компаньоны мороковали над гражининами оборотами речи, она, плавно притворив дверь, внесла две прикрытые газеткой большие тарелки, от которых шёл смешанный запах разогретого растительного и сливочного масла.

– Вот, завтрак вам поспел!

Она не призналась, что готовит его уже третий раз, но при каждом визите не осмеливалась будить бурмастера-красавца. В её понятиях: "чоловик" он был справный! Голован сразу повёл мозговую атаку:

– Так! Что у нас осталось после вчерашнего?

Он имел в виду гражинин самогон. Та, не допустив паузы, промолвила:

– Ось, я зараз принесу свеженького!

И упорхнула без шума.

– Что она, за ночь свежего успела выгнать? – восхитился Голован.

Раф даже думать об алкоголе не мог без содрогания. В душе вчерашнюю жертву здоровья он относил как необходимую дань первому в своей практике визиту инспектора. Тем временем, Гражина

подала свежую порцию горилки и огурцов. Сама она, пожелав приятного аппетита, умчалась на кухню, наведя справку:

– Чтобы вы желали на обед?

Раф вообще ничего не желал. А пришедший в замешательство от неожиданности Голован изрёк дежурную, тривиальную фразу:

– Будет день – будет пища!

– Да, да! Я понимаю! – проворковала ничего не понявшая повариха. Голован принял три стопки, как на похоронах. Раф пить не стал. Он цедил горячий чай и вспоминал своё спортивное прошлое. Он заверил Голована, что теперь месяц пить не сможет. На что тот философски изрёк:

– Слаба нынешняя молодёжь пошла! Вот я своему руководителю в своё время, – отвлечённо разметил период он, – перечить не стал бы! – он после третьей стопки хрустнул солёным огурцом. – Ох, и повариху я тебе изыскал! – он уже планировал, что какое-то время он беспокоить Галана "фикусами" не будет. Такая перспектива настраивала его на благодушный лад.

Глава 15

Вере, дочери покойного Павла Ивановича и невесте Рафа, приснился сакральный сон. Какой-то большой человек в просторных чёрных одеждах укоризненно сообщал ей, что дерево, которое она любит, сейчас болеет. Вера будто бы прошла к этому дереву и увидела, что листья на нём пожухли, кора имела большие каверны и трещины. В ужасе Вера проснулась с мыслью, что с Рафиком (так она про себя звала Рафа) что-то случилось. Было по времени совсем не поздно, ещё не наступило время ужина. Она заснула, сморенная занятиями по выписыванию цитат-сносок из трудов древних философов. У Веры шёл второй год аспирантуры. С текстом её диссертации дела плохо ладились. Факультет у неё был нелёгкий, социологический. Он только образовался, отпочковавшись от философского, и мало кто знал, в чём соль этой науки. Если по какому-нибудь научному коммунизму можно было просто переработать большой объём написанной классиками литературы и создать на этом основании текст собственной диссертации, то в случае с социологией надо было обязательно провести социологический опрос фокус-групп среди населения и потом создать на этом основании текст диссертации. Если бы она посвятила в проблему Рафа, он быстро бы догадался на бумаге составить придуманные таблицы опроса, заявив при этом, что опрос проводили где-нибудь в городе Поросовске. Пусть идут и проверяют, проводил там кто-либо опрос и как истово проводил, выпрашивая мнение поросовцев: "Как вы относитесь к влиянию частоты получения писем от любимых людей на половую дисфункцию?" Вера ещё до таких высот не созрела и не созреет, наверное, никогда! Аферистом ей не стать. Сама она письма писала Рафу каждый день, не подозревая, что привозят их ему разом по семь-десять штук, в зависимости от состояния погоды. Сам адресат, как он утверждал, писать письма не любил. Позвонить к нему на буровую было невозможно. Но Вера оправдывала своего возлюбленного, что у него с получением новой должности времени совсем нет! Она помнила, как папа работал день и ночь, пока в его тело не вселился дух алкоголика. Чтобы прогнать страшный сон, она умыла лицо холодной водой, приговаривая при этом:

– Водичка, водичка! Унеси всё гадкое от меня и от Рафика!

В это время в дверь постучали.

– Входите, открыто! – прокричала она.

В дверь протиснулся профессор исторического материализма, её старый, по всем показателям, воздыхатель. Пребывание профессуры в общежитии аспирантов ректоратом не приветствовалось, но влюблённый профессор рисковал! Любовь зла! Один великий древний утверждал, что старческая любовь постыдна, только профессор следовал примеру своих учителей, уже почивших в бозе, но до сих пор являющихся для него примером, хотя бы в этом. Они были страшные бабники и перед самой смертью прошли испытание разводом. Пребывание в учёных давало гарантию, что партия за прелюбодеяния не осудит! Если, к примеру, директор какого-либо завода ударялся в блуд, то его жена писала заявление в райком и гуляку водворяли в лоно семьи, где жена, уже на законном основании, начинала его распил на домашней пилораме. В случае с учёными этот фокус не проходил! Может, прецедент создал Ландау, или ещё кто великий. Но для пользы науки советским учёным можно было прелюбодействовать до ёканья селезёнкой! Вот профессор, за растоптанную молодость и переживал, как он просиживал в библиотеке все вечера, когда его однокашники кувыркали девок, не вкладывая в них ни копейки! Ведь времена-то были абсурдные! Сама девушка могла угостить кавалера портвейном и плавленым сырком. В финале, после высиживания в душевной читалке, будущему профессору пришлось жениться на некрасивой дочке проректора. К моменту их женитьбы она была уже перестарок, из её сутулой спины, исключив такую вещь, как женская попка, росли две сухие палки-ноги с широкими щиколотками. Она непрерывно улыбалась жирной нижней губой, толщина которой компенсировала абсолютное отсутствие верхней губы. Природа как-то неуклюже стремилась сгладить это отсутствие и ещё дополнила комплект усами, от постоянного выщипывания которых место под носом затвердело и его, в конце концов, владелица замаскировала всё теми же усами. Когда профессор неожиданно просыпался ночью, он думал, что он видит дурной сон, а не жену. Но в знак компенсации этих кошмаров он получил вовремя защищённые диссертации, первую и вторую, а

после выработки ценза- минимума – и звание профессора. Наконец, тесть-проректор умер, и с ним умерла так мастерски сыгранная любовь к жене. Дети у них повзростали, дочка даже успела выйти замуж. Оба ребёнка профессора, так же, как папа и дедушка, пошли по линии общественных наук. Все это делали в одном и том же университете. Профессора с женой связывала только квартира. Очередь на автомобиль "Волга" тесть так и не смог помочь преодолеть, он состарился и стал слаб, их клан пришёл в упадок. После очередной кадровой перестановки тесть не выдержал и окошел.

Профессор оказался один, без всякого иммунитета, против нового нарождающегося поколения бизнесменов от науки. За внеконкурсное поступление уже брали просто чистоганом, а не принимали в студенты по звонку из обкома. Профессор в силу природной трусости не попал в когорту "берущих", и, соответственно, не стал нужен наверху. Как следует из закона бытия: беда одна не приходит. Ко всем этим напастям он ещё и влюбился. Теперь, как всякого влюблённого, его ноги сами несли в окрестности, где пребывал объект его вождления. Но объекту вождления, Вере, было не до старческой любви, которая к тому же постыдна. Смерть отца поставила её в трудную финансовую позицию. Мама, которая объявила всем давно, что её дочь "учёный", сама уверовала в это и бессознательно считала заработки дочери баснословными, она даже полагала, что в трудный момент она обратится за помощью к дочери. Пал Иванович, пока был живой, следуя учению Фрейда, слегка любил Веру и тайно от жены регулярно высылал ей деньги. С этих переводов она откладывала даже на джинсы, которые стоили у фарцовщиков годовую стипендию студента. Теперь эти сбережения таяли, джинсы она так и не купила, ведь безопасных фарцовщиков найти – тоже была проблема. В основном, все были кидалы. То одну штанину продадут, то самопал откровенный. На работу устроиться, чтобы не пыльную – было большой сложностью, нужна была синекура. В этом аспекте она крепко надеялась на профессора, но тот только приставал со своей любовью. Он, очевидно, в студенчестве занимался в драмкружке или книжек романтических перечитал. Со второй минуты он переходил на какую-то старинную речь, называя Веру – дивная, лучезарная. А также – влекущая, зовущая и так далее. Ей это все казалось наигранным, не откровенным. Но профессор всё

вещал на полном серьёзе. Он вынашивал какие-то фантазмагории – то попросить у ректората комнату для себя в аспирантском общежитии, то снять квартиру за минимальную цену. У него было хорошо развившееся старческое жлобство. Это пока и спасало Веру от агрессивных нападок старого ловеласа. Он вошёл и начал, как всегда, не балуя вариантами:

– Ну, что нового?

– Да, вот, следуя вашему совету, выписывала цитаты. Но надо же знать алгоритм, как их систематизировать?!

– Ничего, ничего! Были бы цитаты, а платформу подведём. Любой текст диссертации – это сборище цитат! Не будешь же ты собственные мысли декларировать?

– Но, вы же понимаете, надо вначале создать какую-то конструкцию, а потом напигивывать её цитатами.

– Называй меня на "ты". Хотя бы наедине!

– Боюсь, что я этого делать никогда не смогу!

– Ах, ты меня манкируешь! – переходил профессор на язык прошлого века. – Уж час пробил чай попить!

– Говорите, пожалуйста, попроще, – боялась Вера, что он опять погонит комплименты, и тогда его уже будет не остановить.

– Я хотел купить торт-трюфель, но ты же не позволяешь, записываешь это как подношения, посулы, – опять съезжал на старинные слова профессор.

– От торта толстеют!

– Ах, ты такая воздушная, манящая, летящая...

"Совсем с катушек поехал", – подумала Вера, а вслух сказала:

– Пойду я чайник поставлю!

– Чудно, чудно! – закурлыкал профессор, предвкушавший тет-а-тетное чаепитие со своей музой.

Вера на кухне задержалась, пока чайник не закипел. Она стояла над закипающим чайником и думала, что поведение её по отношению к профессору отвратительно. Она вспомнила термин, употребляемый мальчишками во дворе: "Крутить динамо!" Теперь вот она крутила

динамо. Но в качестве оправдания нашлось то, что профессор сам взялся патронировать её в части написания текста диссертации, после чего он завёл её в дебри переписывания цитат, а обратного хода у неё уже не было. Она даже подозревала профессора, будто эти цитаты ему самому для чего-то нужны. Потом, когда она устанет от слепого коллекционирования цитат, он их присвоит и воспользуется ими сам!

Чайник вскипел, Вера отмела грустные мысли и проследовала в комнату. Она застала профессора за прочтением цитат, и когда она вошла он, отстранив их, стал с помпой восхищаться:

– Прекрасно, прекрасно! Вам удалось тонко подметить концепцию! Только такая прелестная девушка могла так тонко подметить...

Дальше он сполз на откровенные комплименты, и Вере стало казаться, что он сейчас станет хватать её за коленки. Она прервала его тирады простым предложением:

– Давайте пить чай!

Они принялись пить чай из фарфоровых чашечек. Профессор неустанно ворковал:

– Прелестно, прелестно! А что вы так длительно на кухне проводили время?

– На всякий случай. Студенты чайник могут спереть или плюнуть в него! – соврала Вера.

– Ах, какие негодники! Какая отвратительная молодёжь пошла!

Ему оставалось мгновение, и он бы вскричал: "Я помню в наши годы..." – но он был человек чуткий, не стал акцентировать свой возраст и резко перевёл разговор на насущные проблемы:

– Вера, извините за бестактный вопрос, вот вы так прелестно выглядите, так модно одеваетесь. Как вам удаётся поддерживать столь высокое материальное положение?

Профессор явно зондировал возможность своего участия в материальном обеспечении девушки.

– Пока папа был жив, он поддерживал, а теперь вот копила на джинсы... Но сейчас какие джинсы?

– Позвольте, а что, джинсы так много стоят? – сбил с пути профессор свою дипломатическую линию.

– Представьте. Так же дорого стоят виниловые диски с записью западных рок-групп. Среднестатистическому трудящемуся надо месяц трудиться, чтобы купить даже подержанный диск.

– Подрывает нас ЦРУ, подрывает! Раскачивает идеологию молодёжи!

Профессор стал инстинктивно защищать свои сбережения, предполагая, что придётся нести расходы на содержание гардероба Веры. – Так если бы подрывали, то продавали бы нам диски и джинсы подешевле!

Вера думала: "Как всякий преподаватель общественных наук он состоит в стукачах, что он меня провоцирует? Уж не донести ли хочет? Дадут волчий билет, и вся любовь!"

Профессор почувствовал холодок в поведении своей возлюбленной и повёл разговор на тему, которая их больше всего обобщала:

– Вот если бы выбрали тему изначально: "Судьбы России в произведениях авторов Серебряного века!" – я бы вам текст хоть сегодня бы подарил, есть у меня один, готовый для защиты!

– Спасибо, я уж как-нибудь сама.

Вера совсем закручинилась. Такая у неё была патовая ситуация: одной оставаться скучно, с профессором совсем невыносимо. Подруг у неё и раньше особо не было. Как умер папа – все, которые были, сразу дистанцировались от неё, думали, что сейчас пойдут у неё напроги финансовые, станет их вовлекать в свои неурядицы. Профессор почувствовал, что девушка пребывает в растерянности чувств, приблизился к ней и полуобнял за плечи. При этом он применял приёмы расположения к себе те, что использовал ещё в студенческие времена:

– Чудная, прелестная, – непрерывно ворковал он и думал: "Чёрт! Надо было шампанского захватить с собой!"

Другая его рука просовывалась аспирантке под юбку, между бёдер. Профессор уже думал, что дело в шляпе, он возбуждился как в

юности и всё его астеническое тело пронизывали конвульсии, в которые перешла предшествующая дрожь. Но в этот момент Вера очнулась от забытья и мгновенно нанесла яростный удар правой рукой. Удар пришёлся прямо по седой бороде профессора. Очки его полетели в угол, а вставная челюсть упала под ноги. Ошеломлённый профессор принялся нашаривать на полу челюсть, так как он боялся, что впопыхах они её раздавят ногой, а челюсть была дороже очков. Но без очков он не видел, поэтому ползал на коленях, ища "на звук", он слышал, как что-то упало в стороне, но это было падение очков. Вера с омерзением пинала челюсть ногой ближе к рукам профессора, и он, не смущаясь, отправил её в рот, тем самым обретя речь:

– Ах, вы меня не так поняли!

– Всё я так поняла! Главное, чтобы вы всё правильно поняли, у меня есть жених и я ему верна! Но даже ему я не позволяю подобные мерзости.

Профессор, бормоча извинения и похвальбы, ретировался. С ним ушла надежда на защиту кандидатской диссертации. От всего этого занятия осталась стопка общих тетрадей с безумным числом разрозненных цитат, выписанных из разнообразных источников. Как найти практическое применение этому овеществлённому труду она придумать не могла. Помыв посуду, она улеглась спать. Сон долго не шёл к ней. Она была занята мыслями, которые текли по двум противоположным направлениям. Какой хороший Рафик и как ему там сейчас трудно, гораздо, несоизмеримо трудней, чем ей, на его мужественной работе! – вторая мысль, которая раздирала её, была о том, что деньги, скопленные на джинсы, уже закончились и надо думать о хлебе насущном. С этой идеей она проснулась ранним утром и, недолго размышляя, пошла трудоустроиваться, коль великого учёного из неё пока не получалось.

О месте выбора работы она долго не заботилась, не обзванивала знакомых с просьбой помочь ей в этом. Тем более, что значимых знакомых у неё не было, были полуподружки, с которыми она проучилась пять лет в университете и вместе защищала диплом. Но теперь они все стали противниками в состязании жизни – кто лучше карьеру сделает. Советские люди по наущению партии не должны думать о карьеризме, но втуне каждый стремился обскакать друг

друга. Об инструментах в этом состязании мало кто думал. Пусть это были родители, родственники, или выбранный для интриги потенциальный старый пердун, но цель была у всех одна – занять должность позначимей, а потом на встрече выпускников блеснуть статусом и окладом. Поэтому помощников среди старых однокашников было найти невозможно. Вера все эти условности понимала внутренним чувством, поэтому, не надеясь ни на кого, зашла в первое, которое географически располагалось ближе, советское НИИ. Система охраны на входе была весьма примитивная. Сидела бабушка в сатиновом халате на стульчике за списанным маленьким письменным столом, системы "школьник", и спрашивала:

– Вам к кому?

И если человек мог внятно, допустим, "В производственный отдел!" ответить, то он проходил беспрепятственно. Этим принципом в постсоветский период долго пользовались челноки. Они набивали огромные клетчатые сумки неликвидным барахлом, зачастую примитивно ворованным, и продавали служащим по бросовым ценам. Несчастливым синим воротничкам было некогда бегать по толкучкам, а иногда просто лень, и они с радостью скупали кофточки и юбки по цене бутылки водки. Террористы и рейдеры закрыли такую ветвь в бизнесе, бабушек в сатиновых халатах сменили мордовороты, которые в социальной лестнице должны бы работать бульдозеристами и молотобойцами. Эти молотобойцы ревниво бросаются на всех посетителей, в надежде, что им за проход дадут на полбутылки чистоганом. Если такая удача случается, то молотобойцы получают вдобавок материальное удовлетворение. Они в розовых мыслях мнят себя, кроме состоявшихся рэйджеров, ещё и начинающими с перспективой бизнесменами, примерно, как гайшники. Во время периода бодрствующей смены они, как бы между прочим, просматривают в газетах сводки с рынка IPO и думают:

– Ну, нет! Челси и яйца Фаберже я покупать не буду! Нам такие засветки не нужны!

Так вот, Вера благополучно проскочила вахту и, следуя табличкам на дверях, нашла отдел кадров. За письменным столом, поставленным в красный угол, рядом с зелёным сейфом, напоминающим подбитый танк, судя по ситуационному размещению,

восседала начальница с серым лицом хронического чиновника, обрамленного очками с позолоченными дужками и химической завивкой. Начальница испытующе глянула на вошедшую поверх грязноватых стёкол очков, тем самым задавая немой вопрос:

– Чем обязаны?

Вера, хотя и прошла школу мужества, заключающуюся в каскаде экзаменов и зачётов в университете, померкла под этим взглядом, который был отточен на раскалывании рецидивистов, когда те хотели устроиться на работу в это НИИ поближе к спирту и пытались скрыть судимость. Речь Веры задёргалась, как неисправный реверс-редуктор колхозного катера:

– Я по просьбе... шла... подумала, хотела!..

– А-а-а! Это по просьбе Ивана Николаевича? А мы вас давно ждём! Ваше место, как просили, поближе к новейшим технологиям!

У начальницы отдела кадров, в первый раз в жизни вышла поправка, об этой ошибке она так никогда и не узнает. За неделю до визита Веры начальнице позвонили из райкома. На работу устроиться – необходим был звонок "сверху". Из райкома сказали, что на работу надо устроить какую-то родственницу Ивана Николаевича. Эта родственница, которая была тёзкой Веры, конечно, ни на какую работу не пошла. Это был её временный порыв, который уже закончился, и она вновь, почти второй десяток лет, принялась "готовиться в институт". Этим термином зашифровывалось приятное времяпровождение по вечерам и сон до обеда. Как бы то ни было, но добрую услугу эта чья-то дочка для Веры сослужила. После всяких справок из поликлиники и инструкций по технике безопасности ей велели идти, наконец, в эту продвинутую лабораторию, с таинственным названием "Тематическая" Вера поднялась на седьмой этаж, где эта "Тематическая лаборатория" располагалась и, держа направление в руке, отворила дверь своей первой в жизни работы. В огромной, впечатляющих масштабов комнате, по углам стайками стояли письменные столы, заваленные пирамидами бумаг и брошюр, как и полагается у бездарных лодырей. Но в центре стоял огромный стол, явно принадлежавший одному человеку. Этот человек спал сидя, уткнувшись лицом в состыкованные руки, которые лежали на каких-то огромных схемах электронных приборов, расстеленных на

столе. Всю эту картину венчал мерцающий включенный осциллограф. Можно было подумать, что человек трудился над схемами сутки и, сражённый усталостью, задремал. Но подле правой руки у человека стояла открытая бутылка, на дне которой, на палец уровнем, оставалась водка. Вера, не видя больше персонажей, обратилась безнадежно к спящему:

– Вы Старосельцев Эдуард Борисович? – при звуках речи спящий зашевелился, и ободрённая Вера сказала – Здравствуйте, я к вам по направлению!

Спящий, делая вид, что он и не спал, да и вошедшую в увлечении работой не замечает – так заработался, стал стучать кулаком по осциллографу с криком:

– Импульс! Импульс давай!!!

Его интонации были похожи на вопли хоккейного болельщика. Коричневое демисезонное пальто, которое вольно было накинуто на плечи, упало между его спиной и спинкой стула, но он этого не замечал и требовал у прибора импульс. Если бы эту картину наблюдал искушённый человек, он бы удивился: осциллограф ни к чему, кроме электросети, не был подключен, ручки настройки стояли на "калибровке". Но оседлавший стул исследователь, очевидно, воображал, что прибор делает замеры с бумажных схем, поэтому его переживания были очень правдоподобны и искренни. Это был научный сотрудник по кличке Лобстер. Сделав вид, что только что заметил Веру, он, сильно окая, спросил:

– Вам ча'о?

– Я к заведующему лабораторией Старосельцеву! – сказала Вера со слабой надеждой, что перед ней и есть сам завлаб.

– А к нему ча'о?

– У меня направление на работу, я новый сотрудник, лаборантка.

– А-а-а! Новый отряд тунеядцев! – сатирически высказался Лобстер. – Нет. Я работать!

– Не обращай внимания, – в этом месте Лобстер вылил остатки водки в мутный стакан и выпил залпом. На закуску закурил вонючую болгарскую сигарету.

- Это я так "НТО" называю, научно-техническое общество. В общем, мы здесь все по НИСу подвигаемся...

- А, что такое НИС? – решила сразу разведать всё Вера, не обижаясь, что её фамильярно зовут на "ты".

- НИС – это научно-исследовательский сектор.

- Так ведь весь институт исследовательский?!

- Да. Но наша лаборатория самая научная. Кстати, давайте познакомимся? Меня зовут Саша. Если хотите, зовите как все – Лобстер.

- Меня зовут Вера. Лобстер, это ваша фамилия?

- Нет. Это лет пять назад поехал я в Одессу к родственникам отдыхать. Там деньги у меня украли, – при этом Лобстер слегка покраснел и потупился, деньги он пропил... – Так я питался почти месяц мидиями, которые ловил прямо у пляжа, возле канализационной трубы. Здесь рассказал, а они всё перевернули. Вроде, как я питался лобстерами, и дали такое прозвище.

- А должность у вас, извините за бестактность, какая?

- Старший научный сотрудник! – гордо произнёс Лобстер. Вера про себя подумала: "Старший сотрудник, а пьёт, как сантехник!". Вслух же сказала:

- У вас, наверное, крепкая позиция в лаборатории? – не став добавлять, что раз пьёт на рабочем месте, наверное, родственник высокий пост занимает!

- Нет, – прочитал её мысли Лобстер. – Просто я один из всей лаборатории, включая завлаба, который во всей этой "кухне" разбирается. Все остальные приняты "по звонку". Вы, наверное, тоже?

Выпитая порция стала действовать на воспалённый мозг единственного спеца, поэтому он так развязано задавал вопросы.

- Нет. Я просто зашла в отдел кадров и устроилась!

- Ладно гнать-то! Слышал я разговор кадровички! Завлаб аж пищал, как упирался, а она: "Важный человек позвонил! От этого зависит ваше существование!" Как может зависеть существование? Впрочем, если только существование...

Тут Веру как жаром обдало! Она поняла весь эзоповский язык начальника отдела кадров и утвердилась в мысли, что она заняла чужое место... Раскаяние и стыд охватили её. Пребывая в замешательстве, она первому встречному человеку, этому Лобстеру, рассказала о произошедшем с ней приключении с трудоустройством и спросила совета:

– Как мне поступить, пойти всё поведать кадровику?

– Не заморачивайся! – с бесшабашностью пьющего человека молвил Лобстер. – Здесь все работают "по звонку", тебя и не заметят. А, может, всё проскочит, как надо!

Вере больше советоваться было не с кем, она решила: – Будь, что будет! Пусть всё идёт на самотёк! В это время лаборатория стала наполняться сотрудниками. Они

шли с обеденного перерыва, который у них затягивался на два часа. Все всегда оправдывали свой затяжной обед:

– В кафе большая очередь. А, начальство не хочет заботиться о нас, о трудящихся, не делает столовую при институте!

Самая активистка лаборантка выставила на стол картонку с пирожными и стала вести сложные расчёты, кто сколько давал на них денег, и кто кому должен теперь отдавать разницу в цене. Пирожные предназначались для послеобеденного чаепития. Этаким файф-о-клок. Лобстер воспользовался всеобщей занятостью подсчётами, он где-то успел "догнаться", подскочил к картонке и спросил в никуда:

– Это што, пирожное?

Он выхватил из картонки несколько штук и сожрал их в мгновение ока. Общественница набросилась на него:

– Это же чай нам пить!

Но Лобстер был не подвержен укоризне. Он прокомментировал съеденное:

– Пирожное – говно! – и чтобы подчеркнуть свою значимость в лаборатории, он уперся в развернутые схемы, тупо глядел на них, а потом прокричал: – Разве это схема, это же говно!

На робкую просьбу общественницы:

– Не выражайтесь, здесь же девушки! Он стал бить кулаком в осциллограф, вопя:

– Импульс, импульс давай!

Все знали, что это надолго. Но, к этому деянию относились с трепетом. Так как эта была единственная деятельность, которую производила вся лаборатория.

Все стали тихонечко знакомиться с Верой. Среди пришедших отобедавших было много младших научных сотрудников. Вера заняла одну из низких ступеней иерархии. Стол ей только пообещали:

– Вот придёт новая мебель...

Вера поняла, что её основная обязанность будет мыть чашки после чаепития. Эта перспектива энтузиазма не прибавила, и Вера подумала:

– Что поделаешь, жить-то надо!

Отработав первый рабочий день, она пошла домой. Видимо, это был один из самых удачных дней её жизни. В холле общежития для аспирантов её давно дожидался Раф, который, наконец-то, приехал на отгулы. Он после трёхдневных отчётов в конторе экспедиции взял билет и прилетел прямо к Вере, без всяких согласований. После долгих объятий счастливая Вера спросила:

– А что же ты не сообщил о приезде?

– Да вот, хотел застать тебя врасплох, с женихами! – пошутил, в своём ключе, Раф.

– Какие женихи? Я к тому, что я бы сходила в парикмахерскую, причёску навела бы!

– Но ты мне дорога такой! – пропел её возлюбленный.

Не обращая внимания на вопли вахтёрши, что надо записаться по документам, Раф "паровозом" прошёл вслед за девушкой своей мечты, за Верой. В комнате та попыталась навести порядок, который и так был относительно соблюден, но Раф увлёк её целоваться. Он попытался перевести поцелуи в более решительные действия. Но Вера твёрдо сказала ему:

– Рафик, я для себя уже всё решила! Но пусть это состоится вечером, когда темно!

– А, что нам мешает сейчас этим заняться! – вскричал распалённый Раф. – Я так долго ждал этого мгновения!

– Дело в том, что я до сих пор девушка. Я ждала тебя. И для меня это очень волнительно, пусть это пройдет вечером, как положено!

– Кто такие порядки устанавливал, я не знаю!

– Я очень стесняюсь!

– Ну, ладно, - Раф стал успокаиваться. – Давай, корми мужчину!

– А у меня ничего нет. Подожди немного. Я схожу в магазин!

– Ну, ты оптимистка! Что же ты купишь в магазине, икру баклажанную? Давай пойдём в ресторан, тем более что повод есть!

– Да я как-то не привыкла ходить в рестораны. Давай, сходим в столовую, что ли?

– Ну, ты придумала! Может, ещё в студенческую? Я принимаю это за юмор. Пошли, пошли! Я с больших заработков. Могу же я угостить свою невесту!

Вера стала собираться, последовали слова:

– Я даже не знаю, что мне одеть?!

– Началось! Ты сильно не переживай, ресторан — это та же конюшня, я могу туда пойти даже в спецовке!

Вскоре они уже обедали солянкой сборной и бифштексами. Выпили аж две бутылки шампанского, вернее, пил больше Раф, а Вера лишь поднимала тосты и пригубливала. Вскоре в ресторане заиграла музыка, воспроизводимая местными музыкантами. Зал к этому времени наполнился. Большинство это были мужчины, объединенные стайками по два-три человека. Некоторые пристально поглядывали на Веру. Раф вспомнил, как он уводил чужих невест, и ему стало неприятно от этих воспоминаний. Он живо поставил себя на место обокраденного жениха.

Конечно, Вера таких рокировок не допустит, даже в самых приблизительных допусках. Но Раф, всколыхнутый воспоминаниями, как он хулиганил в своё время, поспешил увести свою спутницу из этого вертепа, где танцы уже набрали обороты, и пошли заказы "лезгинки".

По пути они купили конфет, торт по два рубля пятьдесят копеек, масляный с розочками и белым полем, окаймлённым тривиальным кантом. На вахте Раф спросил дежурную:

– Дежурите? Ну-ну. Вернусь, проверю! – и прошёл без предъявления документа. Вахтёрша силилась вспомнить, где она видела этого представительного мужчину, но махнула рукой...

Придя в комнату, Вера сходила в душ, который располагался дальше её комнаты по коридору. Придя в комнату, она увидела, что её избранник уже лежит раздетый под одеялом и его сотрясает дрожь от возбуждения. Она спросила:

– Ты что, замёрз?

– Да, замёрз! Иди сюда!

Она нырнула под одеяло и сообщила своему избраннику, что она ещё девушка и решила, что первым её мужчиной станет он, её любимый Рафик. Рафа это сообщение немного обескуражило, что бы выиграть время, он вручил ей в руку свой набрякший "конёк". Потрясенная девушка спросила:

– И, что, вот эту огромную штуку надо туда, вовнутрь?

– А ты как думала? – игриво ответил обладатель "огромной штуки", – Радоваться надо, а не пугаться!

Удержание в руке "штуки", которая казалась живой и существующей отдельно от них, очень возбудило девушку, и они приступили к одолению сантиметров проникновения "вовнутрь". В конце концов, у них всё получилось. Хулиганистая натура Рафа подсказывала ему:

– А, не проверить ли девственницу с другой стороны? Ему вспомнилось, как он предложил одной девушке: – А давай теперь "с другой стороны"?

– Разве так делают? – спросила наивная девушка.

– Делают. Все так делают! – И мама с папой тоже?
– И мама с папой – тоже!

Девушка согласилась на всё!

Но в случае с Верой у Рафа были другие намерения. Он не стал портить свою будущую жену. Он решил жить с Верой всю жизнь. Но

пока ей ничего об этом не говорил. Она тоже этого хотела и надеялась. А пока она плакала об утерянной девственности, уткнувшись в плечо своему "лишителю"

Все отгулы Рафа они провели, большей частью, не выходя из комнаты Веры. Раф в подарок своей суженой купил в местном магазине "Культтовары" магнитофон. Причём весьма не плохой. На этот подвиг его сподобил сосед-аспирант. Тот владел неплохой коллекцией хард-рока, и записи были относительно качественные. Пока Вера была на работе, Раф переписывал у соседа концерты "Лед Зепеллин", "Пинк Флойд" и других ансамблей. Взамен он поил соседа портвейном, который тот очень любил. Весь месяц Раф приобщал Веру к хард-року. Та, воспитанная на классической музыке, быстро втянулась, найдя, что этот жанр и есть современное продолжение классической музыки. Она говорила Рафу:

– А. что? Всё же в мире терпит эволюцию!? Если бы не было прогресса в музыке, мы бы слушали бы сейчас какую-нибудь лютню.

Раф ей поддакивал:

– Музыка претерпевает метаморфозы совместно с технической революцией. Изобрели электроинструменты – вот и музыка вся трансформировалась. Теперь не надо роту музыкантов с альтами. Один музыкант двинул по струнам – и всё! Зато согласованность какая! И дирижёра не надо!

Вера всю использовала лафу, которая царила у них на работе во ВНИИ. Все прогуливали со страшной силой! Была какая-то состязательность: "Кто круче отмазку выдумает!" Самое неспортивное было – спекулировать болезнью своих детей. У Веры был неплохой дебют. Ей необходимо было пройти медицинскую комиссию, как вновь принятой. Очереди в поликлинике были страшные. Все об этом знали. Раф пошёл с Верой и решил эту проблему по-своему. Он взял у незнакомого парня-счастливчика, прошедшего комиссию готовую справку, наложил на неё Верину, и всё это приложил к стеклу, прямо в коридоре поликлиники. Потом он обвёл каракули докторов, сильно не вдаваясь в смысл, хотя каракули даже сами авторы не поняли бы. Потом он подскочил очень резко к сонной регистраторше, сунул ей исписанный бланк, и та шлёпнула печать. Эту измаранную бумажку, Вера принесла в отдел кадров,

инспекторша кадров, также не глядя, подшила её в личное дело. Так неделя была выиграна влюблёнными. Но отгулы пролетели быстро, как все счастливые периоды в жизни. И вот Вера уже провожала Рафа в аэропорту на буровую, как временами провожала, бывало, своего отца. Тот, так же как и Раф, беспокоился:

– Как ты будешь добираться одна до города?

Дул пронизывающий ветер, как во всех аэропортах, из-за больших открытых пространств и остро пахло не до конца сгоревшим авиационным керосином, который знатоки называют "тээска".

Глава 16

Голован уже давно как с буровой уехал. Неделю в тундре стоял мороз, и ему выдали циркуляр: проложить зимник. Он уже приезжал на Воравейскую на лёгком грузовике "Газ-66". После его первооткрывательства зимней дороги, предстояло долго накатывать её всякими приспособлениями, сконструированными на тракторах, под народным названием "гитара". После такого накатывания на снегу тундры, при виде сверху, с вертолёта, видны шрамы дорог. Эти дороги исчезают вместе с весенней оттайкой. Поэтому за этот период, несколько месяцев, пока наст не рухнул, пока не появился первый нагрев снега солнцем, наконец, поднявшимся над горизонтом, все спешат завезти груз. Этот зимний завоз обеспечивает работу буровой всё лето, и лишь некоторый ассортимент груза возят вертолётном. "Газ-66" – удивительный грузовик, сконструированный полвека назад, но до наших времён вовсе не лишившейся актуальности. Так как является единственным из всех автомобилей, способным ехать по целине тундры, прямо по снежному насту.

Наконец, на буровую, давно сидевшей на голодном топливном пайке, пришёл соляровоз на базе автомобиля "Урал". Силовые установки буровой давно не работали из-за дефицита топлива. Для поддержания работы электростанции помбуры спускались в соляровые ёмкости, долбили во льду на дне емкостей луночки, из которых потом начерпывали вёдрами накопившееся дизтопливо для электростанции. Первым же рейсом топливовоза жена дизелиста Поэта, пока тот был на вахте, сбежала от него в теплой кабине "Урала", Поэт не хотел верить в бегство своей избранницы, хотя причина для её дезертирства, была веская. В первое же утро, после того как дизелист, посланный в разведку в прачечную, доложил Рафу:

- Они там лежат "вальтом"!..
- Кто вальтом? – спросил делающий вид, что не понимает, Раф.
- Жена Поэта с Бобром!

Так, вот, в первое же утро Поэт прибежал к Рафу и взволнованно сообщил:

- Вы видите, что творится!
- А что творится? – невозмутимо переспросил Раф.

– Так моя жена с Бобром съе...лася!

– Ну-у, ты не горячись! – дипломатично тормозил новоявленного

Отелло Раф. – Я уверен, что это только слухи. На буровой людям скучно, у самих давно "не стоит", вот они тебя и дрочат!

Поэт его не слышал. Он только пожаловался ему на судьбу:

– А я такую глупость совершил, я её двух детей усыновил!

– Ну-у! Ты молодец! Ты отец – герой!

Раф очень боялся, что Поэт порешит в одночасье свою коханую "поэтессу". Ему, после убийства Пети из двустволки, всякие инциденты были ни к чему. Случай хотя и записали, как самоубийство, имел интерпретацию в управлении экспедиции, как "нездоровая обстановка на буровой". Все знали, что Петю убил помбур Лист.

Теперь, сразу после ходки "Урала" с дизтопливом, Поэт прибежал к Рафу и спросил:

– Вы мою жену не видели?

– Делать мне не хера, как за твоей женой следить!

Поэт сильно колотил жену после прелюбодеяния Бобра. Но самому Бобру ничего не предъявлял.

– А, может, вы её куда послали?

– Я тебя сейчас пошлю! И посылаю!

Но неугомонный Поэт примчался через полчаса, по третьему кругу, обследовав все вагончики. Чтобы умаслить начальника, он обратился к Рафу с элементом манипуляции его сознанием:

– Вот, вы человек умный! Говорят, километрах в пяти от буровой, есть брошенный сейсмиками вагончик полусломанный, может, жена там прячется?

– Так узнай, что ты у меня спрашиваешь?!

Дизелист поэт уже начал Рафу порядком надоедать. Но тот всё неуклюже пытался манипулировать:

– А может она у вас в шкафу прячется?

До этого Поэт проверил все шкафчики в вагончиках всего посёлка.

– Слушай! – не выдержал Раф, представивший, что дизелист

проверяет у него шкаф на предмет нахождения в нём своей толстой жены. – Она в вагончике сейсмиков, в шкафу, ты не подумал об этом? – и уже испугавшись, что Поэт это воспримет, как руководство к действию, добавил. – Наверное, может быть, но весьма не достоверно!

Однако Поэт попёрся в этот вагончик без лыж, по насту. К вечеру, как всегда, поднялась метель, "низовик". Этот тип метели весьма неприятен тем, что поднимается всегда неожиданно. Нашли поэта через четыре дня. Песцы и его объезд не успели, белые медведи ещё не мигрировали со своего острова Врангеля. Нашли его целого, но замёрзшего в километре от буровой. Возможно, он уже слышал гул дизелей, но пройти последние сотни метров у него не было сил. Очевидно, он решил вздремнуть минут пятнадцать и заснул навсегда. Нашли его вертолётчики случайно. Им дано было распоряжение: "При подлёте к Воравейской осматривать окрестности – пропал человек! Но керосин зря не жечь, пропал давно!" На тягаче Поэта искали весь следующий день после его пропажи, тягач был "газушка", бензиновый. Искали, пока не кончился бензин. "Газушку" без топлива потом притащили трактором на буксире. В отчетах Раф писал, что дизелиста ищут. Реально все знали, что в такой мороз, в такой экипировке, он давно замёрз. Жена Поэта прилетела на буровую за его вещами. Хоронить она его не стала, но вещи забрала. Тетради со стихами она выбросила в угол вагончика, а ношенные рубахи и бельё прибрала. Хоронили поэта за счёт экспедиции. Когда его везли с вертолёта на холодный склад базы в кузове "Урала", в этом же кузове попутно ехали помбуры, до общежития-заезжей. Они потом рассказывали за распитием воркутинской водки, что сухощавое тело поэта громко стучало по дну железного кузова. Вся дорога была в ухабах, а тело усопшего было сильно заморожено и положено на дно кузова без подстилки, лишь укрыто брезентом. Потом родилось крылатое выражение, если предлагали пойти, допустим, на зимнюю рыбалку на дальнее озеро, или была какая-нибудь опасность, говорили:

– Я не хочу потом, как Поэт, стучать по кузову "Урала"!

Раф сильно мучился, особенно по ночам: "Выходит так, это я спровоцировал Поэта идти в этот полуразломанный вагончик!" Но свидетелей их разговора не было, а Раф, будучи, в общем-то, человеком неглупым, такого факта никому не сообщал. Он, наоборот, орал на всех:

– Я вам всем сколько говорю, что ходить по тундре, вне территории буровой строго запрещаю! Вот ваша территория: один гектар, дальше – ни шагу!

Буровики слушали его, молча курили, но, в душе думали:

– А как же охота, рыбалка?

Причём, никто, за исключением приезжих геофизиков, ни на какую охоту никогда не ходил. Если шло бурение, то все выматывались до такой степени на работе, что, придя с вахты и поев, валились, как снопы, спать. В тесной раздевалке-сушилке, спецодежда, развешанная помбурами, не успевала просыхать. На следующую вахту её вновь одевали, непросохшую, пропитанную нефтью и химреагентами. Последние – те немного подсыхали от влаги, а нефть высушить было невозможно. То и другое остро пахло техническим запахом, отчего в сушилке стоял неисчезающий смрад. Особенно трудно приходилось с обувью. Когда стояли сильные морозы, помбуры были вынуждены носить валенки. Они являлись довершением зимнего комплекта одежды, состоявшей из ватных брюк и телогрейки. По непонятной моде телогрейку шили коротенькую, едва достающую до пояса. В общем, это был весьма укороченный вариант среднеазиатского бабайского халата. Телогрейка также имела начинку из хлопка, и покрыта была и внутри, и снаружи сатином невыразительного тёмного цвета. Валенки подшивались умельцами, которых было на буровой один-два. Подшивали их приводным плоским транспортёрным ремнём. С одной стороны, это было большое благо: валенки не изнашивались, меньше промокали. Но высушить такую конструкцию было невозможно! Нарядившись в эти сырые от химреагентов доспехи, буровики брели сквозь мглу Заполярья на работу, поев борща из концентрата и второе, всегда состоящее из макаронных изделий и консервированной тушёнки. Любая попытка поварих стготовить крупяные блюда мгновенно

вызывала бурю возмущения. Этот продукт напоминал кому зону, кому армию, и столовую оглашал дружный протест:

– "Кирза-а-а"!!! Ещё раз приготовишь – полетит в "амбразуру"!

Искушённые поварахи никогда не предпринимали попыток повторить кулинарный опыт с кашей!

После макарон телогрейки не грели. Особенно отвратительно холодно было верховым рабочим. Эти помбуры сидели на самой верхотуре вышки и подавали или принимали трубы внутрь буровой, где трубы стояли стоя, как карандаши. В зависимости – спуск или подъём был по технологическому процессу. Не сказать, что спецодежду выдавали редко, и потому помбуры ходили в грязных растерзанных ватных костюмах и брезентухе. Давали и хлопчатобумажные костюмы. Но в них помбуры находились между вахтами, ходили в этой одежде в столовую или играли в карты. На выходные, в город поехать, в таких костюмах было невозможно. Для этих целей существовали брюки и свитера, которые ходили по кругу, от одного отгуливавшего к другому. Эти брюки принадлежали кому-то. Но, ещё задолго до отгулов, их выпрашивали у владельца. Бывали случаи, когда на отгулах брюки рвались, тогда конфликт был невероятный. У верхового Бобра был свой свитер. Он его носил и на вахту, и на отгулы. Перед отгулами он его стирал, поэтому в последнюю вахту он выходил всегда в телогрейке без свитера, поддев хлопчатобумажную куртку на голое тело. Всю смену он размахивал руками, охватывая себя за плечи, и покряхтывал от холода, пока свитерок сушился в котельной. Не сказать, что это был шикарный свитер, какой-нибудь исландской шерсти. Так себе свитерок! Как говорят в народе – крапивный. Стоил он в магазине эквивалентно трём бутылкам водки. Только одежду в магазине покупали весьма редко. Это была просто религия какая-то. Её можно было бы назвать "антишопинг". Спросил как-то Раф помбура Васю:

– Чего ты себе куртку не купишь? Деньги-то хорошие зарабатываешь!

– Это если бы канадскую, или английскую! С двести восьмьюдесятью заклёпками... А так, что носить дерьмо, что все носят?!

Раф невольно подумал: "Откуда у него сведения о количестве заклёпок?" – но комментировать не стал.

Рано утром бурильщик Олег разбудил Рафа:

– Начальник, вставай! Инструмент совсем не идёт из скважины! Тяну уже на весь предел по индикатору веса. Заклинка глухая!

– Наверное, уронили чего? – "на прихват", спросонья начал обвинять бурильщика Раф.

– Да ничего не роняли в скважину, вот те крест! Помнишь, те тяжёлые низа, что ещё при Фархаде оставили на забое, а потом обурили другим стволом? Вот они, наверное, и выпали, клянут инструмент!

– Ты давай, иди, расхаживай инструмент, только с промывкой, а я пока чифирну!

Олег ушёл. Раф оставил себе тайм-аут поразмышлять над прихватом: "Такую аварию – или тянуть инструмент на весь запас его прочности, или отворачиваться и спускать забойные отбойники!", – размышлял Раф. Он знал, что отбойников на базе экспедиции нет, штука это дефицитная. Надо клянчить где-то в другой конторе. На это уйдёт много времени, которого бригаде и так катастрофически не хватает. По итогам, подведённым за первый квартал, они были на самом последнем месте. Последние полтора месяца тоже не прибавили темпа. Проанализировав все эти активы, Раф сказал сам себе: "Надо тянуть!" и пошёл на буровую. Дизеля издавали синкопический рёв, когда талевая система брала нагрузку. Олег насиловал лебёдку от души. Какие бы там ни были обстоятельства, авария была на его вахте, и он хотел любыми способами освободить инструмент. Раф подошёл к посту бурильщика, посмотрел, как пишет циркуляцию индикатор веса, как бесится верньер, и сказал:

– Дай-ка я! Сколько собственный вес?

– Пятьдесят пять делений! – сказал Олег.

Потом Раф, примаив натянутые трубы-инструмент до номинала веса, обратился к собравшимся помбурам:

– Идите, попейте чайку!

– Да мы сейчас в дизельной заварим! – загомонили помбуры.

– Нет! Вы идите в вагончики, попейте, и дизелистов с дизельной тоже захватите!

Буровики поняли, что затеял их молодой командир. Но это был его выбор. Об этом решении суеверно молчали. Потом их внимание привлекла вновь появившаяся черная собака, которая подошла к началу мостков. Она сидела, как и положено ей, по-собачьи, глядела в створ ворот, как бы на Рафа. Помбуры с гиканьем погнались за ней, и она, гонимая, вскоре растаяла в утренних сумерках. Помбуры восхищались:

– Вот пёс! Неуловимый! Когда поймает, давайте его есть не будем, пусть поживёт на цепи!

За обсуждением этой вероятности они скрылись в вагончиках. Раф таями буровой натянул два собственных веса труб. Шкала индикатора веса была нелинейная и чтобы подсчитать собственный вес, необходимо было производить примитивные расчёты. Раф знал, что по техническим правилам ему можно натянуть нагрузку только выше половины веса инструмента. Мало того, что он натянул в два раза больше положенного, он ещё и задумался: "Не подтянуть ли ещё!"

В это время звуковая волна просто контузила его! Ему показалось, что время остановилось, и над ним пронёсся смерч! Когда он пришел в себя, буквально несколько мгновений спустя, он понял, что вышки вокруг него нет! Он стоит на чистом ровном полу, словно прибранном сверхмощным пылесосом. Только свист сигнального свистка, установленного внутри дизельной, заваленной обломками вышки и трубами, ранее стоявшими внутри вышки, напомнил ему, что он находится в реальности. Раф, ни секунды не раздумывая, быстро побежал к рации. В командирский бурдомик. Там по рации соединился с конторой экспедиции. Ему необычно быстро ответил главный инженер. Раф не знал, что установили новую функцию: переадресация на домашний телефон. Раф обратился к нему без приветствия:

– Иван Петрович! Вышка упала! – Как упала?!

– Обрушилась!

– Ну - у... хорошо!..

На том конце связи щёлкнуло и всё стихло. Раф попытался встать с кровати, на краю которой он сидел. Но не смог! Ноги, колени, не поднимали его. Такого чувства бессилия он не испытывал никогда! Через минуту раздался зуммер рации.

– Воравейская слушает! – ответил Раф.

На том конце связи раздался голос главного инженера:

– А никого не убило?

– Нет, все целы!

– Ну, ладно!

Рация опять щёлкнула на выключение. Через какое-то время опять раздался зуммер.

– Воравейская слушает! – снова ответил Раф.

Опять радировал Главный инженер:

– Никого к обломкам не подпускать! Скоро будет комиссия!

В этот момент у Рафа включились все органы. Он моментально вскочил, достал из-под шкафа "секретный" самописец приборов, заложил в него чистый бланк диаграммы нагрузки и лихо нарисовал от руки диаграмму, как если бы он расхаживал инструмент как положено по инструкции, регламентирующей ликвидацию аварий на глубоких скважинах. Подделав все надписи, Раф моментально занырнул в обломки разрушенной буровой. Пролез между дизелей, перелез через коробку перемены передач, открыл дверку самописцев и заменил диаграмму. Потом подвернувшись под руку обрезком трубы разбил стёкла, защищавшие самописцы. Когда он вынырнул из обломков, свист сигнала уже иссякал. Воздух в ресивере, наверное, кончался.

Через некоторое время, послышался гул подлетающего вертолёт "Ми-8". Когда он приземлился, из него вывалило ровно четырнадцать человек комиссии. Как их удалось так быстро собрать и отправить – для всех было большое удивление! Обычно вертолёт в тундру ждёт несколько дней. Бывало, неделю или две люди ждали отправки, а здесь за два-три часа всё было организовано и комиссия, члены которой были даже из территориально управления, осматривали разрушенную буровую. Особенно всех впечатлял

кронблок, отлетевший на восемьдесят метров. Эта махина весом пять тонн, обычно, в штатном режиме стоит на самом верху буровой вышки и служит верхними роликами полиспафта талевой системы, каната диаметром тридцать два миллиметра. От удара эту махину сорвало с анкерных болтов и швырнуло вдаль! Для точности замера организовали даже рулетку – мерную ленту. Потом последовал перекрёстный допрос.

Рафа спрашивали наперебой три члена комиссии. Остальные фиксировали ответы в приготовленных, для этого случая бланках. Сам Раф жил как бы вне времени. Он не отмечал, какое количество часов или минут прошло с момента аварии. Также он не думал, что столь жестокая авария поставит крест на его карьере, и он останется на всю трудовую жизнь конторским инженером... Он очень мгновенно, но корректно, отвечал на поставленные вопросы:

– В какое время вы приступили к ликвидации аварии? – В шесть часов сорок пять минут!

– Сколько вы натянули таями по индикатору веса?

– Девяносто одно деление, по "Гив-6".

– На какой период времени вы оставили натяжение в статике?

– Я не засёк по секундомеру, а часы мне не выдали в конторе экспедиции!

– Вы не ёрничайте, пожалуйста! Дела ваши очень плохи!

– Да уж куда хуже! Но не оставлял я инструмент "в статике" на вытяжке!

У Рафа родилось чувство пофигизма. В голове всё время вертелась любимая присказка буровиков: "Дальше солнца не угонят, меньше триста не дадут!" Эта поговорка родилась у зэков от убеждения, что севернее Воркуты и Колымы лагерей нет. Сейчас буровая стояла где-то на широте Воркуты. Ещё вдохновляло, что в штрафном изоляторе – "шизо", стали давать не по триста грамм хлеба, а по четыреста. Путём долголетних опытов учёные вывели, что от трёхсот граммов хлеба у человека развивается жировая дистрофия. Ещё Рафа успокаивало, что он краем уха слышал перед началом допроса, как один "серый кардинал" из территориального

геологического управления "втирал" представителям "Госгортехнадзора":

– Дело надо спустить на тормозах! Вы сами упустили сроки испытания вышки. Делали лишь продления срока эксплуатации на год. Да и то не вовремя!

Представители Горнотехнической инспекции согласно кивали. Раф, следуя своему природному чутью, понимал, что идёт нормальная процедура стряпанья документов. На то и есть профессия "стряпчий". Всем повезло, что человеческих жертв не было. Далее Раф продолжал автоматически отвечать на остальные вопросы однозначно, как на полиграфе.

Через час комиссия свою работу закончила. Огласили черновик протокола, из которого гласило:

– Причин аварии установить не удалось, поэтому виновные не выявлены!

Комиссия всех поблагодарила и, даже не отобедав, гуськом погрузилась в так же быстро прибывший вертолёт – отбыли. Гражина зря в честь комиссии заварганила шикарные блюда. Она принесла в бурдомик Рафу обед. Он состоял из огромного куса оленины, наштигованной салом и чесноком. Она, очевидно, намеревалась удивить комиссию, а досталось всё Рафу и его вновь прибывшему гостю, это был прораб вышкомонтажной бригады Гриша Рыбашлык. Он был прикомандирован мгновенно, чтобы оценить объёмы разбора завала. Его архаровцы-вышкомонтажники должны были прибыть на следующий день. Григорий привёз немного, в здешних масштабах, водки. Но – хорошей, не воркутинской. Вместе с обедом Гражина подала ещё пол-литра самогона. И пошли поминки по рухнувшей вышке! Пили Раф и Гриша вдвоём. Григорий был крепкий, чернявый и уверенный в себе товарищ. Он понимал, что у бурового мастера после такой аварии произошло смещение в голове. Поэтому он подливал ему и поддакивал. Ни в чём не возражал. Раф вопрошал его:

– Вот ты. Сколько своим прогулов ставишь, если вышкомонтажник прогулял, допустим, месяц?

– А сколько прогулял – столько ставлю!

– Так, а тебе-то зачем? Чтобы его премии лишить, хватит и двух прогулов. А тебе-то зачем показатели по бригаде портить?

– Ну, ставлю два прогула!

– Так за два прогула уволить могут, где потом хорошего специалиста возьмешь? Наказать рублём, хватит и одного прогула!

– Ну, ставлю один прогул!

Гриша был этнический казак, мужик крутой и скорый на расправу. В спорах он был бескомпромиссный. Но в этом случае он хотел вывести Рафа из опасного состояния. У того могла развиваться депрессия или ещё какая напасть. Так думал Гриша. Все хорошо помнили молодого бурового мастера, который имел жену красавицу и всё своё свободное время занимался культурой своего тела. Выглядел он, как модель с глянцевого журнала. А была на буровой женщина геофизик. Из независимой службы по наблюдению за скважиной. Она была мужеподобного типа. Бывшие зэки называли её "кобла". Это есть такая разновидность пола у людей на женской зоне. Эта кобла ходит у них там, на мужской манер одетая, в кепке, и удовлетворяет сексуально озабоченных женщин. Эта геофизичка на буровой тоже всё время ходила в спортивном костюме и курила папиросы. Интересы к мужскому полу не являла. До поры до времени.

На буровых двери в вагончиках, никто никогда отродясь не закрывал. И вот однажды просыпается этот красавец буровой мастер от мерзкого чувства. Он думал, это ему ужасный сон снится. Когда проснулся – понял, что это наяву. Кобла разделась догола и, забравшись на него, целовала его в губы своими мужскими губами. Буровой мастер со страшным нечеловеческим криком выбежал голый на улицу. Его еле уняли, такой с ним был нервный припадок. После этого инцидента у него развилась хроническая импотенция, и красавица жена его бросила.

– Нервы, они вещь опасная! Все болезни от нервов! – наставлял Григорий. При этих словах он наливал очередные чарки.

– Один триппер от любви! – вторил ему Раф.

Они опрокидывали по стопочке и принимались вкушать от щедрот Гражины. Вся публика буровой очень сочувствовала Рафу. Тампонажники принесли, как угощение, малосолевой рыбы.

Трактористы – пару бутылок водочки. Все сочувствовали, как могли. Прибывшие вышкомонтажники растащили обломки вышки за три дня. От удара оземь все крепления элементов вышки разрушились, поэтому кислорода на автоген пошло совсем минимум. После третьего дня "отмокания", обозначенному в конторе экспедиции, как "Раф ходил на рыбалку!", он посетил свежеистопленную баню. Опохмеляться он больше не стал, а с утра, на свежую голову, по рации связался с главным инженером и после приветствия спросил:

– Иван Петрович! Можно, я в отпуск поеду?

– В отпуск? Ну, ты и нахал!

После выключения рация помолчала десять минут, и вновь зазуммерила. Видимо, главный инженер советовался с начальником экспедиции. Потом его голос в трубку рации сказал:

– Ну, хорошо, приезжай. Оформляй отпуск!

На смену к нему приехал дежурный мастер. Был такой дед, бывший буровой мастер, он принимал и сдавал материальную часть у боевых мастеров. Заодно, таким образом, проводилась как бы ревизия матсредств, чтобы держать мастеров в тонусе. Фамилия его была Колбиков. Занудой он был эксклюзивной! Его удлиненный нос и овал лица всегда выражали удивление, которое подчёркивалось губами "в трубочку". Одевался он, как и подобает зануде, весьма основательно. Несмотря на то, что на Материке бушевала весна, да и в тундре уже чувствовалось её дыхание, он был одет, кроме свитера и пиджака, в толстую ватную куртку и поверх ещё брезентовый плащ. Начинал он свою ревизию медленно. Допустим, прочитывал:

– Прокладки коллектора всасывающего! Это, что это за прокладки такие, десять штук? Что-то я у тебя в складе их не видел!

– Ну, как же! В холодном складе, на связочке висят!

– Ну, пойдём, посмотрим!

И он надевал на себя все сложные свои наряды, венчал голову цигейковой шапкой, с приложенной поверх неё каской, и топал косолапыми шагами в холодный склад. Там, пощупав прокладки на связке, цена которым была по три копейки штука, он восклицал:

– Так их здесь девять!

– Десять, девять, какая разница! Всё равно они никому не нужны веками!

– Ну - у, не скажи! Что же ты меня обманываешь, что десять!

Этих стонов про десять прокладок хватало на целый день. Стоны он перемежал рассказами из своей практики, и ещё поучал Рафа, при всём этом, своим занудским премудростям. Как надо выдавать всё "под роспись", как контролировать расход:

– А то заезжие трактористы могут дизмасла себе заправить! Я у себя на буровой на кран ёмкости с маслом замок вешал, висячий!

В это время, перебив повествование об обмене опытом, как закрывать дизмасло на замок, вошёл сварщик и сказал:

– Надо электроды ОЗС, четвёрку – кончились!

Раф обрадовано сообщил:

– Электроды я уже передал. Вон, обращайся к новому хозяину! После долгих расспросов о норме расхода и сколько требуется, Колбиков отсчитал по счёту пятнадцать электродов и торжественно выдал их сварщику. Сварщик, привыкший получать электроды пачками, пожал плечами и не стал дискутировать. Ещё Колбиков заставил его и расписаться за пятнадцать электродов. Сварщик ещё не знал, что новый хозяин будет приходить на рабочее место во время отлучки сварщика, и забирать оставленные им для работы электроды. Сварщик будет орать, думая, что их украли помбуры, а Колбиков ему преподнесёт разнос за разбрасывание электродов. Он поведает ошалевшему от такого количества информации сварщику:

– Ты обязан хранить электроды в колчане и запирать их на ключ!

Сварщик никакого юмора не признавал и искренне возмущался в курилке каждый раз по этому поводу.

Худо-бедно, но всё когда-нибудь кончается и, наконец, Раф передал материальные ценности Колбикову. Потом собрал все свои, которые казались ему ценными вещи, словно чувствовал, что он в этой бригаде последний раз присутствует. И отбыл утренним вертолётom на базу экспедиции.

Поселили его в техкабинете. Там так же продолжалась перманентная пьянка, как и в восьмой комнате. Но – тихая, без драк и с приборкой стола. Всё пили ту же воркутинскую водку плохой очистки, так же маялись с похмелья. Правда, водопровод был подведён внутрь помещения, бегать на колонку с трёхлитровой банкой было без надобности. Пока Рафу насчитывали отпускные, он с переговорного пункта, с почты, позвонил Вере и скомандовал ей оформлять отпуск.

– Да меня начальники не отпустят! – кричала Вера в телефонную трубку по плохой проводной связи.

– А ты скажи, что едешь в свадебное путешествие! – сообразил Раф.

Такое известие окрылило Веру. Когда Раф, проставив "отвальную" Головану и компании, приехал в город, где работала и училась Вера, у неё уже были отпускные на руках. Билеты удалось купить неожиданно лишь до Сочи. Хотя Вера ещё планировала навестить маму. Но фортуна вернулась к Рафу, и они помчались на "Ту-154" прямо до Адлера. Встречи с перспективной тёщей он избежал. Всю дорогу Вера от счастья, щебетала, и мысли её перескакивали, как плоский камешек, пущенный по воде:

– Так, путешествие свадебное. А где же свадьба?

– Свадьба потом! – откорячивался Раф.

– А почему Адлер? Это что, "ад Лермонтова"? Он же был на Кавказе! – каламбурила Вера.

– Адлер – это один из организаторов, инициаторов Революции.

Немец.

Вопросы Веры продолжали сыпаться. Только Раф уже дремал, даже не откинув спинку кресла.

Глава 17

В Сочи из Адлера переехали на автобусе. Автобус выгрузил всех на вокзале. Пассажиров сразу окружили бабки – хозяйки квартир. Раф не любил конформизм, поэтому он остановил такси и велел ехать в ту гостиницу, которая на берегу моря и чтобы в Большом Сочи. Таксист повёз их куда бы подальше, и вскоре Раф с Верой оказались у подъезда гостиницы "Жемчужина". Раф так бодро вошёл через дверь в вестибюль, что даже швейцары вскинуться не успели. Но сонная дамочка, восседавшая в регистратуре, забаррикадированная двумя табличками "Мест нет!", даже не удосужилась удивиться неосведомлённости Рафа.

Потерпев фиаско у стойки регистрации, он оставил Веру на мягком диване и пошёл таранить чиновников гостиницы. Быстро отыскав приёмную директора, он стал вести игривый диалог эзоповским языком с секретаршей. Та, очевидно, снискала себе столь замечательное место работы явно не за острый аналитический ум. Она была похожа на путану на заре перестройки. Там было всё: сапоги, напоминавшие бродовые, для рыбалки неводом, только красного цвета, юбка, больше похожая на широкий трикотажный пояс, а кофточку полностью, до отказа, заполняла грудь, искусно выдавленная бюстгальтером. Над причёской, очевидно, трудились местные парикмахерши, обсмотревшиеся западных журналов, перемежая просмотр репликами: "А что тут такого? Я так тоже смогу. Легко!"

После диалога Рафа и секретарши, из которого можно было сделать оргвыводы, что директор пленил птичку, а прогулок ей вокруг голубятни не устраивает, Рафу стало объективно ясно: директора нет, и если случится чудо, и он материализуется, то это Рафу всё равно не поможет. Раф понял, что надо идти ва-банк. Он дерзко проронил:

– У меня в багаже существует набор французской косметики, это мне чем-то поможет?

– Ну, несите, посмотрим!

– Мадемуазель, – пустил в ход главную артиллерию Раф, почувствовавший, что ключ от номера в коготках этой рыбачки с

признаками юбки на аппетитной попке. – Мне же надо распаковаться, парфюмерия далеко на дне моего портплекда! А вечером в ресторане мы можем обсудить список дальнейших товаров, что привёз мой брат из Марселя!

Секретарша быстро набрала короткий внутренний номер и скомандовала:

– Маша! Оформи один люкс на моего человека, из брони обкома!

Раф подумал: "Ого! Директор, очевидно, глубоко проник в тайны этой рыбачки!"

Снулая регистраторша на ресепшене уже не такими пустыми глазами взглянула на Рафа. Подтверждением его полномочий для неё был стремительный вход Рафа. Она быстро оформила номер на "морской" стороне, на четырнадцатом этаже гостиницы, и Раф с Верой без помощи грумов оказались в номере. Номер отделкой напоминал среднюю квартиру обывателя, имевшего подход к товарной базе горторга. Всё та же мебель из деревоплиты, из опилок, смягчённая поролоном, затянутым в отечественный гобелен, и светильники а-ля модерн, стилизованные под стальные шары. Что-то вроде первого спутника Земли, что ли. Пол из паркетной дощечки были застелен паласами бежевого цвета, которые тщательно отмыли стиральным порошком в местах загрязнений. Но Вере и это всё показалось шикарным, ей думалось, что она уже "на самом верху!". От переполнивших чувств она вскричала:

– Как тебе удалось?!

– Я пообещал одной дамочке шикарный косметический набор.

– Где же ты его возьмешь? У тебя он есть?

– Если бы был, я бы давно подарил его тебе. Завтра пойду на толкучку с утра. Вернее поеду, толкучка находится далеко за городом.

– Да у меня же он есть, ещё папа подарил! Купил где-то за бешеные деньги. А меня обманул, сказал, что им на конференции передовиков давали. Жалко, что я начала в нём тушь, чтобы тебе понравиться. Я бы отдала, чтобы ты не ходил на толкучку с раннего утра!

– Всё равно, это подарок Павла Ивановича. Святое трогать нельзя!

– Да он бы за нас порадовался, что вроде как он нам поспособствовал в отдыхе. А набор мне не нужен. Что же я, румянами щёки красить буду? Он мне как чемодан без ручки. Ещё, не подумав, в Сочи его притащила, а теперь не знаю, зачем!

– А, ну-ка, покажи его!

Раф, смекалистый в технике, оценил состояние набора. Он дал задание Вере наводить марафет по внешнему виду коробки – очистить её до товарного вида. Сам быстро метнулся в холл, где худенькая девушка продавец торговала галантереей. Он мгновенно купил у неё коробочку отечественной туши и, обворожительно улыбнувшись ей, примчался в номер. Оценив габариты кирпичика чёрной туши, он с помощью ножа подравнял его, где надо и вскоре новая тушь была на месте. При этом рачительный Раф произнёс:

– Старая тушь из набора ещё тебе пригодится! – и аккуратно затарил её в картонную коробочку.

Ничего так не объединяет влюблённых, как мелкие, совместно провернутые аферы.

– А щёточку? – воскликнула Вера.

– Она – дура, пусть мажется пальцем! – вынес вердикт фармазон от косметики.

Когда Раф всучил секретарше косметический набор, засунутый в пакет от импортных трусов, и она его открыла, и оглядела все четыре этажа румян и теней – сознание у неё парализовало! Она уже не слышала, что говорил даритель об ужине в ресторане, о шампанском. Секретарь была поражена гаммой оттенков мазилок, заполнивших квадратные гнёздышки. Даритель под шумок ретировался.

Хотя и суперскромный обед, усвоенный в полёте, давно переварился, Раф с Верой пошли на море. Для этого похода они имели специальный пропуск на пляж гостиницы. Их очень удивило, что пляж выполнен в виде забетонированного плаца, к которому рядами и шпалерами прикручены лежаки, как койки в казарме. Вход и выход в море, купающиеся, в большинстве своём, осуществляли с бетонного буна, воспользовавшись стальной лестницей. Вера с Рафом

поплавали за волнорезом и хотели немного позагорать, минут двадцать, чтобы не обжечься в первый день. Прилечь было негде. Предприимчивые служащие продавали старые пропуска уехавших отдыхающих за наличные деньги всем желающим. Поэтому пляж был полон граждан, желающих приобщиться к элитному отдыху. Позже уже, осознав, что лежать на бетоне не так уж и элитно, они всё равно приходили на этот пляж ради освоения затраченных денег на покупку заветного талона. Свои действия продавцы талонов с изображением корпуса гостиницы оправдывали словами:

– Нам мало платят!

Эта универсальное оправдание, впрочем, имеет хождение у всех "берущих": врачей, милиционеров, сантехников и прочего народа.

Раф с Верой пошли прогуляться по набережной, а заодно что-либо съесть. Набережная тянулась до самого Морвокзала. По левую руку лежали люди, некоторые с телами сизого цвета, некоторые уже поджарившиеся, как чебуреки, которые настойчиво предлагали лотошники. По правую – располагались всякие кафешки и лотки с сувенирами. Владельцы лотков и продавцы глядели с высоты своего расположения на сизые тела, и выражения их глаз были как у голубей, которые разгуливали среди отдыхающих, глядя жёлтым глазом с единственным желанием урвать что-нибудь у отдыхающих. Да и весь город навис на невысоких горах, весь в порыве впиться жалом как оса, в узенькую, оставленную от неудержимой застройки полосу пляжа, где лежали сизые тела, и высосать из них материальный нектар!

Отобедать решили в ресторане при гостинице, располагавшейся высоко над пляжем. Гостиница была старой, построенной ещё до Отечественной войны. Это был ранний сталинский ампи́р, который последние десятилетия реставрировался исключительно хозспособом, штукатурками-самоучками с законспирированным названием "фасадчики". Так называемые фасадчики испортили много памятников архитектуры.

Зал ресторана был необычно высоким, имел выходы на балконы и размахом впечатлял! Официантка, матрона предпенсионного возраста, принесла им по заказу всё, что казалось съедобным из перечисленного в страничке меню. Единственным пышным в этом

опусе были росписи: Директор, Завпроизводством, Калькулятор. Всем своим видом официантка выражала сверхнедовольство, будто она отработывает здесь пятнадцать суток административного ареста. Как бы то ни было, Раф с Верой съели то, что было принесено. У Веры аппетит прибавился от факта, что Раф не стал заказывать алкоголь, а Рафу, после заполярных изысков, любая пища на материке казалась царской. Однако, покинув ресторанные хоромы, они почти в один голос поклялись сюда больше не ходить!

Сразу за кварталом, где стояла гостиница, проходила дорога, очевидно, федерального значения. По ней плотным потоком шли автомобили всех типов. Верхними в этой шкале были МАЗы и КАМАЗы. Всё это издавало рёв и чад. Раф прикинул, что большинство гостиниц стыковались с этой трассой. И им, в общем, с временным жильём повезло. За дорогой был солидный сквер, конечно, с памятником Ленину. Посидев в этом сквере, решили, что рассматривать достопримечательности им не хочется. Они удалились в гостиницу и провели остаток дня в номере, поужинав прихваченными в магазине, который попался им по пути, колбасой и хлебом, запив местной минеральной водой, неожиданно оказавшейся чудесной. Остальные дни отпуска были мало отличны от первого, если отбросить время поселения.

В это время буровую бригаду, в которой РАФ был начальником, буровым мастером, расформировали. Буровая бригада – это не та бригада, что допустим, на заводе или на стройке. В бурении название "бригада" – явление случайное. На самом деле это сложный комплекс со своим бытом и укладом и, можно сказать, со своей историей. Люди в ней живут, работают, растут профессионально, умирают, женятся, рожают детей. Примерно всё то же самое, что в деревне, в колхозе. Налажен определённый общественный быт. Есть баня, столовая, водокачка и многие прочие объекты. Не считая технологических штук, допустим, у слесарей есть специнструмент, весьма тяжёлый. У дизелистов – тоже. А также у кочегаров, электриков и всех остальных специалистов.

Так вот, чтобы не осталось памяти об этом страшном инциденте с падением вышки, руководство решило расформировать бригаду. Чтобы не осталось самой истории этого события. Люди были

вывезены с объекта. Некоторые из них месяцами, а некоторые годами, не выезжали на Большую землю. Не говоря о выезде на Материк. Жили, конечно, не на острове, но выезд за пределы района на самолёте назывался "поехать на Материк". Ещё более парадоксальной виделась ситуация тем, что тундра, где бурила экспедиция, называлась: "Мутный материк". Многих работяг после расформирования разобрали в другие бригады. Это тех, кто поменьше пил. А вернее, кто мог пьяный работать. Кто пьяный предпочитал валяться – старались в бригады не брать. Только в крайнем случае, если была большая нужда в кадрах. Помбура по кличке Геббельс совсем уволили, по статье "за прогулы". Он не выезжал с буровой до этого момента более года. Когда он приехал на базу экспедиции, у него скопилась порядочная сумма денег. За первые несколько часов он напился водки, загрузился "под ватерлинию", и лёг спать на бильярдном столе в холле конторы экспедиции. В это время в главный вход вошёл начальник экспедиции с очередной комиссией. Увидев спящего, он принялся его будить. Тот на свою беду проснулся, и стал посыпать всех вкривь и в крест отборным матом. Мат перемежался угрозами:

– Убью! Попишу! Зарежу! Порежу! Пидар гнойный!

– Это я-а-а?! – ткнул себя пальцем в грудь начальник экспедиции.

– Да. Ты пидар и казёл вонючий! Урою, штифты побью, срать лёжа будешь!.. – Далее посыпались ещё более зловещие эпитеты и угрозы. Но начальник уже дал распоряжение:

– Этого помощника бурильщика уволить!

Это был ещё больший повод выпить. Как же! Расчёт надо было обмыть. Квартира, где хозяин этого жилья привечал пьющих буровиков, называлась "кильдым" во все времена и во всех районах геологоразведки. Вот на таком кильдыме помбур по кличке Геббельс напился водки последний раз в жизни. Когда его утром стали поднимать, чтобы он опохмелился, левая половина его тела была цвета столовского свекольника, разбавленного многократно водой. Геббельс был наполовину сиреневый и мёртв уже несколько часов. Врачи написали, что у него какая-то железа отказала. Поминки его отмечали всё в том же кильдыме, всё в том же темпе, что пили

простую пьянку. Из родственников умершего никого не вызывали. Отдел кадров предпочитал о смерти родным не сообщать. Был печальный опыт, когда приезжали родственники, то пили они ещё хлеще умершего. При всём при этом с ними трудно было распрощаться. Да и на похороны усопшего никто не пошёл. Как сказал потом каждый:

– Не дошёл! С утра опохмелились, я и вырубился!

Закопали помбура Геббельса за счёт государства в полиэтиленовом мешке. На столбике, на могиле была прикреплена табличка с номером, который потом можно было найти в книге регистрации. Но поминали – "ладили поминки" – сорок дней без перерыва, даже больше. На поминках разговоры были все те же, что и во время чаепития на буровой. Валера-слесарь рассказывал всё о том же своём опыте вбивания шаров в половой член. Слушателям, окружившим его и покуривавшим в перерыве между возлияниями, он поведал:

– Вбил я пять шаров, а сверху "шпалу". Потом пошёл в баню, сдрочил, а шары-то в руку и высыпались!

– А шпала?! – заволновались слушатели.

– Шпала тоже выпала. Упала в щель на полу. Её я вовсе не нашёл. Испортил!

Все эти надоевшие рассказы разбавил вновь прибывший с больницы дизелист Вова Фёдоров. Он ещё месяца три назад попал в больницу, упав на отгулах головой о бетон. Ему, отмытому и посветлевшему в больнице, налили сразу стакан:

– Помяни Геббельса!

Когда он выпил и обтёр губы рукавом, то начал свой рассказ:

– Меня как привезли, то стали делать пункцию из спинного мозга.

– Так, а зачем пункцию? – спросил наиболее рассудительный помбур Утопленник.

– Сказали: "Практикантам учиться же надо!"

– А чё тебя так долго там держали?

– Так я им бельё из прачечной в прачечную таскал, там, обеды из кухни в отделение, ну, и другое всякое...

– Так послал бы их нах...й! – единодушно загомонили помбуры.

– А они сказали, что если плохо буду вести себя, то отправят в ЛТП.

– Ну, ты даёшь! – воскликнул Сапог. – Это же они имели в виду, что если ты будешь в больнице бухать, а не отказываться обоссанные простыни в прачечную таскать!

– Теперь уже всё равно! – махнул рукой Вова Фёдоров.

В разгар полемики "могли или не могли лекари-лепилы отправить Вову в ЛТП" влетел в кильдым помбур Вася и проорал с порога:

– Раф вернулся из отпуска и набирает новую бригаду!

– Да ты чё?! – посыпалось со всех сторон. – А ты уже записался?

– Берут не всех. Там много хохлов вновь прибывших!

– Понаихалы тут за нашей копийкой! – завопил помбур Сеня, который умел подшивать валенки транспортёрным ремнём.

– Айда, ребя! Нас Раф возьмёт в одно касание! – сказал Олег, бурильщик, который работал в паре с Рафом, когда тот ещё был бурильщиком.

Все, кто мог передвигаться без посторонней помощи, потянулись к большому барaku, который был конторой экспедиции.

Раф, благополучно вернувшись из отпуска, прибыл сначала прямо в контору экспедиции и на удивление быстро попал в кабинет начальника. Он хотел перевестись бурильщиком в какую-нибудь бригаду, где можно хорошо заработать – в отпуске поистратился, а бурильщики зарабатывали больше всех, да и у бурильщика круг обязанностей меньше. Отработал свои смены и езжай на выходные к Вере. А бурмастеру ещё надо на своих личных отгулах всевозможные отчёты сдавать. При этом бурмастеру не всякий раз дадут отгулять законные отгулы.

При появлении Рафа в кабинете начальник экспедиции вызвал парторга, которого Раф не любил, на что тот отвечал взаимностью. Но, как со стороны казалось, начальник экспедиции этого не знал. Так

вот, при парторге, что было наиболее торжественно, Рафу поручили создать комплексную бригаду, перетащить в тундре Мутный Материк стоявшую в консервации буровую вышку, смонтировать буровую установку и бурить поисковую разведочную скважину. Цель задания – открыть новое месторождение нефти, которое предположительно находится в заданной точке. Остатки бригады монтажников, где были в основном вышкари и сварщики, ему передали сразу. Вот только лишь буриков ему предстояло набрать с непосредственным участием отдела кадров.

Выйдя на воздух, Раф увидел, что больше половины его бригады стоит у фасада конторы, и каждый смотрит на него. Пусть они были давно не бритые, половина была одета в спецовки, но это были его расформированные бурики! Раф устремился прямо к ним и поздоровался с каждым за руку.

Набор личного состава был недолог. Начальник отдела кадров сопротивлялся для порядка персонально над некоторыми фамилиями:

- Ну-у, этот – пьяница, замаешься с ним!
- Я ручаюсь за него!
- Смотри! Потом не проси уволить, заменить!
- Не попрошу уволить!

На этом и порешили. Закипела работа по освоению новой площади разведки месторождения. Несколько вагончиков уже было подле законсервированной установки. Вертолёт "Ми-6" перебросили ещё пять, как сказал начальник снабжения – на первое время. На что Раф ответил:

- Нет ничего более постоянного, чем временное!

– Ты не будь пессимистом! – попытался скрыть свою ложь снабженец. Раф на гребне уловки снабженца стал выцыганивать у него электроды для электросварки, дополнительные брезентовые рукавицы и прочий дефицит. Снабженец успел включить защиту и зачастил:

– Дам, дам, дам... – отзвуки обещаний скрылись в закоулках кабинетов, вслед за снабженцем.

Его "дам, дам, дам..." было известно всем. Снабженцы – люди с тяжёлой судьбой. Это обычно малограмотные люди, только очень изворотистые. Они призваны закрыть брешь между несовершенством планируемого хозяйства и вечной потребностью в дефицитных материалах. Некоторым это удавалось, некоторых посадили в тюрьму, за злоупотребление.

Недели, месяцы текли. Наступил момент, который для буровиков, которые впервые производят эту операцию, является знаковым. Это когда буровую вышку высотой шестьдесят метров тянут стоя, не разбирая на секции, а прямо в собранном состоянии, даже с висящими по бокам оттяжками, из стального толстого троса. В наиболее опасных по уклону местах за эти троса боковые трактора удерживают вышку от падения. В этот год морозы ударили рано. Тундра "встала", и все трактора, необходимые для перетаскивания вышки на новое место, пришли вовремя, по первому заморозку. Запрягли трактора в два цуга. Всего тяговых тракторов собралось восемнадцать. Это было маловато, но трактористы были лихие, и в критический момент можно было трактора, которые как вспомогательные шли по бокам, включить в общую тягу. Главное в этом действии – с места тронуть всем разом! Если один или два запоздают бросить сцепление, то попытку приходится повторять. Опять все сдают назад, работяги подбирают троса, чтобы те не попали под гусеницы. Троса очень тяжёлые. Их делают из талевого каната, собирая от основания вышки к коренным тракторам вчетверо, из тридцатидвухмиллиметровых канатов каждый.

Раф стоял на двухсотлитровой бочке, перевёрнутой вверх дном, впереди обоих цугов. В момент, когда трактора становились в исходную позицию, выпустив слабинку канатам, он движением рук показывал трактористам сигнал: "Поднять обороты дизелей!" И когда все два десятка взревели, как положено, бросал руки вниз, что показывало всем: "Рывок!" После четвёртого безуспешного рывка, вышка, наконец, стронулась с места лишь с пятого раза. Полозья Коробова – это такие лыжи, сваренные из шести толстостенных труб длиной одиннадцать метров, и всего четыре таких полоза нещадно закрепились по грунту, местами выглядывавшему из-под снега. Трактора, нещадно дымя дизелями, потянули вышку на первой передаче.

Путь предстоял не близкий – семьдесят километров! Временами на вроде бы ровной тундре встречаются овраги и балки. Но эти препятствия не столь опасны, как озёра. Не все озёра промерзают и некоторые опасны для движения по льду. Так двигались почти месяц, с остановками на ночёвку и всякими непредвиденными другими остановками, когда начиналась метель, и свежий снег прессовало внутри гусениц тракторов. Отчего раздавались громкие хлопки, как орудийные выстрелы. В середине четвёртой недели движения, неожиданно для этого времени года, ударила оттепель. Весь караван остановился. Как говорят полярные люди: "Наст рухнул!" То, что было плотной, твёрдой почти как лёд основой, стало рыхлой и вязкой кашей. Счищать всю эту массу до грунта бульдозером, который был в распоряжении Рафа, было бессмысленно. Если бы один бульдозер счищал весь снег, то последний быстрее бы растаял с приходом весны. В ловушку попал сам Раф. Он, как положено в духе своего времени, передавал километраж с опережением, всё в душе надеясь нагнать на следующих перегонах: "Ну, завтра дело пойдёт!" В результате всех этих приписок, по данным, находящимся у руководства экспедиции, караван должен был находиться где-то в окрестностях площади бурения. Только фактически буровая установка остановилась, почти на двадцать километров не доходя точки бурения. Главный инженер кричал в рацию:

– Ты видишь репер, отбитый геодезистами над точкой бурения?

– Да, я ходил к нему на лыжах! – врал Раф.

– Так пробей несколько километров бульдозером! – советовал главный.

– Ладно, буду чистить! – согласился обречённо Раф.

Прочистить трассу двадцать километров и пятнадцать метров шириной в вязкой толще рыхлого снега – не имело практического решения. Догадка пришла Рафу поутру. Он быстро соединился с главным и бодро доложил:

– Бульдозер сломался!

– Так делайте!

– Делаем!

Раф задумчиво смотрел на намертво остановившуюся установку. Продолжать движение он себе не представлял как, даже если бы ему придали неограниченную техническую помощь.

Вдруг возле основания вышки появилась, всеми забытая уже, чёрная собака и строгими глазами, не просящими еды, как у всех собак, стала смотреть на Рафа. Она сидела прямо, как сидят собаки уже много веков, что зафиксировано на скульптурах и статуэтках собак, найденных археологами. Об этих статуэтках думал Раф, глядя на эту чёрную собаку. "Да ведь это же не собака!" – поразила мысль его сознание. Он стал медленно приближаться к видимому образу, протянув к ней руку, словно хотел обмануть, давая в руке кусочек лакомства. Он подошёл почти вплотную, оставалось сделать один шаг. Вдруг собака исчезла стремительно, но осязаемо. От её движения остался своеобразный холодок, несмотря на общую холодную погоду. Этот холодок, казалось, вошёл внутрь Рафа. Была благодать, что его никто в этот момент не трогал, не окликал, как обычно, с сотней самых бестолковых вопросов и просьб.

Раф прошёл и встал в центр диагоналей, мысленно проведённых рёбра вышки. Его вдруг прошило понимание, что именно в этом месте находится залежь нефти, необыкновенная по запасам! И глубина его залегания, понималось им, была незначительная для техзадания, полученного им на эту буровую! Раф долго простоял без движения и ощущал тепло по всем конечностям, несмотря на холодную погоду, и радость на душе, несмотря на цейтнот положения вещей. Ведь ситуация и перетаскивания, и всей его судьбы – была патовая! Тащить дальше они установку физически не могли, а маршрут продвижения Рафом был отрапортован с большим авансом. В этот момент он решил твёрдо: "Бурить буду здесь, а там будь, что будет!"

Наутро по радиации с ним связался неожиданно и непривычно, так как темы их деятельности пересекались через другие службы, главный геолог экспедиции. Он стал нудным, надоедливым для этой категории профессионалов голосом сообщать Рафу разные трюизмы – про необходимость выполнения плана по проходке экспедицией, про "общее дело", которое "мы" делаем и прочие тривиальные вещи. Наконец, закончив преамбулу, он сообщил, что геологический отдел,

проведя анализ и корреляцию местоположения разведываемой залежи и географического положения буровой установки, постановил, что бурить можно из нынешнего положения. Даже если пробурить вертикальную скважину, то ствол скважины попадёт в переклиналъ залежи. Чтобы исключить высокий риск попадания во внешнюю сторону водонефтяного контакта, надо бы пробурить наклонную скважину. Далее он сообщал, что геологический отдел рассчитывает траекторию будущей скважины...

Только Раф уже не слушал его, он отжал кнопку рации режима "дуплекс" и, сжав кулак, выставляя локоть вперёд, кричал:

– Ес-с-с!!! Ес-с-с!!!

За чем его и застал старший дизелист Горденко:

– Товарищ начальник! – обратился он к Рафу уважительно. – Ты прикрути этих архаровцев! Опять кто-то привёз с собой ту чёрную собаку. Эти хантеры совсем озверели, лупят по ней из ружей. Кто помбурам ружьё доверяет? Пробили мне щит управления электростанцией. Дробью все приборы побили!

Горденко где-то прочитал американский роман о вояджерах. В голове у него всё перемешалось. Он был убеждён, что западносибирские ханты – это и есть американские хантнеры, раз те и другие охотники. Такую бражку в голове ему посеял студент практикант, для озорства, от скуки. Эта белиберда крепко засела в голове Горденко.

– Ладно, сегодня на ужине сделаю им вливание! – успокоил его Раф, – Давай, завтра начинай готовиться стыковать твою силовую дизельную установку с подвышечным основанием!

– А что, монтировать установку будем здесь, на этом месте?

– Да, сегодня радио получил. Нам повезло. На этом месте тундры Мутный Материк тоже есть залежь, и на подходящей глубине.

– Вот хорошо-то! А то надоела эта цыганская жизнь, уже месяц кочуем. Хоть баню развернём и столовую оформим, как положено. Радость-то какая! Пойду с ребятами поделюсь!

– Пойди, пойдди!

Всем стало хорошо. Горденко был одержим гордостью, что он первым хорошую весть принёс. Рафу после нервного истощения от мук, как извернуться с действительным местоположением установки, не оставалось сил отвечать на вопросы, которые начнут задавать члены буровой бригады. Механизированной колонне, трактористам, было на руку прекращение перетаскивания. Моторесурс тягачей уже был на исходе. Поломка шла за поломкой. Многие трактора после такой перегрузки требовали техобслуживания, а то и ремонта.

На следующее утро сразу приступили к монтажу. Вышкомонтажники стали стыковать агрегаты, часть буровиков поехала колонной из восьми тракторов за растянувшимися вдоль трассы недотащенными блоками: паровыми котлами, емкостным парком горючего и другими причиндалами. Часть наиболее мастеровитых буровиков стали обустройства посёлок. Строить надо было всё, начиная с туалета и заканчивая водонасосной. А начали всё же со столовой. Погода стояла не морозная. Только знающих людей беспокоило ясное небо, на котором в длинную полярную ночь появлялись сполохи северного сияния. Это указывало, что, несмотря на оттепель – морозы не за горами!..

...Через два месяца, когда уже солнце стало пригревать и помбуры с охотничьей душой стали поговаривать, что скоро полетят гуси, на установке раскрутили силовые дизеля и опробовали буровые насосы. Воду, несмотря на все тщетные усилия знатоков, поблизости не нашли – все озерца были заморожены до дна. Решили забурить маленькую скважину для воды, прямо под основанием вышки. Во время цикла бурения шурфа под ведущую трубу оттянули укороченный турбобур в сторону. Там под основанием вышки и пробурили на водоносный горизонт. Была опасность, что размочит грунт под опорой основания вышки, но всё обошлось. Опять всем повезло. После обсадки водяной скважины трубой с фильтром вызвали приток с помощью своего, бурового компрессора, когда скважина очистилась, вода пошла хорошая. Все с наслаждением пили пластовую воду. За прошедшие много месяцев питья талой воды из снега, эта вода была просто живительная! Рассудительный Горденко произнёс:

– Вот ведь какие дураки, болтают, как полезно пить талую воду. Они бы ещё из-под опреснителей на корабле пить попробовали бы! – Горденко служил на флоте, поэтому иногда разглагольствовал на морские темы. – Зубы все высыплются после полгода питья!

– Да, – поддакивал ему Сапог, попивая артезианскую воду из зелёной кружки. – Много чё пишут. Пишут, что свою мочу пить полезно!

Народ загомонил. Вася верховой, который славился экстремальными высказываниями, завопил:

– Говно жрать ещё полезно! Фекальная терапия!

– Да. Поволокали бы трубы по болоту на пупок, дурью бы со своими терапиями не маялись бы. Целители! – подвёл черту Нахим.

С момента пуска водяной скважины все за водой стали ходить только к ней.

Ещё через два с половиной месяца ударного монтажа была назначена забурка основного ствола скважины. На забурку прилетел сам главный инженер Иван Петрович. Он с порога, поздоровавшись, сразу стал говорить крамольные речи:

– Сейчас летели, вертолётчики говорят, что по ихней карте вышка, вроде как, не по курсу стоит!

– Пусть летать научатся! У них-то и навигационных приборов нет! Летают от столба к столбу! Только внешние подвески к вертолёту шакалят! – сбил его с темы Раф.

– А что им подвески?

– Ну, вроде как им больше денег платят, если они на внешней подвеске чего-нибудь тащат. Вот и носятся по тундре, подвески ищут! Шакалы!

У Ивана Петровича была невыносимая привычка записывать всё услышанное. Собеседнику от такой формы общения было плоховато морально. Вроде, как на допросе сидишь.

После всей подготовки, когда все инженерно-технические работники собрались за вечерним столом, Голован доложил о времени "ч":

– Утром, как позавтракаем, начнём крутить!

Буровики, как и все ремесленники, все ключевые слова типа "бурить", в ответственные моменты не произносили. Боялись сглаза. Раф начал сразу толковать о противовыбросовом оборудовании. На это Голован ему возразил:

– Ты не лезь поперед! Ты ещё эту нефть найди!

А Раф-то знал, что здесь, у них под ногами, есть богатейшая залежь! Только эти утверждения основывались на его личных чувствах, для доказательства нужны были факты. Он был уверен, что он эти факты предоставит! А там уж пусть обнаруживают, что он вышку не дотащил до места проектируемой скважины двадцать километров. А пока все легли спать, оставили лишь дежурным инженером, при ночной вахте, конторского технолога Дурыкина. Дурыкин парень был грамотный. Да и парнем его в сорок с лишним лет назвать было трудно. Только из-за его фамилии его все считали парнем. Когда его рекомендовали, то не говорили "специалист он неплохой", всегда говорили "парень он неплохой!" Так и жил он неплохим парнем. Им затыкали все образующиеся дырки. Допустим, подежурить ночью. Когда бурильщик Олег ему в час ночи в надежде, что его вахте позволят отдохнуть, доложил, что к забурке всё готово, Дурыкину вдруг непреодолимо захотелось стать наконец-то мужчиной, перестать быть парнем. Он даже неожиданно для себя скомандовал:

– Тогда забуриваемся!

Олег, движимый здравым смыслом хотел идти и всё-таки для такого дела разбудить бурового мастера, а потом рассудил: "Вот я никогда не забуривался, всегда приходил на ходовые скважины, а Раф – тем более, откуда ему знать эту тему?" Во всей этой ситуации была двусмысленность: Дурыкин тоже никогда не присутствовал при забурке! Каждый надеялся друг на друга, только о своей некомпетентности не сообщали они друг другу. В финале их действий, когда все проснулись, скважина была забурена косо, шла как бы под бурильщика, в том направлении. Был один нюанс, который энтузиасты не учли – грязевой шланг, который потянул ведущую трубу на стояк манифольда, отчего скважина, согласно закону разложения сил, ушла в сторону второй ноги вышки.

Когда главный инженер увидел под буровой косо идущую бурильную трубу, с ним случилась истерика. Он стал, как положено главному техническому работнику, проводить расследование. Он вызывал всех по очереди и опрашивал. При этом, согласно своей дурной привычке, всё записывал за говорящим, отчего испрашиваемый чувствовал себя весьма неудобно. Раф уже прикинул, что беда-то и не большая, можно талрепами верхнюю обсадную трубу оттянуть за основание вышки. Когда его Иван Петрович спросил: "Что будешь делать?" – Раф молниеносно ему ответил. Он ответил первое, что пришло в его ещё не проснувшуюся голову. А пришла ему терминология из геодезических проверок:

– Ничего, экстриситет алидады позволяет нам продолжить проводку скважины!

Главный инженер всё записал буква в букву! Ещё полдня у него ушло на выпрашивание, что такое "экстриситет алидады". Делал он это дипломатично, да ещё на беду он смог это узнать только по рации, случайно, у главного геолога. Поняв, как его мерзко обманул Раф, он долго разорялся. Даже увольнял его два раза. А потом успокоился и собрался улететь на базу со словами:

– Я вам тут всё наладил, смотрите, не подведите меня!

Глава 18

Новичкам везёт. Скважина на Мутном Материке была для Рафа, как самостоятельная, первой в жизни. Поэтому, а может по другой причине, проходка шла без всяких осложнений. Из-за острой нехватки кадров помощника мастера ему не дали. Раф уже полгода работал без отгулов, Вера слала ему письма все в том же темпе, а он, всё в своём темпе отвечал ей, через десять – одно. Однако Вера не обижалась, она в каждом письме писала о своей любви к нему и подробно описывала всё о своей работе в лаборатории. О продвижении своей диссертации она предпочитала умалчивать, что, в общем-то, не являлось ложью. В аспирантском общежитии она жила уже на "коммерческой основе", то есть платила за проживание комендантше. Так делали многие бывшие, как и Вера, аспиранты, которые не желали по разным причинам покидать казавшимися родными стены. Свежий человек, вошедший в эти стены, обычно кричал: "Клоповник!" – а им общежитие казалось родным. Раф мог бы и приехать, только главный инженер нащупал больную точку Рафа и пророчил на подмену Дурыкина. Кроме этого сдерживающего аргумента, Раф боялся вскрытия несоответствия координат нахождения буровой установки. Вертолётчики, всё время ошибавшиеся при полёте, уже запустили слух, что на Мутном Материке есть аномалия для компаса. Этот слух интенсивно циркулировал в местном аэропорту, и всё время достигал ушей новых прикомандированных пилотов. Те всегда брали поправку. Ещё возникло осложнение с траекторией скважины. Главный геолог, для чистоты эксперимента, заложил среднюю часть ствола скважины под зенитным углом тридцать два градуса, азимутом на северо-восток. Раф сам проводил кривление ствола скважины. Он упорно вывел её траекторию близко по координатам к точке стояния установки. Ствол скважины как бы сделал спираль и вернулся на место. Геофизики сделали заключительную инклинограмму скважины, перед самым спуском эксплуатационной колонны. Раф для этого случая заказал большой "фикус" у Галана на бурскладе. Взгретые большим магарычом присланной Галаном водки, геофизики нарисовали инклинограмму "как надо" и даже Голован, подписывающий акт, ничего не понял. Он был изрядно подшофе. Здоровье его стало

сдавать позиции и его лукуллово пьянство постепенно переходило на другой рубикон.

Официально банкет был в честь того, что проектный забой был достигнут. Еще гораздо выше по стволу при бурении был резкий провал инструмента. По всем канонам Раф знал, что это был пройден интервал, который содержал какой-то флюид. А по своему разумению Раф был уверен, что этот флюид – нефть!

Чёрная собака теперь, вроде как, жила постоянно в окрестностях буровой. Помбуры перестали гоняться за ней с ружьями и ножами, поняв безуспешность своих попыток. Поварихи подкармливали её. Вернее, они думали, что подкармливают. Возле буровой завелась росомаха, которая всю пищу съедала. Вначале, увидев след росомахи, помбуры закричали:

– Медведь!

Лишь рассудительный Нахим растолковал, что это росомаха. Он рассказал:

– Ростом она с большую собаку, а лапы, как у медведя-пестуна. Это чтобы в рыхлый снег не проваливаться. Морда у неё противная, с широкой пастью. И не дай бог её убить и снять шкуру! Воняет, как в плохом морге! Ещё – зверь она опасный. Если охотник ослабнет и задремлет, враз бросается на спящего человека! И в полярную ночь идёт за человеком, видно, зачастую, как жёлто-голубой огонь идёт за человеком, это оба глаза как бы в один сливаются...

Многие слушатели омерзительно передёрнули плечами. Они помнили, как горел сбоку в кустах загадочный жёлто-голубой огонёк, когда они выходили в тундру. Все эти рассказы проходили под мерный грохот роторной цепи, трансмиссии и рёв дизелей. Эти байки травят, когда бурильщик тихонько майнает инструмент, вслед за вырабатывающим породу долотом, на глубине трёх с лишним километров. Раствор весь приготовлен в помещении, где трудятся буровые насосы, и на глинохозае всё прибрано. А что лёд вокруг ротора, так что его долбить? Всё равно нарастёт! Есть способ, который применяют перед посещением буровой комиссией. Сыплют помбуры на лёд химреагент – хлористый калий. Но от таких новаций разъедает обувь и от присутствия этого калия нога кажется всё время сырой. Вот и препираются помбуры при каждой передаче вахты:

"Кому лёд выдалбывать на полу буровой?" В один из таких моментов и произошёл резкий провал инструмента. Бурильщик сразу доложил Рафу, послав в бурдомик помбура:

– Проходка резко увеличилась!

Прибежавший на буровую Раф увидел, как в циркуляционных желобах и в приёмных емкостях поднимается уровень. Он на уровне подсознания понял, что пройденный пласт "проявляет" – в буровой раствор переходит из пласта нефть и газ! Раф лично дал команду дизелисту пустить второй насос, в скважину поступил свежий раствор из запасной ёмкости, и постепенно ситуация стабилизировалась. До закрытия превентера дело не дошло. Только лишь дегазатор недовольно долго пыхал выделенным газом. Но со временем и его фыркания стали всё реже и реже. Раф спросил у бурильщика:

– Сколько примерно метров прошёл с увеличением скорости проходки?

– Ну-у-у... – начал закуривать "Беломор" Олег, невзирая на запрет курения на буровой вообще, и факт выхода свободного метана, – что-то в районе сорока метров, три раза нарастил двенадцатиметровыми трубами, плюс заход квадрата!

Раф лихорадочно мысленно ликовал: "Вот она фортуна, бог не щепка, он правду знает!" Он даже не сделал замечания Олегу про курение, только спросил:

– А перед провалом хорошо шло?

– Не-а, стояла, зараза, как вкопанная, уж думал, что шарошки оставил. А потом как рванёт! Как в говно пошло!

Раф продолжал соображать: "Покрышка" пласта была – значит, залежь есть, и мощность хорошая, толщина продуктивной части не менее тридцати метров!". Он дал Олегу несколько распоряжений:

Пока дальше не углубляйся, а то прихватить может, или опять проявлять начнёт. Промойся до прихода другой вахты. Выровняй раствор как следует. Инструмент пошевеливай не реже чем через десять минут, иначе – прихватит!

Придя в свою конторку, Раф не стал спешить докладывать об успехах в экспедицию. Он имел врождённую привычку, прежде что-

либо сделать, крепко подумать. Как его давно учил старый сиделец: "Вначале посчитай минуса!" Вот он и принялся обдумывать перспективы. Была одна не решаемая дилемма. Вот, допустим, доложит он о вскрытии продуктивного пласта. Сделают корреляции, привязки. Могут легко раскопать, что установка стоит не на месте, отбитом геодезистами. За тем колышком-репером Раф давно сходил. Один, на лыжах, привязав вешку верёвкой за спиной, как ружьё. Он притащил эту вешку с табличкой- номером и хранил её в кандейке. На случай, если предъявят преступление с переносом точки, он решил, что скажет:

– Вот, тащили вешку, вдруг – репер: "Вот он стоит!" Может, кто перенёс, подите, узнайте! Или геодезист пьяный был, я почём знаю!

Отмазка, конечно, была детская, но говорить что-то можно было, всё не молчать. А если снимут с должности – то дадут "волчий билет", в лучшем случае. Большая вероятность, что и к уголовной ответственности привлекут "за халатность". В любом случае, поставят на должность другого мастера, тот при испытании скважины "найдёт" нефть, ему и награды! А Раф будет сидеть в говне по самую ж...пу! Этого боялся молодой авантюрист. Он, дав распоряжение Олегу, скрыл такую ударную проходку, потом закрыл этими метрами последующие прогалы: ремонты, простои. Всё стало шито-крыто. И скважину закончили в срок и получили премию за досрочно сделанную работу.

Опять запахло весной. Помбуры сидели и травили свои нескончаемые байки. Большинство их начиналось так: "А вот у нас на зоне!.." Валера-слесарь, тот продолжал свой сериал "про шары", которые надо было непрерывно катать, чтобы не приросли к мясу, находясь в покое, их надо было пошевеливать. Лист побаловал рассказом, как приходит вертухай в барак, в котором живёт отряд и зовёт всех на работу. А эки сидят на нарах, мошонки прибили свои к доскам гвоздями и кричат:

– Всё начальник, на работу не идём, "на якоря встали"!

В этот момент появился Раф с громкой репликой: – Вы чего не работаете?

Все дружно заорали:

– На якоря встали, начальник!

И захохотали все. Раф, впервые, на памяти буровиков, сорвался и стал на них истерично орать:

– За...бали вы своими кониками!

Помбуры стали успокаивать его, говорить, что они хотели так пошутить! Они понимали, что он парень молодой, больше полгода сидит безвылазно на буровой, а там где-то в городе у него есть молодая невеста! Буровики видели, сколько она Рафу писем пишет, значит – любит! Раф тоже на буровиков не злился. Все сидели в простое, ждали решения, спускать эксплуатационную колонну, или нет. Другими словами: "Обсадить скважину трубами или оставить открытый ствол?" Если скважина "сухая", то не стоит тратить дорогостоящие обсадные трубы. Её надлежит просто ликвидировать, как выполнившую свою геологическую задачу. Таких скважин по тундре было много сотен. Соотношение скважин, нашедших газ или нефть и "сухих", характеризовалось коэффициентом удачи.

Решения по скважине всё не было. Более того, главный инженер дал распоряжение демонтировать противовыбросовое, устьевое запорное оборудование. Раф тянул со снятием запорного оборудования, главный инженер уже угрожал ему отдать под суд за саботаж, так как где-то простаивала буровая в ожидании этого устройства. А превентерам ещё надо было сделать профилактику на базе. Здесь ещё вмешалась в натянутую напряженность бытовуха. По закону подлости, в неурочный час у дизелиста Золушкина случилась белая горячка. Он приехал с выходных, пять ночей не спал из-за абстиненции, на шестой день паранойя проявилась у него. Он вспомнил, что он служил в армии танкистом. На почве этого он запустил силовые дизеля, которые стояли заглушенные, в простое, без охлаждающей жидкости. Золушкин дал им газу, на шум прибежали бурильщик и старший дизелист. Он же отгонял их струёй пара из шланга и орал, как оглашенный:

– Танки, вперёд!!!

Старшему дизелисту стало жалко, что дизеля без охлаждения заклинят, бросился прямо под пар и повалил "танкиста". Дизеля заглушили, Золушкин сбежал в тундру. Через три часа он вернулся и стал жаловаться Рафу, что он хотел утопиться, но черти ему не дают.

Раф посоветовал ему идти спать. Тот пришёл в вагончик, там стал кипятить воду вёдрами и чайниками. Если бы его не трогали, он, может быть, успокоился бы. Люди, близкие Золушкину по духу, всё время следили за ним и докладывали Рафу через каждые двадцать-тридцать минут:

– Он воду кипятит! Он молится!

Всё это очень докучало Рафу. Он пошёл в вагончик к Золушкину. Тот был мужик здоровый, "мясного" типа, весь в мускулах, даром что дурак. Увидев Рафа, Золушкин схватил чайник с кипятком и хотел огреть Рафа, стал замахиваться. Тот не стал ждать порции кипятка и ударил нападающего точно в челюсть. Взгляд параноика стал вдруг чистым и ясным. Он преданно смотрел на ударившего его и повторял:

– Всё, больше не буду!

Раф велел отключить электричество в вагончике Золушкина и вызвал санрейс.

Все эти нервопрёпки очень напрягали Рафа. Наконец, одним утром привезли испытатель пластов с набором уплотнителей, для испытания в открытом стволе. Это был приговор: "обсаживать" скважину не будут! Раф, инсценировав, что он едет сопровождать больного Золушкина, решил лететь на базу экспедиции, чтобы продрать вопрос со спуском эксплуатационной колонны. Он-то был уверен, что продуктивный пласт большой мощности был вскрыт. Но он скрыл этот факт, а геофизики во время проведения вертикального зондирования, при электрометрических работах, как-то упустили этот пласт. Такие случаи с геофизиками бывали. Раф всем своим сознанием понимал, что при испытании скважины может случиться страшная авария, тем более что запорную арматуру с устья скважины давно сняли, она понадобилась на другой скважине, которая начала буриться гораздо позже скважины Рафа. Беда одна не приходит. Беда ходит "косяком", как сардины. Как только вертолёт взлетел, бортмеханик, пообщавшись с пилотами, сообщил, что пункт назначения не принимает по погоде, и они идут на запасной аэродром в Нарьян-Мар. Раф обеспокоено подумал:

– Вот это съездил на денёк!!! Куда я теперь дурика Золушкина девать буду?

Он спросил о последнем у бортмеханика. Тот уверенно ответил:

– Вызовем "скорую помощь", а они пусть разбираются что, куда. Наше дело сторона!

Такая решительность подбодрила Рафа, который озабоченно глядел постоянно на больного. Тот, видимо от ощущения полёта и вибрации совсем сбрендил. Он стоял посередине салона (вертолёт был грузового типа) и, расставив руки, с абсолютно довольным лицом непрерывно кричал:

– Кончаю! Кончаю!

Очевидно, это был у него способ выразить удовольствие. Под эти вопли и визг турбин приземлились в Нарьян-Маре. Неотложка подрулила прямо к вертолёту. Золушкин весь светился удовольствием. Его привела в восторг такая честь – машина встречает прямо у трапа! Он снимал шапку и кланялся на три стороны, санитарам, пилотам и вертолёту. Раф же оказался в незнакомом городе никому не нужным. Пилоты спешили в столовую и в гостиницу для лётного состава. Он договорился с ними о завтрашней встрече, первый пилот заверил его:

– До завтрашнего дня погода точно не уляжется. Не бойся, без тебя не улетим. Главное, ты не потеряйся!" У тебя знакомые в Нарьян-Маре есть?

– Нет у меня здесь друзей.

– Ну, в нарьянмарском аэровокзале можно кантоваться только до восьми. Аэропорт здесь смешанный.

– Как это, смешанный?

– Военно-гражданский. Принадлежит воякам, а ГВФ арендует полосу и построили этот барак, – с этими словами он махнул рукой в сторону неказистого, двухэтажного бревенчатого дома.

Раф удивлённо подумал: "И это аэровокзал? Всё же столица Ненецкого округа и такой вокзал?!" Он вспомнил такую же непредвиденную посадку в Амдерме. Городишко заштатный, а вокзал подходящий! Раф вспомнил, как они с геофизиками коротали ночь на втором этаже. Там было теплее, чем на нижнем этаже. На четырнадцать человек у них была одна бутылка коньяка. Один старый геолог выдал тезис, что надо капать коньяк на сахар и держать его

под языком, тогда всем хватит! И они, взрослые дядьки, полночи рассасывали коньячный сахар и делились впечатлениями. От этого аттракциона всем было хотя бы весело.

Теперь он побрёл по продуваемому лётному полю в этот страшноватый барак, из которого его ещё через три часа выгонят! На крыльце топтался человек неопределённого возраста, это когда что-то между парнем и мужчиной. У него были длинные, до плеч волосы. Раф подумал, что это "свой парень", приверженец хард-рока. Он смело обратился к нему:

– Здорово, дружище!

Парень пристально поглядел на него, а потом протянул руку для пожатия:

– Что-то не припомню, мы с тобой в Воркуте встречались?

– Да, да! – стал цепляться за удачу Раф, - Вместе пили в ресторане! – А-а-а! То-то я гляжу знакомый, а вспомнить не могу! Я все дела, что по пьянке творю, начисто забываю. Вот лицо твоё что-то напоминает, а подробности – не помню!

Раф, чтобы не разрушить полоску возникшего доверия, сам стал задавать вопросы:

– А ты сейчас где?

– Да я из взрывников от сейсмиков ушёл. Платить перестали. Сейчас устроился здесь в СМУ прорабом.

– А ты как?

– Да на буровой, бурмастером. Вот, по непогоде завезли в эту дыру. Ты не знаешь, где здесь гостиница?

– Но-о-о! Ты загнул! Есть тут одна гостиница, возле ресторана "Красный Чум". Но там все места забронированы райкомом, на года. Остальные гостиницы – ведомственные, все принадлежат экспедициям, каждая! А тебе ночевать негде?

– Да, так получается!

– Так поехали со мной! Сейчас моя машина подойдёт, посидим, попьём, вспомним старые походы!

– А далеко ехать? – просто так, для сотрясения воздуха, спросил Раф, всё равно выбора у него не было. Никакой дилеммы.

– В село Красное, там один мой кореш живет. Яркий представитель коми-народа. Сига солит: ешь рыбину, которая полгода назад посолена, а она – как малосол! Как-то он её в гальке солит... Рыба с галькой речной перемешана...

– Село – это дыра какая-нибудь?
– Село – не деревня. Село, по нынешним масштабам, это сити!
– А что, он только сигов солит? – спросил Раф, чтобы заполнить

прогал молчания и чтобы приглашающая сторона не опомнилась и не отменила решения взять Рафа в компаньоны.

– Так, думаешь, тебе в Сыктывкаре, в кабаке "Вычегда", сунут ржавую рыбу и назовут чир или нельма, то так оно и есть? Да это тот же сиг. Все здесь рыбы хорошие, породы сиговых. Кроме сёмги.

– А сёмга у твоего друга есть?

– Есть, но он её на продажу держит, сволочь! Вот бери спирта с собой побольше, мы spoим его и раскрутим на сёмгу!

-Да, я-то – завсегда! А чё спирт? Водку нельзя, что ли?

– Можно. Но где ты спиртику питьевого ещё попьёшь? Только в Нарьян-Маре! А водка здесь – сплошь воркутинская! Завтра голову не поднимешь!

– Вот сволочи! А как они сюда воркутинскую завозят? Кривун ведь большой?

– А до Печоры железкой, а там – на баржи и по реке, по Печоре, гонят в навигацию!

Наконец, за разговорами, подошёл "КрАЗ".

– А, вот и наш лимузин! – воскликнул длинноволосый, – Я забыл, тебя как зовут-то?

– Раф. Я тоже твоё имя подзабыл, Сашка, что ли?

– Да нет! Корней. Меня так все кличут!

Водителем "КрАЗа" оказался здоровый с виду мужик. Одет он был странно для этих мест и моды: тёмно-синий костюмчик, из ткани типа шевиот, летние кожаные туфли на тонкой подошве, на голове картуз, этакая кепочка с лакированным козырьком. "Таксист, что ли, бывший!" – подумал Раф. Мужик, вместо "здравствуйте" начал орать густым, сирым басом:

– Заправляться ездил! На "Факеле" не дали, пришлось ехать в "Искатели"!

Водитель в объяснениях перечислял названия посёлков, из которых собственно и состоял город. Так называемый "центр", являл наиболее убогую часть города. Экспедиции, которые были побогаче, те отстроили себе жилфонд, в старину это поселение называли бы "слобода". Водитель, имя которого, как потом оказалось, состояло, собственно, из его фамилии Лаптюшин, нещадно дымил папиросиной. Когда тронулись в путь, стало понятно, почему он разговаривал всегда "ором". Чтобы в кабине было тепло, была проделана дыра в моторный отсек. Из этой дыры при увеличении оборотов дизеля веяло жарой и страшным шумом. Всем повезло, что дизель был новый, и с клапанных люков не тянуло отработанным маслом. Только выхлопными газами пахивало.

Село Красное оказалось недалеко, но дальше, чем посёлок "Искатели", где путешественники затарились спиртом. Спирт продавался не в магазине, а через прорубленное окошечко с бока здания. Стоил он шесть рублей пятьдесят четыре копейки за поллитровую бутылку. Взяли по три бутылки каждый. Раф спросил:

– Может, взять больше?

Но Корней сказал:

– Не, хватит, будет в самый раз!

Когда Корней наклонился к окошечку, то Раф заметил, что под волной свисающих волос у него отсутствует ухо. Он подумал: "Может, отморозил и ампутировали?" Спрашивать постеснялся. Когда залезли в кабину машины, Раф присмотрелся и увидел, что второго уха у Корнея тоже не было! Тогда он уже подумал: "Наверное, на зоне отрезали, как лицо бритвой режут за приписку себе не соответствующего воровского чина!"

Красное имело "притяжание" к городу. Даром что ли "Нарьян" по-ненецки значит – красный. "КрАЗ", на котором ехали, был с ведущим передком, за это он в народе был прозван "Лаптёжник". Дорога до Села была после метели, которые здесь каждый вечер, это в перерывах между буранами. "Лаптёжник" шёл ходко, трассу дороги водила угадывал по вешкам. Эти прутьики заботливо воткнула

дорожная служба. Очевидно, на этом их миссия закончилась... Зато не было мотоциклистов.

Мотоциклисты – это самое большое удивление Рафа, когда они только отъехали от аэропорта. Многие жители Нарьян-Мара разъезжают на этих колесницах, причём с жёнами, по магазинам и другим делам, прямо по заснеженным дорогам города. Все мотоциклы, обязательно "Уралы" с коляской, причём задние колёса у всех мотоциклов самодельные! Эта зимняя езда по морозу на мотоциклах – отличительная, фирменная метка города Нарьян-Мар.

Вскоре подъехали к большой избе на краю села. У входа в дом стояли аж две лодки, вытащенные на зиму из Печоры. Из избы вышел небольшой мужичок, очевидно, на рёв "КрАЗа". Вскоре все оказались в горнице, за одним столом. Все перезнакомились. Хозяина звали Вася. Причём он представился полным именем, как на допросе: "Василий Иванович Коданёв!" Спирт сразу выставили весь на стол. "Это на Севере обычай такой!" – объяснил Корней, – "А то, бывает, в какой компании, некоторые несознательные собутыльники ныкать поллитровки начинают. Потом поутру не найдёшь. А здесь – всё прозрачно: актив на столе, а выпитое – под стол!"

Хозяин чистил в тазу рыбу. Чистил не как, на материке: с солёной рыбы шкуру не снимают, – а счищал чешую крепкими ногтями. Нарезали хлеб и стали ужинать. Хозяин пытался украсить стол какими-то консервами, очевидно привезёнными предыдущими гостями, но Корней остановил его:

– Кончай, Вася, херню разводить! Мы этой изжоги наелись вперёд, внукам хватит!

Потекла мужская беседа. Говорили, конечно, про работу и пили неразведенный спирт. Вася хозяин, правда, себе разводил. По этому поводу Лаптюшин кричал через раз:

– Как ты его пьёшь разведенный, он же от смешения с водой становится горячим?!

– А у меня горло болит, мне и надо тёпленькое!

– Ты это брось, – уверял его Корней, – что спирт, что водку можно пить ледяной! И ничего не будет!

Первый не выдержал Корней, когда открыли третью бутылку, он уже упал головой на стол, лбом в рыби головы. Лаптюшин прокомментировал:

– Всё, скапустился начальник!

Корнея за руки, волоком, уронив скамью, утащили на лежанку. Волосы его откинулись и обнажили дырки в голове вместо ушей. Раф, сделав вид, что только заметил такой парадокс, спросил Лаптюшина:

– Наверное, на зоне отрезали?

– Да ты что?! Он на зоне никогда и не был! – и подозрительно спросил Рафа, – а чё, он цинковал, что чалился на зоне?

Это был большой грех, по понятиям, что если не сидел по приговору, нельзя себе приписывать такие подвиги. Хотя Корнею рисковать уже было нечем – ушей не было. Раф внес конструктивную идею:

– А что, – сказал он, – в Институте красоты, за деньги, уши можно новые пришить, допустим, от усопшего!

– Бесполезно! – как отрезал Лаптюшин.

– Это почему же? – полез в пьяный спор Раф.

– Я тебе расскажу на примере. Сидел у нас на зоне один кавказец.

У него была дочка, бл...довитая – страшно! Ну, пришла пора её замуж выдавать. Он за пять тысяч рублей вшил ей целку, у хитрого врача.

В разговор вмешался Вася:

– Это сколько же бутылок спирта, или того страшнее – водки, можно купить за пять тысяч?

Все стали переводить пять тысяч в бутылки, ужасно путаясь с нулями. Лаптюшин продолжил рассказ на тему "случай на зоне". Впрочем, большинство рассказов в этих местах начиналось так: "А вот у нас на зоне..."

– Ну, значит, – Лаптюшин выпил полстакана и понюхал хлеб, – эта коза, с новой целкой, опять взбл...днула, не утерпела до свадьбы, а

батя её и задушил. Раскрутился на червонец и чалился у нас на Чиниворике. Вот так и Корней. Пришьёт лопухи, а его "за метлу" припутают и опять отрежут. Плакали филки!

– Это бывает! – подытожил Вася. Он все истории этой фразой подчеркивал. Вроде, как конец абзаца.

Раф прокомментировал по-своему:

– Беда русских людей в максимализме! – он хотел намекнуть, что не стоит пить далее спирт, не повторять падение Корнея.

Но Лаптюшин вскинулся и прокричал:

– Каких русских! Я же говорю, кавказец он был!

Раф по обыкновению на буровой себе полемики не позволял, а тут вдруг грянул речь. Выпитый спирт выключил весь контроль:

– Национальность нельзя даже определить по генотипу. Расу, может быть, и можно!

Собеседники из его фразы ничего не поняли и подумали: "Заговаривается спьяну!"

Лаптюшин по-пьяному упрямо повторял:

– Ну, не скажи! Нас, русских, сразу видно!

– А где они, русские? Ну, были полтора тысячелетия назад: Русичи, Кривичи, Вятчи и другие. Так где ты сейчас найдёшь, кто от Русичей произошёл? Вот те – они будут Русские? Или ещё говорят, что от скифов мы произошли. А единственные осколки скифов – это осетины. Так что, выходит, осетины – это самые русские из русских? Все мы, получается, русские! Вон возьми Вася, он коми, я – Раф. А ты кто?

– Я мордвин!

Раф сразу смекнул, что мордвины драчливые спьяну, поэтому он стал обнимать собутыльников и кричать:

– Так русские мы, братья все!

Особенно обрадовался Вася. Он подскочил к зеркалу, тускло мерцавшему на комодке довоенного толка, и стал щебетать:

– Вот. Я сам коми, а лицо у меня, как у русского! Правда, ведь?

За это выпили, за Русский народ. Лаптюшин стал бить себя кулаком в грудь и орать:

– Нет крепше русской стали!!!

Раф это воспринял как сигнал, раз уже себя в грудь бьёт кулаком, это значит, разогревается, скоро драться полезет! Предвосхищая бой, он предложил:

– Пойдём, дизель посмотрим!

На севере дизель у машин и тракторов на ночь не глушат, тосола в этих краях отродясь не бывало. Да и запускать холодный дизель – морока большая, аккумуляторы все были, у всей техники, дохлые. Вышли на улицу, погазовали дизель, заодно и из себя выпустили струи, прямо в белый снег за оградой. Вернувшись, поостывшие, стали спокойно вести разговор. Лаптюшин поведал историю с ушами:

– Корней, он уехал от красавицы жены, из Москвы, чтобы сгношить денег на кооператив, на жилуху. А жена у него малость сбл...довалась. Так она ещё, лярва, на алименты подала! Нашла себе красивого тунеядца. Тот не работает, тунеядец, только деньги Корнея проедать нацелился. Корней взрывником хорошо зарабатывал. Судом присудили ему за двоих детей, которых он к тому же усыновил, тридцать три процента отсылать, с каждой зарплаты. Корней в одночасье допился до белой горячки, ему что-то почудилось, он и отрезал себе уши! Застали его в общаге ребята. Он стоит, весь в крови, тычет вилкой себе в член и кричит: "За тебя! За тебя!"

– А что – "за тебя"? – вставился Раф с вопросом.

– Ну, за алименты, вроде, как его х...й виноват!

– Это буват! – подытожил Вася.

– Ну, значит, – продолжал Лаптюшин, – белая горячка-то быстро

кончилась, а из взрывников его уволили. Нельзя, дескать, с такой психикой взрывником состоять на должности! А ты, к примеру, какую должность имеешь?

Раф подумал, как бы доходчивее объяснить импульсивному мордвину про свою должность. Он сказал:

– Институт я закончил больше года назад. Вот, теперь вроде как начальник на буровой.

В России к инженерам многие десятилетия относились с сожалением. Народ рассуждал: "Вот, учатся пять лет, а потом всё также в нищете живут, как студенты!"

Даже существовала общенародное шутовское проклятие: "Чтобы ты, как инженер, всю жизнь жил на одну зарплату!" Поэтому Лаптюшин с жалостью сказал:

– Эк, как! Друг, тебе не повезло! А что, на водителя или на тракториста выучиться не смог?

– Да я знаю, трактористы и бульдозеристы впятеро, а то и больше, зарабатывают, чем инженеры. Но не всем же быть трактористами? Мама моя очень хотела, чтобы я был инженером.

– Мама-мама! Сопли развесил! Стал бы шофёром – жил бы как человек! Вон, у меня шуряк в Саратове. Таксистом вкалывает. Работа не пыльная, девок дрючит – как за просто так! И кооператив трёхкомнатный купил, и дачу строит. На работу в кожаной куртке ходит, как лётчик! А денег – больше лётчика-испытателя имеет!

– А ты чего в таксисты не идёшь?

– Я здесь на поселении. Шесть срока, пять "по рогам", без права выезда из района.

– Это буват! – подытожил Вася.

Спирт как-то не кончался. Главный боец Корней азартом питья сдулся, упал настроением. Раф пил вяло, Вася спирт разводил водой, оттого и у Лаптюшина азарта поубавилось. Он ещё рассказал, к слову:

– Вот, у нас на зоне. Был один, фортовый. Он себе от усопшего подушечки пальцев пытался приклеить.

– А это зачем? – поддал азарта Раф. – На гитаре играть?

– Да ты совсем дикий! – подытожил Лаптюшин. – Ментов с панталыку сбить, отпечатки пальцев изменить себе!

Но разговор уже увядал. Раф ещё раз показал неосведомленность, переспросил:

– Фортовый, это значит – фарт ему идёт?

– Ну, ты совсем дикий! – повторился рассказчик. – Фортовый, это значит – спец по форточкам! Он щуплый телом и его "подают" в форточку.

В голове Рафа, одурманенной спиртом, стало представляться, как фортового подают в форточку, как свёрток. Но переспрашивать он не стал, а сослался на усталость и предложил идти отдыхать. Все разошлись спать. Лишь сходили проверить, как работает дизель, брошенный одиноко на ночь.

Глава 19

Наутро, едва продрал глаза, Корней и Лаптюшин стали опохмеляться. Вася присоединился к ним, с видом сочувствующего. Раф пить спирт наотрез отказался, он и так, выпив с утра воды, вдруг почувствовал резкое опьянение. Такой эффект бывает после обильного употребления неразведённого спирта с вечера. Называется этот эффект:

"На старые дрожжи!" После коротких уговоров, направленных на Рафа, чтобы тот выпил всё-таки спирт, Лаптюшин подытожил:

– Эх ты, студент! Голубые яйца!

Раф в спор не полез. Как-никак его доставка в аэропорт зависела от обидчика. А как если он откажется везти? Опоздаешь к вертолёту. Поэтому Раф пошёл на сделку с совестью и проглотил обиду. Вся троица выпила и на закуску закурила "Беломор". От противного запаха табака, который и так стоял всю ночь в избе, Рафу стало ещё более дурно. Он вышел на улицу. Чай Вася поутру не подавал. Да и какой чай? На столе были разбросаны мерзкие ошмётки рыбы, которую в конце застолья уже не чистили в тазу, а рвали прямо на столе, оставляя слизь и кишки на подстеленной газетке, промокшей от жира и слизи. Устройств, вентилирующих избу, не было. Вентиляция изб осуществляется через печь. Воздух втягивается в поддувало, а выходит в трубу. Вася днём печь вытопил, и закрыл две вьюшки. От этого случился полный застой воздуха в избе, ещё он был сдобрен снятой путниками на ночь обувью. Кроме, всех этих озонаторов, Вася где-то хранил поставленную "гулять" брагу, от которой исходил тяжёлый дух квашни, который перемешался с запахом разворошённой рыбы, когда выбирали из бочки крупняк. Рафа от всего этого запаха просто перекосило. Он стоял обречённо на улице, не решаясь войти в избу, в которой шёл тяжёлый спор. Если залезть в кабину – получится, что он их поторапливает. Раф и так был тут на птичьих правах. Корней, одуревши от пьянки, опять плохо узнавал его. Собутыльники допили спирт, налитый в стаканы, а начатую бутылку Корней забрал с собой.

С криком "Поехали!" он забрался в кабину "КрАЗа", все потянулись за ним. Вася провожать их не вышел. Пока ехали – царило молчание. Раф не выдержал и спросил отвлечённо:

– А зачем мы приезжали-то?

Корнея "прорвало" и он стал жаловаться:

– За Васину подлянку я опохмелиться ему не оставил! У Васи оценилась лайка. Он обещал мне щенка, а теперь говорит: "Всё разобрали!" Я ему: "Как разобрали? Один-то был мой!" Он теперь говорит: "Со следующего помёта!" Это что, я опять его полгода буду спиртом поить? Я пригрозил ему, что дом спалю вместе со щенками!

За этими воплями доехали до аэропорта. Раф побежал в диспетчерскую, где спросил:

– Как там сто семьдесят пятый борт?

– Разогревают! Пилоты пошли к борту! – ответила симпатичная диспетчерша, какими казались здесь все девушки моложе тридцати лет.

Раф помчался по лётному полю. На него никто не обратил внимания. Он даже не попрощался с Корнеем и водителем. Бортмеханик, вместо приветствия, набросился на Рафа с упрёками:

– Где ты ходишь? Мы тебя обыскались?

Раф, пребывавший в плохом настроении, огрызнулся:

– А, что я вам? Летели бы себе, раз такие умные...

– Так без тебя нам как бы "порожняк" запишут, а с тобой, вроде, как по заданию!

– Вот и не пи...ди, раз я такой важный! – огрызнулся Раф.

Взлетели. Через какое-то время вертолёт приземлился на базе экспедиции. На Рафа сразу обрушились со всех сторон:

– Тебя где носит?

– Почему ты не на буровой! – кричали разные люди.

– Что вы до меня до...бались? Что случилось?

– Он ещё спрашивает! Авария самая страшная у тебя! Открытый выброс! Неуправляемый фонтан нефти! Как ты допустил это! – орал главный инженер.

– Как – открытый выброс?! – опешил Раф.

Он искренне думал, что страшнее падения вышки аварии не бывает.

– Да так! Скважина заработала нефтью, с огромным давлением. Открытый фонтан! Спустили бригаду испытателей, свой "испытатель пластов", создали депрессию, ну, может, что и просчитались. Но она заработала на открытый фонтан!

– Не загорелась?! – вспомнил Раф учебники.

– Пока нет, только что дальше будет, не знаем. К тебе вылетает главный по "Газовому надзору" генерал Прохоров, из округа прилетит, прямо на буровую. Да, кстати! Ты же знаешь, он без горючего не может совсем! Ты организуй. Я дам команду на бурсклад, чтобы пару ящиков водки отгрузили тебе. Вообще, генерал любит спирт. Да где его взять?

Вся организация вылета происходила в суматохе. Раф уже не фиксировал, кто-то грузил ящики с водкой, кто-то сунул ему в руку пачку конвертов. Он так с конвертами и погрузился в вертолёт "Ми-8", который не глушил турбины и крутил без перерыва свои винты-лопасти. Уже когда взлетели, Раф разглядел, что это были письма от Веры. Он, чтобы скоротать время и отвлечься от дурных мыслей, стал их вскрывать и читать все подряд, не разбирая по датам. В результате такого чтения у него в голове образовался сумбур, из которого запомнились обрывочные тезисы: "...Папа, по мере как я росла, обводил мне ножку, стопу карандашом, на бумагу переносил все пальчики. На память, чтобы наблюдать, как я расту. Когда его хоронили, я обвела свою стопу на лист бумаги и положила ему с собой, в гроб ...положила ему на память свои часы, которые он подарил мне на день окончания института... Мне снится один и тот же сон, что папа зовёт меня в лодочку, держа вёсла приподнятыми из воды ...и говорит мне, что батарейка в часах уже закончилась..."

Раф отложил всю эту писанину, в голову больше информация не умещалась. Он лишь подумал:

– Бред какой-то!!!

Он даже не мог найти в этой суматохе, где его портфель, и сунул письма в коробку с водкой. Тут он обратил внимание, что водка

именуется "Любительская". И градусов у неё, судя по этикетке, всего тридцать. Раф про себя сказал:

– Да-а-а! Водка-то жидковата. Не по аварии!

Только разгрузили вертолёт и всё распределили по кладовкам, как "упал" следующий борт. Раф даже не успел как следует рассмотреть фонтан и опросить испытателей, как всё это произошло. Фонтан нефти бил сквозь ферму вышки, рассекаемый оснасткой, выше кронблока. Уже диспергированная нефтяная пыль коричнево-жёлтым дождём падала, уносимая ветром, на тундру, образуя озерца и лужи. Свежескопившаяся нефть имела консистенцию сварившейся крови, выпущенной из подстреленного оленя или лося. Раф подумал: "И, правда – кровь Земли!" Самое опасное было в этой обстановке, что подвешенные на тросах вспомогательные инструменты внутри буровой, которые мотало струёй нефти, как кисточки на упряжи скачущей лошади, высекут искру от удара о металл вышки. Тогда весь этот гигантский, под сто метров высотой, фонтан загорится и станет ещё более грозным! Раф не успел оценить, проанализировать всю катастрофу как следует. Надо было бежать встречать генерала "Службы тушения и предупреждения фонтанов".

Он вышел из вертолёта, как сноп падает с копнителя комбайна при уборке хлеба. Все подивились: "Как подвесная лесенка выдержала такой груз!" Весил генерал вместе со всеми своими позументами не менее семи пудов. Лицо его было как гигантская тыква синюшного цвета, приукрашенная сверху каракулевой шапочкой, с кокардой. Кокарда очертаниями напоминала архитектурные украшения фронтонов административных зданий, построенных в сталинские времена. Раф подумал: "Зачем в шинели ехать на фонтан? Неудобно же самому, чисто физически?"

Но он не знал реалий. Эта форма была пошита хитрым портным, чтобы заказчик не докучал переделками, с запасом на дальнейший рост живота. А любую другую одежду купить в магазине генерал просто не мог. Не существовало такого размера! Он пошёл по досточкам, брошенным в грязь, специально по этому случаю. Досточки жалобно скрипели и гнулись. Усевшись в вагончике бурдомика, и заняв как бы всё пространство балка, генерал вместо

"здравствуйте!" спросил (при этом Раф насторожился, ожидая специальных вопросов по выбросу):

– Сколько у нас спирта?

Раф, на ходу переключая сознание, пролепетал:

– Два ящика водки "Любительская".

– Мало!!! – сокрушённо выдохнул генерал, приподняв и хлопнув по колену, упёртую в него руку. – Закажи канистру спирта, для протирки приборов и противогозов!

– Есть! – по-военному среагировал Раф и бросился к рации. Генерал задумчиво поглядел в окно на фонтан и изрёк:

– Кубов примерно двести даёт нефти в сутки! Отличное месторождение ты нашёл!

– А как вы определили? – удивился Раф.

– Опыт, сынок, опыт! Есть такой прибор, "Дикт" называется. Так он определяет менее точно, чем хороший практик, по интервалу отрыва пламени на факеле!

Раф с уважением смотрел на всю эту гору мудрости, сидевшую на табуретке. Ноги у генерала были расставлены и казались коротенькими из-за свисающего между коленями огромного шара – живота. Раф впал в задумчивость, после обзора этого затянутого в мундир чрева. Он вспомнил, как они студентами, повинувшись чьей-то идее, пытались налить кондом водой и сбросить на голову прохожему из окна четвёртого этажа. Идея была в том, что кондом должен был одеться прохожему на голову и облечь её! Этот живот генерала, теперь напоминал Рафу, как они несли налитый водой латексный пузырь, он так же перекачивался, и казалось, жил своей непонятной жизнью. И только одно беспокоило Рафа, чтобы табуретка выдержала. Он мучился мыслью: "Как бы предложить генералу сидеть на двух табуретках сразу?" Генерал опять пробулькала всей своей отдышкой:

– Когда у нас обед?

– Сейчас распоряжусь.

Генерал не стал протестовать, что график обеда меняют из-за него.

Уже позже, Раф убедился, что режим "обед" идёт всё время, пока генерал не спит, что тот делал со страшным храпом. После недолгих переговоров срочно прибывшей Гражины и генерала, на столе у последнего в бурдомике оказалась огромная миска, размером со средний тазик, с варённым говяжьим выменем. Генерал булькнул голосом, исходившим из жерл серии подбородков:

– Ты будешь?

Раф на мгновение взглянув на грязно-жёлтую массу блюда, вымени, в омерзении замотал головой и стал наливать водку в гранёный стакан.

– Это тебе! – проклокотал генерал и подвинул к себе для водки – полулитровую банку.

Раф не стал вносить ремарки, что он с помощью этой ёмкости бреется, а налил в неё водку до краёв. Потом эта банка станет любимой ёмкостью генерала, он в том же темпе будет пить из неё спирт. А пока, вымахав две поллитровки водки и уев тазик вымени, он косо завалился на дежурную кровать со вздохом усталости:

– Уф! Закурить!

Раф подал ему беломорину, которая скрылась в складках и округлых рельефах лица генерала, как гвоздик, вбитый в доску объявлений, выкрашенной суриком. Через минуту он захрапел, как трактор с прогоревшим клапаном. Рафу повезло, что рация находилась в смежной комнатке. На неё вскоре стали поступать циркуляры, исторгнутые "штабом по ликвидации открытого выброса". Последний циркуляр гласил:

– Найти добровольцев, отобрать у них письменные заявления, для работы на устье фонтанирующей скважины.

Генерал во всех переговорах не участвовал. Он лежал на боку и при взгляде сзади-сбоку, походил на обрубок слона. Раф пошел в вагончик помбуров, в котором он когда-то сам спал под шлёпанье игральные карты по неопрятному столу. Когда он вошёл в балок, то подумал, что с ним случилось дежавю. На панцирных сетках кроватей, на скатанных в рулон постелях, сидели раздетые по пояс помбуры, обнажив свои доблестные наколки. На самодельной печке – "козле", бурлила в цинковом ведре собачатина. Некоторые помбуры,

держа в руках алюминиевые вилки, уже пробовали недоваренные кусочки мяса, комментируя его жёсткость.

– Здорово, гладиаторы! – поприветствовал их Раф.

– О-о-о! Начальник! Наше почтение! Не везёт вам, то есть нам. Заварились мы, виноваты!

Эта категория людей, которые работали у Рафа помбурами, почему-то охотно признают свою вину. Оттого, видимо, они сидят по тюрмам чаще других...

– Свежатинку пробовать будете? – предложил по-братски Лист.

– А вы что, оленя колхозного опять подстрелили?

– Бери выше! Вон, погляди в тамбуре, за ящиками!

Раф не поленился, приоткрыл дверь и за ящиками увидел шкуру и голову чёрной собаки. Той самой! "Ну, и звери!" – подумал он о своих работягах. – "Неужели у них голова не сработала, что это не простая собака?"

Однако на лирику у него люфта времени не было, он пришёл просить своих работяг... Он обратился к ним:

– Мужики!

Те давно поняли неисправимость Рафа. Они давно уже не поправляли его. Не разъясняли ему в который раз, что среди тех, к кому он обращается, кроме "мужиков", есть "пацаны" и "авторитеты второго стола" и так далее. Но они ему прощали, как "студенту".

– Говори, начальник, что надо делать? Уже соскучились без работы, а к буровой не подойдёшь!

– Нужны добровольцы для работы на фонтане!

– Ну, все мы добровольцы, пиши всех! – ответил бурильщик Вася Охотник.

– Так вам надо написать, что пошли к фонтану добровольно.

– Надеюсь, не ты это придумал? – на всякий случай не деликатно спросил Нахим.

– Начальство заставляет, хочет ж...пу прикрыть! – доверительно сообщил Раф.

– Ну, мы чё, писатели, что ли? Ты давай, нам примерно напиши, чё надо писать, а мы перепишем! – принял Нахим соломоново решение.

Все пошли в бурдомик и заняли позицию в помещении, где бурильщики записывали свою вахту в вахтовый журнал. Наиболее любопытные заглянули в отсек, где храпел генерал, и прокомментировали, особенно распирало Васю верхового:

– Ну, у тебя и кабанчик завёлся, А звук какой!

Обертонны генерала набирали темп, наконец, он взревел последний раз и проснулся. Он протопал в туалет типа сортир, который стоял на отшибе. Жалкий скворечник заходил ходуном от дивергенций "кабанчика". Он вернулся и задал риторический вопрос:

– Инструкция по технике безопасности?

– Да, в некотором роде! – уклончиво ответил Раф.

– Хорошо проинструктируй, как следует! – наставил он Рафа. – А вы, чтобы сейчас же все прекратили курить!

– Это как же без курева!?! – загомонили буровики, – Без курева нам никак нельзя!

– Вон туда! За триста метров от буровой, сейчас же! – бесновался генерал, входя в раж.

Буровая публика, в основном, была из сидельцев. Они, повинувшись рефлексам, очень побаивались генерала, который был весь украшен эмблемами и загадочными значками. Пуговицы у него тоже были не штампованные, а литые, очень солидные. Раф, защищая своих подопечных, заверил генерала:

– Да, будут они, будут!

Он стал выпроваживать буровиков, собирая у них корявые записки, с клятвами, что они добровольно пошли работать на устье фонтанирующей скважины. Генерал, довольный проведенной работой с коллективом, в своей голове записал, что на сегодня объём его работ перевыполнен! Он задал Рафу вопрос, который потом, впоследствии, задавал синкопически, без всяких девиаций:

– Ну, что у нас там с обедом?

"Да, у него ещё и склероз!" – подумал Раф, а вслух сказал:

– Сейчас, активизирую!

Гражина быстро, с комментарием "О, то добрый дядько!", доставила тазик макарон с оленьятиной. Пока пирующий отправлял в жерло, открывающееся среди серии подбородков, нехитрое блюдо Гражины, запивая всё поллитровыми банками водки, Раф принял с буровиками вертолёт со снаряжением. Это были сапоги и прорезиненные костюмы химзащиты. Наиболее охочих из добровольцев, а добровольцами были все, нарядили в эти костюмы. По инструкции, спущенной со штаба по ликвидации аварии, ещё необходимо было одеть противогазы. Генерал тоже внёс свою лепту. Он комиссарским тоном пробулькал:

– Всем! Одеть противогазы, щас же! Немедленно! – потом он обвёл мутным взглядом глаз с жёлтыми белками всех буровиков и остановил взгляд на Рафе, указав на него толстым пальцем-сарделькой. – Об исполнении доложить! – подытожил он...

Но первые же шаги добровольцев к скважине показали, что противогазы противопоказаны. Стёкла этих резиновых масок моментально покрывались плёнкой от нефтяного тумана, который висел в воздухе, как исчезающая субстанция. Вытирать эту плёнку со стёкол противогазов прорезиненными грязными рукавицами было бессмысленно. Решили идти к скважине без масок. Очнувшийся от очередного сна генерал выдавал вердикты, разнообразные по редакции и всегда не связанные с предыдущими его же выкриками. Вместе с амуницией прибыли инженерно-технические работники всех рангов из экспедиции и головного предприятия. Вначале они были заблокированы шоу, которое демонстрировал генерал, поглощая еду, которую подтаскивала Гражина, словно подносчик снарядов орудия форта Манзут, держащего атаку двух эскадр противника. Спирт подвезли в двадцатилитровой канистре, которую генерал ревниво содержал подле себя, доверяя отлить из неё лишь Рафу, утвердившись в нём, как в малопьющем и честном человеке. Тем временем первые двое добровольцев – это были два бурильщика, Олег и Вася Охотник – подошли к устью, из которого била струя с рёвом Ниагарского водопада. Когда они вернулись, тяжело ступая по грязи, образованной глиной и нефтью, преобразованной в липкий, буквально, пластилин, им еле отёрли глаза. Лица их были покрыты

сплошной коричневой эмульсией, которая обильно стекала ручейками вниз.

В общих чертах план ликвидации был полуфантастическим. Первыми шагами, которые необходимо было сделать – это подвязать бешено болтающиеся вспомогательные инструменты, чтобы они не высекли искру. Если рассказывать дальше, то (минуя всякие промежуточные технологические операции, последним этапом) было решено накинуть перевёрнутый превентер, со смонтированными на нём задвижками, на муфту бурильной трубы и превентер закрыть. План был на грани полной фантазмагии, только все надеялись, что по прошествии нескольких дней пласт поутихнет, порода, слагающая призабойную зону, обвалится, уж очень сильная была пласту дана депрессия! Время работало на ликвидаторов.

Но все эти фантастические планы были осуществимы, только если фонтан не загорится. Если он загорится, то тот, кто не дай бог, будет подле устья, сгорит заживо! И в полной мере за это будет отвечать тот, кто самый главный по рангу находился на буровой, а, значит, генерал. Возможно, поэтому он так сильно пил спирт. Когда первая суматоха среди прибывших инженеров улеглась, то они ему сообщили, что начальник экспедиции умер. Умер прямо за рабочим столом от сердечного приступа. Как сказали сообщившие: "Разрыв сердца!" Раф понял только в этот момент, как всё серьёзно! Для него, имел он в виду. С этой секунды, он жил весь в ожидании. Чего – он сформулировать не мог. Засыпая в первую ночь подле ревущего фонтана, он радостно думал: "А всё-таки, я нашел нефтяное месторождение! Ну, и что, что всё сложилось так трагически. Он ведь не виноват! Не он же разоснастил устье, начальник экспедиции лично дал распоряжение перебросить устьевое оборудование на другую буровую. Его господа геологи уверили, что в этой треклятой скважине ничего нет! Даже пластовой воды!"

Утром Раф проснулся тоже с чувством ожидания. Оно его не подвело. Ему передали по радию, что его ждут в конторе экспедиции для снятия показаний. Кто будет снимать их и долго ли, загадочно умолчали. Повинуясь внутреннему чутью, он собрал все вещи и документы, которые он считал наиболее ценными. Особенно тщательно проверил в забираемом им журнале радиограмм, номер

той радиограммы, в которой ему приказали снять с устья запорное оборудование. Инженеры из конторы экспедиции поутихли. Они вчера вечером, за чаем, наперебой рассказывали "аналогичные" истории о том, как вот так же был выброс и бурового мастера посадили на пять лет. Другие рассказывали аналогичную историю, и что на бурового мастера завели уголовное дело, по которому присудили платить пять тысяч рублей государству. Правда, утешительным было, когда они говорили, что эти случаи были в постсталинские времена. Но – были! Поэтому Раф собирался, как навсегда, безвозвратно. Слух, что Рафа вызывают на допрос, как-то быстро разнесся по буровой. Вечером перед вылетом к нему подошёл Нахим. На правах, что он был у него первым помбуром, когда Раф был ещё бурильщиком, пригласил прийти и попить чаю. Раф пришел к нему в вагончик, вскоре в тесное помещение набилось буровиков с большим избытком. Вопросов Рафу не задавали, больше молча курили. Иногда, подавали бесценные советы:

– Раф, если будут допрашивать под протокол, то скажи, что пусть не стараются. Скажи: "Всё равно расписываться не буду!"

– А меня не подтянут за сопротивление?

– Нет. Ты спроси: "Какой номер уголовного дела, по которому меня допрашивают?" Следак сразу умоется. Объяснительную тоже не пиши. Твоё право. Им, главное, сейчас окучить бумажек, а потом вокруг них начнут дело шить.

Дальнейшие советы шли в том же темпе, консультанты были очень опытные, и Раф им беспредельно доверял. Нахим напоследок очень сурово сказал:

– Я от всех скажу: Если надо будет лжесвидетельствовать – рассчитывай на любого из нас. Только кинь "маяк"!

Последний совет был от старшего дизелиста Горденко:

– Если будут паспорт отбирать, то скажи: "Забыл на буровой!", а сам – рви когти!

Легче на душе у Рафа от таких разговоров не стало. Однако он был очень признателен буровикам, они прощались с ним как с другом. Все в искреннем стремлении помочь. Даже те, кого он в своё время преследовал по административной линии, наказывал,

притеснял, не таили зла и не злорадствовали, что ему придётся отвечать перед законом. Всю ночь он не засыпал, слушая рёв фонтана и пересиливающий его храп генерала. Наутро первым вертолётom Раф прибыл на базу экспедиции. Настроение в конторе стояло гнетущее. Не столько из-за траурно оформленного холла конторы с портретом почившего начальника экспедиции в черной рамке, все конторские люди ходили в ожидании бури. Все боялись, что новый начальник экспедиции устроит перестановку кадров. Самым часто встречающимся выражением здесь было: "Новая метла по-новому метёт!" От этих ожиданий все относились к Рафу как к виновнику. Даже Мария Павловна, начальник АХО, высказала ему: "Натворил делов! Вы всегда так мужики, от вас только горе одно!" Раф не стал уточнять, какое от него горе Марии Павловне? В бывшем кабинете начальника экспедиции, теперь, в ожидании нового хозяина, восседал следователь прокуратуры. Когда Раф вошёл, он сразу попросил у него паспорт. Но, Раф, памятуя последние наставления своих буровиков, сказал:

– Забыл на буровой, я обычно на день-два в экспедицию езжу без паспорта!

– Молодой человек! Без паспорта нельзя даже в туалет выходить! – стал наставлять его следователь. – Давайте, организуйте, чтобы вам переслали ваш паспорт, и будем разговаривать с вами по полной форме!

Раф вышел из конторы и холодок могильный прошёл по его спине. Он вдруг отчётливо понял, что он последний раз вот так вот свободно выходит из официального учреждения. Он пошёл в сторону аэропорта, никто не заострил внимания, куда он пошёл. В аэропорту стоял после разгрузки вертолёт "Ми-6". Он привёз продукты для ОРСа, и теперь орды страждущих улететь на Большую Землю одолевали его. Вертолёт был грузовой, официально пассажиров не брал. Так, если вдруг бортмеханик или пилот кого-нибудь по знакомству прихватят. А официально – нельзя! Страждущие улететь штурмовали входной люк, вертолёт уже свистел турбинами. Ещё у этого типа вертолёта, от лопастей идёт звук, очень схожий с щелчками гигантского кнута. Несколько человек уже одолели барьер и находились в салоне вертолёта. Бортмеханик не закрывал люк, явно

кого-то ждал из знакомых. Раф прорвался к люку, закинул рюкзак и, несмотря на то, что бортмеханик отпихивал его ногой, обутой в мягкие унты, он проник во чрево вертолѐта. Закон был таков: "Если преодолел барьер – то летишь!" Вертолѐт направлялся в тот город, где жила Вера. Рафу надо было со страшной силой, очутиться рядом с близким человеком, осмыслить происходящее, успокоиться. Мысли его были разорваны. Может, он не прав, возможно, он это зря сбежал от правосудия. Вдруг всё не так страшно, а просто его буряги-зэки нагнали ему жути, про лагеря, про лишение свободы. Хотя, если присудят пять тысяч ущерба возмещать, считай – жизнь потеряна! Будешь с клеймом, да ещё материальные стеснения испытывать лет пять-шесть. Занятый такими мыслями, он приземлился в аэропорту, и пошёл на остановку автобуса. Ехать на такси, в его ситуации – это плохо. Таксист может запомнить. До общежития, где жила Вера, он добрался быстро. На пути его встала незнакомая вахтёрша:

– Вы к кому?

– Я к Вере, я здесь живу! – стал буянить Раф.

На крики вышла комендантша. Она узнала Рафа и провела его к себе в кабинет. Там она его огорошила:

– Вера-то твоя умерла, недавно!

– Как умерла?! Где она?

– Мать её забрала, в свой город. И вещи все забрала. Даже нам не раздала... – обиженно пожаловалась комендантша. – Умерла, дали диагноз врачи, от сердца. Разрыв сердца, – и от себя добавила, – невзапная (комендантша спутала буквы), невзапная смерть!

Раф на протяжении всего повествования молчал, ему говорили что-то ещё, но он шел уже к выходу. Лишь напоследок он услышал, когда слух вернулся к нему:

– Евонная мать вещи забрала. Твои вещи тоже забрала, ехай к ей!

Дальше он действовал автоматически. Не помнил, как оказался на вокзале. В этом городе ему идти было совершенно не к кому. Когда он вновь как бы очнулся, стал анализировать: "Если я в розыске, то на вокзале меня арестуют, прежде всего!" Он, подгоняемый страхом, пришёл на перрон. На первом пути стоял

поезд, идущий в Москву. Проходя вдоль вагонов, он взглядом зафиксировал, как взор одной юной, весёлой проводницы надолго остановился на нём. Раф смело подошёл к ней и спросил:

– Сестричка. До Котласа за наличные возьмешь с собой?

– Так иди, в кассе билетов полно!

– Да я уже не успею! Просто я хочу с тобой, а в кассе сама знаешь, куда дадут – там и поедешь!

– Ну, ладно, заходи, располагайся на свободном каком-нибудь первом месте!

Когда поезд тронулся, Раф пошёл рассчитываться с новой знакомой. Звали её Люда, и она заправляла всем вагоном одна, без напарницы. Раф дал ей денег с избытком, она хотела дать ему сдачу, он отказался категорически, и она вынесла решение:

– Тогда я буду тебя в дороге кормить!

– Согласен, – ответил Раф. – Полный пансион!

К ужину Люда выставила бутылку холодной водки. Когда ночью начался длинный перегон, они оказались в купе для отдыха проводников. Вначале Раф комплексовал, думал:

– Вот, Вера умерла, а я уже прелюбодействую!

Только выпитая водка сделала своё дело. Долго говевший на буровой беглый бурмастер стал снимать с Люды одежду. Та бормотала всем женщинам слова присущие: "Не надо!" Сама в это время стаскивала с себя многочисленные одежды. Секс разгорелся бурный. Может, стук колёс и покачивание вагона возбуждали, но Раф гонял своего конька, как стайер. Под конец, вспотевший в душном купе, он отвалился на казённом топчане. Люда оделась гораздо быстрее, чем раздевалась, чмокнула его в щёку и сказала:

– Скоро узловая, надо вагон открывать!

Профессиональные часы работали у неё даже во время оргазма. Потом были длинные посиделки в рабочем купе, нашествия контролёров. Раф признался Люде, что его могут искать официальные сотрудники, она сказала:

– Я всё поняла!

И стала прятать его во время всяких рейдов на верхней полке, что над коридором, за кипами белья. Человек она была понятливый. И даже призналась:

– У меня жених сидит на Харпе!

– У-у-у! – понятно произнёс Раф. Это за Лабытнангами, "особняк". Там подолгу сидят, пока дождётся – климакс грянет!

– В том-то и беда, – жалобно всхлипнула Люда, – Не дождусь – приедет и прирежет. А пока дождусь – детей рожать уже поздно будет! – пожаловалась она и на душе ей легче стало!

Раз уж компаньонка попалась ему такая боевая, Раф поехал с ней до Москвы. В Москве они сердечно распрощались. Он обещал писать ей на Главпочтамт в Микунь, где Люда была приписана по работе, и вышел на площадь трёх вокзалов. На высоком крыльце он огляделся. Внизу на ступеньках так же стояли мужчины вроде него, в раздумье. Один из них, при взгляде сзади, привлёк внимание Рафа. Из-под шляпы у него выбивались живописные локоны. Раф подошёл к нему с бока и обомлел, это был Корней!

– Здорово, чертяка! – бросился он к нему.

Корней тоже неслыханно обрадовался и даже полез обниматься. Последовали взаимные вопросы:

– Ты чего здесь?

– Ну, ты как?

Ответы и друг друга они почти не слышали. Тем паче, что Корней начал балагурить, и заявил:

– Приехал в Институт красоты уши пришивать, инплантанты!

Через двадцать минут они уже сидели в пивной, где гул голосов доходил до пятидесяти децибел и воспринимался как шум прибора. Раф поведал Корнею свою историю, сильно не акцентируя на своём вольнодумстве, а сваливая всё на невезуху. Корней оказался человеком более серьёзным, чем как воспринялось при первом свидании его реноме – охотник за щенками лайки. "Того щенка лайки, из-за которого затируха вышла, я хотел подарить одному чиновнику!" – прояснил обстановку Корней, развивая пересказ событий далее:

– Вышла незадача. Изба коми-засольщика рыбы сгорела. Зашаила – на притчу! Я не при делах! Он, наверное, самогон гнал, попробовался и сгорел, вместе с избой. Подозрения пали на меня. Я же ему угрожал "красным петухом". Теперь я в бегах!

– Так ты, наверное, документы себе новые выправил?

– А то! Если ты решился на это, подскажу человечка! Есть один надёжный фармазон.

Корней поведал, как надо обзавестись надёжными легитимными бланками. Ночевать они поехали к Корнею, на Первую Ямскую улицу. Своё местожительство тот охарактеризовал так:

– Есть у меня ключ от одной коммуналки. Там с подселением один алкаш-хронь. Ему, как в топку, надо каждый день кидать пузырь водки или два портвейна. Иначе он буйнит: "Позову участкового!" Давай так: день ты кидаешь в топку, день я. Идёт?

– Идёт! – обрадовался Раф.

Наутро, следуя инструкции Корнея, Раф пошёл на Новый Рынок. Там была "биржа труда". Разный люд нанимался на работу: ремонт квартир, возведение дач и прочее другое строительство. Раф присмотрел подходящего мужичка. Ему повезло с первого раза. Раф предложил:

– Водителем, грузчиком-экспедитором пойдёшь?

– Да-да! – обрадовался мужичок.

– Документы с собой?

– Все с собой! Я знал, что мне повезёт. Найду работу шофёром, так не хотел малярить, я всё-таки водила. А на стройке грязь таскай, струмент таскай. Тьфу, проера! Правда, тебе только сознаюсь: у меня в трудовой книжке увольнения за прогулы.

Раф про себя переводил: "Грязь – раствор, проера – фраера..." – и успокоил нового знакомого:

– Ничего. Я за тебя поручусь. Надеюсь, не подведёшь?! – Да я за вас молиться буду!

– Молиться не надо. Документы давай!

Раф, не вчитываясь, полистал документы, все были в комплекте, включая военный билет.

– Ну, поехали оформляться! – сказал Раф, кладя документы мужичка в карман, он уже считал их своими.

По дороге, на переходе в метро, Раф как бы невзначай растерялся с мужиком. Толпа мешочников, прибывших за колбасой, была страшная. Раф ещё крикнул поверх голов:

– Друган! Я тебя жду в центре зала!

После этого он пригнулся, протиснулся к поезду и уехал в малопонятном ему направлении. Уже в вагоне по схеме он сориентировался, куда он едет. Через полтора часа он был уже в коммуналке на Первой Ямской. Первым делом он погасил пожар внутри соседа бутылкой водки. Чем прекратил атаки того на Корнея:

– Я – коренной москвич, а ты откуда? Лимита, подзаборник!

При виде бутылки за два рубля пятьдесят копеек он полностью утомился, пошебуршал в своей комнате и, видимо, уснул. Раздухарившийся от такой лёгкой удачи в казавшейся невыполнимой операции, Раф посоветовался с Корнеем:

– Давай ему какого-нибудь дихлорэтана нальём, чтобы нам не мешал, навсегда!

– Не-е!.. Он наш мандат, его надо беречь. За квартирой явно охотятся в ЖЭКе. Как помрёт – налетит воронья. Отобьют квартиру. Это мы им дело облегчим, а себе на душу грех навалим!

Раф в очередной раз убедился в мудрости Корнея. Тот, со смехом полистав трофейные документы, спросил его:

– А ты обратил внимание, какое имя в документах у мужика-донора?

– Нет!

– Рафаил!

Оба товарища стали хохотать и хлопать друг друга ладонями в плечи. Сняв смехом нервное напряжение, они сразу отнесли документы фармазону. Тот жил неподалеку, здесь же, в Марьиной Роще. Освободившись, они засели в знакомой пивной, гудящей как улей. Вроде как со знанием дела, ожидать, когда документы "спекутся". Потёк мужской разговор. Первым делом Раф спросил:

– А как фармазон выведет старые имена с документов?

– Ну, ты хочешь знать ноу-хау! Человек этим кормится всю жизнь и отец, и дед этим ремеслом кормились! Ещё при Гиляровском.

– Ну, всё-таки! Я же чувствую, ты знаешь!

– Смотри! Никому ни гу-гу!

– Я – человек-могила!

– Есть у этого фармазона в квартире несколько аквариумов со стасиками.

– Какими Стасиками? – наивно спросил Раф.

– Стасики – это рыжие домашние тараканы. В одних аквариумах они плодятся. А в главном – самые голодные! Фармазон обводит надписи на документах сладкой водой – сиропом и кидает в аквариум с самыми голодными стасиками. Те за ночь выедают все буквы с документов. Он потом бумагу гляncует и пишет то, что ему надо!

– А прописку-то он реальную поставит?

– Не ссы! Конечно же! Он знает с десятков адресов в Марьиной Роще, где живут хронические алкаши. Те сами не помнят, кто у них прописан, отродясь! Так что не ссы в компот, там повар ноги моет!

Пили за разговором разбавленное пиво с кислинкой, жигулёвское. В этой пивной пиво хотя нещадно разбавляли, но его цена была по 22 копейки за кружку. В других пивных так же, как и здесь, со столиками, такими же грязными, пиво стоило 35 копеек. И тоже – разбавленное! Только товарищей эта пивная привлекала не низкой ценой, а контингентом посетителей. Публика здесь была надёжная. Вероятность, что среди пьющих пиво посетителей и обслуги роятся стукачи – была минимальной! Корней у продавца-немого купил два вяленых подлещика. У него на обрывке гофрокартона было написано "вобла". Когда товарищи очистили каждый свою рыбку и распробовали, то рыба оказалась пахнущей нефтью. Очевидно, была где-то выловлена вблизи порта. Немой продавец к этому времени бесследно исчез. Очевидно, уже "окучивал" покупателей в другом пивняке. В конце концов, закончив громко возмущаться по поводу запаха рыбы, пахнущей ГСМ, но продолжая её вкушать, Раф, наконец, задал мучивший его вопрос:

– Вот я открыл "в одну харю" огромное месторождение нефти. А в результате – в бегах! А как же, на предмет утверждения, что победителей не судят?

– Ну-у, – отвечал ему мудрый Корней, – Оглянись, во всех НИИ молодёжь реализует свои свежие идеи, пришедшие в их свежие головы. А результаты открытий пожинает академик-старпёр. Он и не стесняется этого. Процесс напоминает возврат долга родителям, так сказать, перманентно. Вот, допустим, ты. Тебя родители такого лба вырастили. Прикинь, сколько они даже просто матсредств на тебя потратили. На один только откорм! Это, вроде как, они отдали долг за то, что их самих твоя бабушка и дедушка вырастили. И так далее... А ты их не содержишь.

Но Раф не дал ему развить мысль о его долге родителям:

– Да хер с ним, с этим вновь открытым месторождением. Но ведь я, как я тебе рассказывал, могу абсолютно точно сказать на местности, без всяких геологических карт, где есть залежь нефти, а где её нет, понимаешь!

– Кому нужны твои знания? Ты помалкивай про это. Ещё в "дурку" загремишь. Их здесь, знаешь, сколько – ожидающих клиентов? "Кашенко", "Белые Столбы", "Пятнашка" и ещё куча! Ты всегда смотри, надо ли тебе это? Вот, допустим, ты придёшь к директору пивной. И расскажешь ему, где бесплатно воблу брать. Думаешь, освоив источник воблы, он отблагодарит тебя? Член в ж...пу! Он станет ненавидеть тебя и ещё натравит на тебя бакланов за ведро пива, чтобы они тебе п...здюлей наваляли и отвадили от его пивной! И вся игра!

– Ну, так почему так? – долдонил Раф, слегка отупевший от пива. Вдобавок, он испугался количества в Москве "дурдомов".

– Жизнь – она состоит из парадоксов, полностью! Муж бьёт жену – она его любит! Перестанет п...здить, станет ласкать – она пойдёт бл...довать напропалую! Плюс, ещё учти, "закон джунглей" – он существует! Помножь на это осложнение и получишь примерную относительную разгадку: "Как жить!"

Через десяток лет Раф как-то пребывал на переговорах в одном частном офисе, владелец которого занимался перепродажей чужой

товарной нефти. Для пущей важности хозяин кабинета украсил стену огромной картой "Полезные ископаемые Северо-Западного Региона России", свежей, выпущенной год назад. Раф заинтересованно рассматривал покрашенные буро-зелёной краской поля болот тундры "Мутный Материк". Ориентируясь по речкам, озёрам и сопредельным площадям, он нашёл точно то место, где стояла ЕГО буровая. На этом месте красовалась крупная клякса чёрного цвета, обозначающее крупное месторождение нефти. Оно названо было именем умершего за рабочим столом начальника его экспедиции.

Ничего не шевельнулось в душе Рафа. Это была прошлая, бывшая жизнь. Досадного разочарования в душе также не было. Напротив, Раф был удовлетворён, а потому спокоен. Ведь цель, поставленная им в юности, была достигнута и задача выполнена! А чьим именем было названо месторождение нефти – дело двадцатое! Всё одно: это было в копилку его Родины, России. Если рассмотреть с материальной точки зрения – с названия дивидендов не выдрочишь, это же не название песни?! Если даже абстрагироваться и представить, что он сумел приватизировать это месторождение, то в одно мгновение с него прибыль не получишь. Один лишь нефтепровод будет стоить один лимон зелени за один километр. Хорошо тем, кто приватизировал обустроенные советские месторождения, все остальное – один "головняк"! Налоги, роялти, поборы с новичка будут сдирать, как и с владельцев советских месторождений...

После таких рассуждений у Рафа осталась лишь гордость за себя! Он смог доказать свои заявки и он был горд за себя! А это – самое главное в жизни, быть перед собой самим – гордым, не стыдящимся за своё прошлое.

Вечером этого же дня Раф сидел дома. Компанию его разделял лишь друг Корней. Они к этому времени уже снимали вполне приличную двухкомнатную квартиру. Попытка сэкономить и снимать однушку у них провалилась, по причине неумного нрава Рафа по части женского пола. На все попытки Корнея, который страдал от этого, из-за частых просьб соседа "предоставить хату для факингтайма", чтобы Раф умерил свой пыл, последний отвечал:

– Я в поиске. Вот найду ту, единственную – и прекращу опыты. Физики нас учат, что чистота опыта зависит от количества опытов!

Корней понимал, что если его друг-сосед найдет «ту, единственную», ему, Корнею, придется еще хуже. Одно его спасало, он был уверен, что Раф свою единственную во второй раз уже не найдет никогда.

Корней по части женщин был не силен, таких в северных краях зовут "конь". Другими словами, все подружки, которые приходили в паре с очередной пассией Рафа, так и не могли сподобить Корнея на сексуальные подвиги, даже в однократном акте. Не то, чтобы он смущался своего физического недостатка – отсутствия ушных раковин, которые он самолично отрезал себе в абстинентном порыве. Раковины ушные ему давно "космические", как он называл косметологов, хирурги пришили, что явилось очередным происшествием в жизни товарищей. Хирург, которого нашел Корней по "сарафанному радио", пришлёпал ему ушные раковины между двумя имплантациями силиконовых прелестей дамочкам. Вырезал он заготовки этих, как он профессионально лихо называл "пельменей", из заготовок, которые отхватил у своей жертвы от лишнего мяса ягодиц, отчего Корней потом ревел белугой, путая мести слова в предложениях:

– Уши – к ж...пе, ж...пу – к ушам!..

Дело в том, что произведения косметолога получились неказистыми – напоминали ушки плюшевого мишки, да и то, если бы тот был необыкновенного цвета. Цвет ушей получился желто-морковный. Такой цвет бывает у трупов, за подготовку которого к похоронам хорошо заплатили. Отчего Корней орал:

– Уши цвета "в последний путь"!..

На все предьявы доктору, основные тезисы которых были типа "убью, зарежу", тот отвечал, что у него одна крыша в Солнцево, а другая – на Петровке! По крыше на каждое ухо, нагло шутил он. Причем от переделки своей работы он не отказывался и резонно обставлял свои заявки:

– Переделаю, без проблем! – Но рассудил Корнея логически: – Ты же бизнесмен! – льстил он своей жертве, – время-то я на тебя

потратил. А за каждый час я вставляю по одной сиське. Вот и посчитай, в пересчете на сиськи, сколько я денег теряю на тебе!

У Корнея голова окончательно пошла кругом, от набора "уши-сиськи-ж...па", и он от доктора отступился. Тем более что друг Раф посоветовал:

–Всё равно этот мясник ничего толкового сделать не сможет. Давай подождем, вдруг набежит какой-нибудь умный врач!

Поэтому Корней продолжал носить прическу как у Гоголя. Тем более что он уже к ней очень привык. Боялся лишь, что с годами он облысеет и превратиться из Гоголя в Алексея Толстого, как утешал его Раф: "Ну и что, облысеешь – будешь Толстым! Тоже почётно".

Толстым Корней быть не хотел, поэтому он каждый вечер волосы чем-то мазал. Это превратилось уже чуть ли не в религиозный обряд. Раф его без намаза и не представлял. Вот и сегодня, натирая свои волосы репейным маслом, Корней, выслушав Рафа, что тот видел на карте обозначенное "его" месторождение, но с именем умершего начальника экспедиции, чтобы поддержать друга, спросил:

– А что, вот приехали бы твои архаровцы: помбуры, бурильщики, и сказали: "Раф! Мы тут собираемся бурить тяжелую сверхглубокую скважину. А лучше тебя бурового мастера мы не знаем. Давай, ты возглавишь нашу бригаду, и мы вместе найдем новое месторождение нефти!"

В этот момент из свежеприобретенной друзьями стереосистемы лилась во всю мощь "Californian Dreaming" группы Mamas&Papas. Раф вслушивался в музыку. Слов он не знал, перевода с английского не ведал, но чувствовал музыку другим, необыкновенным чувством, с помощью которого он определял, просто знал, есть под породой нефть, или нет. И вместе с тем слышал параллельно великую мощь музыки ушами. Он сам себе переводил на свой лад английские слова. И ему чудилось, что перед ним стоят помбуры, бурильщики, дизелисты и произносят: "Пойдём на новую установку. Мы только тебе доверяем свои судьбы и жизни. Мы только с тобой верим в успешный исход бурения. Мы победим с тобой, с тобой нам придет удача. Мы знаем, что лучше тебя бурмастера на Земле нет!" – душа Рафа в этот момент пребывала в другом измерении...

– Так пошел бы ты со своими архаровцами, или нет? Чего не отвечаешь, третий раз спрашиваю, заснул, что ли?! – уже кричал Корней сквозь музыку.

– Нет, не пошел бы!

– Чего, собздел бы?! Очко жим-жим?!

– Нет, не в этом дело. Далеко не в этом...

– Так в чем же? Объясни! Тебе же интересно побурить, наверное, ты профессионал, скучаешь, наверное, без буровой?

– Скучаю, но не пошел бы. По крайней мере, при этой обстановке с правами на месторождения и буровые установки.

– А причем обстановка? Бздишь, что если сейчас завалишь вышку, с тебя спросят по законам теперешнего времени, по полной?

– Нет, не боюсь ответственности. Нисколько. Я в себе уверен, не буду от тебя таить. Раньше я беззаветно, без оглядки рисковал жизнью. Я был уверен и ничуть не сомневался, что все открытия пойдут на общее дело. Подспудно был уверен, что мне за эти подвиги будет почёт и уважения. А сейчас что? Применю я свой дар. Найду месторождение. А оно достанется мироедам. Они выкачают нефть, купят себе новую яхту, замок.

– А-а-а!.. – радостно заверещал Корней. – Жалко стало... Жабёшка задушила всё-таки, зависть!

– Нет, не жабёшка, как ты говоришь, – дело в том, что это не мое достояние. Дар открывать месторождения – это старый бурмастер мне подарил. А нефть в недрах принадлежит всему нашему народу. За эти территории, где нефть, наши предки воевали. С Кучумским войском. Так пусть она там и покоится. Пока не придумают, как надёжно роялти людям страны, которые здесь живут, передавались бы. А не строителям яхт и замков других государств.

"Californian Dreaming" доиграла. Корней закончил мазать свои измученные аппликациями локоны. Друзья приступили варить чай. Чёрный, как полярная ночь в непогоду.